

AWARD-WINNING AUTHOR

CHRISTIE CRAIG

Welcome to Precious, now...

SHUT UP AND KISS ME

"QUIRKY, TOUCHING AND FUN!
—New York Times Bestselling Author Susan Andersen

Специалиста по PR, Шалу Уинтерс, наняли, чтобы привлечь туристов в маленький тexasский городок, где живут в основном коренные американцы. Вот только ее присутствие здесь вызывает настоящий ураган проблем: мало того, что шеф местной полиции активизируется, так еще и кто-то пытается отправить Шалу на тот свет!

Кристи Крейг

Заткнись и поцелуй меня

Аннотация

Специалиста по PR, Шалу Уинтерс, наняли, чтобы привлечь туристов в маленький тexasский городок, где живут в основном коренные американцы. Вот только ее присутствие здесь вызывает настоящий ураган проблем: мало того, что шеф местной полиции активизируется, так еще и кто-то пытается отправить Шалу на тот свет!

*Моему мужу, Стиву Крейгу, за то, что взвалил на себя готовку,
пока я, намертво приклеившись к клавиатуре,
писала об огненных муравьях, скунсах, потасовках и любви.*

*И моему сыну, Стиву Крейгу-младшему, который ел отцовскую
стряпню и не жаловался -*

ну, не чаще двух раз в день.

Глава 1

— А на нем боевая раскраска или любовная? — послышался женский голос за спиной Шалы Уинтерс.

— Да какая разница, — по-техасски протяжно ответила другая женщина. — Но теперь я понимаю, почему этот город называется Совершенство.

Раздался взрыв хриплого смеха.

Шала закатила бы глаза, кабы в данный момент не пялилась на группу практически голых мускулистых мужчин, вышедших на арену лишь в головных уборах и набедренных повязках. Капелька пота скатилась между грудей. Очень жаль, что Шала не в настроении для практически голых мускулистых мужчин — уже несколько лет как не в настроении. На самом деле она жалела, что вообще притащилась на этот пау-вау. [□](#) Знала б, что здесь запрещено фотографировать, заперлась бы в гостиничном номере с кондиционером, очищая свои джинсы от слюней — и бог знает чего еще, — оставленных собакой, пытавшейся в парке поймать ногу гостыи города.

Проклятье, ей необходимы фотографии для текущего пиар-проекта! Но, судя по знаку у билетной кассы, камеры здесь категорически запрещены. На самом деле Шала вроде как должна была оставить свою у ворот. Ага, конечно. Бросить часть оборудования стоимостью восемь тысяч долларов непонятно с кем. Шала поправила на плече сумку с камерой. Почему мэр Джонсон об этом не предупредил?

— Разрешите. — Блондинка с пышными обесцвеченными волосами и высокая брюнетка протиснулись в толпу поближе к арене.

— Ты только посмотри на это, — протянула брюнетка. — Я всегда любила играть в ковбоев и индейцев и теперь знаю, почему. — И они снова хрипло засмеялись.

— Коренные американцы, — поправила Шала.

— Чего? — переспросила брюнетка.

— Они предпочитают, чтобы их называли коренными американцами.

— Лапочка, я буду называть их, как им хочется, — выдохнула Блонди. — Здесь лучше, чем в стрип-клубе. Ты только посмотри на эти кубики!

Шала прикусила язык. Чтобы кто-то вдруг стал образованным, он должен быть готов учиться.

Она сосредоточила внимание на арене и позволила своему взгляду скользнуть по мужчинам и их «кубикам». Ладно, нельзя винить женщин за то, что они наслаждаются зрелищем. И пусть сама Шала не в настроении, но сие не значит, что она неспособна оценить открывающийся вид. По словам мэра Джонсона, это и послужило причиной, по которой племя только недавно открыло свои пау-вау для публики: люди приезжали лишь поглазеть, а не изучать культуру и историю племени читива.

Однако экономика города зависела от туризма, и потому старейшины изменили свое решение. Шестьдесят пять процентов населения Совершенства, штат Техас, составляли как раз индейцы и индейско-латиноамериканские метисы, так что они были лично заинтересованы в выживании города. А теперь заинтересована и Шала. Ей хорошо заплатили, дабы удостовериться, что Совершенство выживет. Не то чтобы все были рады присутствию Шалы... Скорее, наоборот, о чем и сообщил сам мэр, и, честно говоря, от этого ей становилось немного не по себе.

Мэр Джонсон предложил пока не назначать встречу со старейшинами племени, а подождать второго визита, надеясь, что время смягчит мнение коренных американцев о попытках Шалы развить туризм, распространяя информацию о всяких племенных событиях.

Несколько старейшин двинулись в центр арены и объяснили зрителям, что следующим номером будет «Танец любви — ритуал, предназначенный для соблазнения родственной души». Один из мужчин, с длинными седыми волосами, стекающими на спину, осмотрел толпу. Его взгляд остановился прямо на Шале — во всяком случае, так ей показалось.

— Я уже влюблена, — сказала блондинка рядом с ней, указывая на арену.

Шала перевела взгляд на танцоров, а затем обратно на старейшин. Смотревший на нее незнакомец, казалось, приветственно кивнул. Ветер подхватил его волосы, но глаза индейца не отрывались от Шалы. Он знал, кто она такая? Такое пристальное разглядывание пугало. У Шалы перехватило дыхание.

Публика затихла — благоговейная пауза. Седовласый отвел глаза, и Шала наконец-то смогла вздохнуть. Свежая партия кислорода активировала клетки головного мозга, и она снова пожалела, что не пропустила сие мероприятие. Жара, голод и воспоминания о чересчур энергичной собаке мешали по достоинству оценить шоу.

Порыв ветра оказался слишком горяч, чтобы охладить, но он донес запахи жареного мяса, лука и кукурузы с маслом, отчего в животе заурчало. Купленный в обед гамбургер сгинул у озера в пасти нежданного и крайне любвеобильного четвероногого друга. Пес, прямо как мужчина, думал лишь о сексе и о еде. Оглядевшись, Шала подумала было пробраться к торговым палаткам, но тут услышала низкие глухие удары. Барабаны. Она снова посмотрела на арену: старейшины уже ушли, и вместо них появились танцоры. Барабаны звучали все громче. Напряжение в толпе нарастало. Шала могла поклясться, что температура воздуха повысилась градусов на десять.

С ее губ сорвался вздох. Солнце висело низко над горизонтом, окрашивая небо в розовые и фиолетовые оттенки. Она снова осторожно посмотрела на танцоров. Ритм ударов увеличился, и мужчины начали двигаться. Высокие и гордые. Золотой закат отбрасывал блики на их тела и молил о фотографии. У Шалы пальцы чесались сделать снимок. Она сунула руку в тяжелую сумку... и вспомнила про запрещающий знак на входе.

— Глупые правила, — пробормотала чуть слышно, решив обсудить этот вопрос с мэром. Пау-вау может привлечь в Совершенство туристов, но посетители захотят фотографий.

Когда воздух наполнили странные низкие распевы, раздражение Шалы растаяло. Пот продолжал скапливаться между ее грудей. Танцоры выстроились в линию прямо перед ней: шестеро мужчин, но один выделялся. Третий слева. Ну прямо услада для глаз в лучшем виде.

— О, мой бог! — воскликнула Блонди. — Сколько стоит один из них на ночь?

Шала попыталась не обращать на слова внимания, но когда еще одна капля пота проскользнула под ее правой грудью, влажной струйкой стекла вниз и закатилась в пупок, по телу пронеслась волна чувственной дрожи. Дрожи, какой Шала не чувствовала уже очень давно. «*И на то есть чертовски хорошая причина*», — напомнила она себе.

— А мы можем засовывать доллары в их набедренные повязки? — пролетел сквозь толпу протяжный выговор брюнетки.

Шала бросила на нее быстрый взгляд, закатила глаза и снова уставилась на танцора. Жесткий. Безжалостный. С мускулистыми руками и ногами. Он двигался в пульсирующем ритме барабанов. Распушенные черные волосы взлетали вверх и вниз в такт движениям, а головной убор с рядами белых перьев переливался в солнечном свете.

Кожа танцора, цветом намекавшая на его индейские корни, ловила отблески заходящего солнца. Казалось, что она смазана маслом. Смазанная... Смазанная маслом гладкая мужская кожа. Эта мысль вернула Шалу во времена, когда при помощи бутылочки детского масла они с мужем испортили отличный набор постельного белья. Тело Шалы отчетливо вспомнило те ощущения: ее смазанная кожа скользит по его... Эти впечатления стоили хорошего египетского хлопка. Жаль только, что брак отправился в мусорку вслед за простынями.

— Боже правый, ты только глянь на его повязку! — воскликнула Блонди.

Шала не задумываясь опустила взгляд. Барабаны продолжали стучать, и этот эротичный звук проник под ее кожу, в ее кровь. Бум. Бум. Бум. Шала уставилась на полоску белой ткани, смутно осознавая, что ведет себя так же ужасно, как две женщины по соседству. Она закрыла глаза, а когда вновь их открыла — мужчина танцевал гораздо ближе. Подняв взгляд, она увидела высокие скулы, слишком красивые для мужчины губы, точеный нос...

У Шалы перехватило дыхание. Его ястребиный и явно неодобрительный взор был направлен прямо на нее. Он засек, как она влюбленно пялилась на его набедренную повязку? Шала покраснела и отвернулась, но успела заметить, как танцор устрашающе нахмурился.

Она принялась оглядывать толпу, будто искала кого-то, хотя не знала тут ни души. И неважно, что с самого приезда ее преследует странное ощущение, будто за ней кто-то наблюдает; просто город слишком маленький, вот и все. По спине пробежал холодок. Шала была чужачкой. По словам мэра, нежеланной чужачкой.

Хотя танцор смотрел как-то иначе. Она по-прежнему ощущала на себе его взгляд, пробуждающий внутри странные эмоции. Например, одиночество. Как можно чувствовать себя одинокой, когда вокруг толпа человек триста? *«Проще простого, — пронеслось в голове. — Ты никого не подпускаешь к себе слишком близко. Особенно мужчин».* Но одиночество — малая цена за эмоциональную безопасность.

— Эй. — Брюнетка толкнула Шалу локтем. — Он смотрит на тебя.

Шала проигнорировала ее, но смело встретила очередной взгляд танцора. И тут же об этом пожалела. Его хмурый вид стал еще более сердитым. В панике она полезла копаться в своей сумке — повод отвернуться и не показаться при этом трусихой, которой в нормальное время Шала и не являлась. Но ничего из происходящего не было нормальным, правда, она не могла сказать, почему.

Ритм барабанов изменился, и Шала скорее почувствовала, чем увидела, что танцоры развернулись. Несмотря на искушение посмотреть и проверить, уступает ли задняя часть незнакомца передней, гостя города все-таки решила сбежать.

— Глянь на эти крепкие задницы! — воскликнула брюнетка.

Рядом загоготали. Шала не глянула и не засмеялась. Она двинулась к выходу, но ремень ее холщовой сумки зацепился за локоть брюнетки. Сумка соскользнула с плеча, и «Никон» за восемь тысяч долларов полетел на землю.

— Нет!

Шала рухнула на колени, подхватила камеру и проверила объектив на предмет трещин. Слава богу, никаких видимых повреждений. Чтобы рассмотреть все получше, поднесла камеру поближе к лицу и тут краем глаза заметила вспышку. А опустив «Никон», увидела, как брюнетка бросила в свою сумку простую «мыльницу».

Больше заинтересованная собственным оборудованием, чем незаконной фотосессией,

Шала снова переключила внимание. Внезапно ропот эхом пронесся по толпе. Привстав, она оторвалась от своей камеры и практически уткнулась носом в переднюю часть чьей-то набедренной повязки. Шала сглотнула ком в горле и поднялась на ноги.

Стоявшему перед ней человеку она едва доставала до груди, однако напустила на себя невозмутимый вид, будто ее нос каждый день оказывается между мужских ног. Но прежде, чем смогла дать разумное объяснение присутствию рядом с собой танцора, тот выдернул камеру из ее рук. Шала ошеломленно смотрела, как его зад — который, кстати, ничуть не уступал передней части — исчезает в толпе.

И тут на нее обрушилась реальность. Кто-то только что сбежал вместе с ее восьмистысячедолларовой камерой.

— Остановите этого человека! — завопила Шала и бросилась в погоню.

* * *

Час спустя, стоя возле билетной кассы, обдуваемая горячим ночным воздухом и все еще потеющая Шала была на грани безумия. Рэдфут Даркуотер, седовласый индеец, смотревший на нее с арены, не поддавался никакому воздействию. Он был четвертым членом совета, спустившегося вниз, чтобы обсудить пропавшую камеру Шалы.

Обсудить? Ха! Первые трое старейшин все еще возвышались рядом словно скалы, глядя на нее, как на насекомое неизвестного вида. За все время они и шести слов не произнесли! Да и Рэдфут не особо отличался, застыв со скрещенными на груди руками. Шале хотелось ткнуть в него пальцем, дабы убедиться, что этот индеец — не одна из тех статуй, которые она видела в детстве возле табачных магазинов.

— Сэр, позвольте мне сказать это еще раз: мне нужна моя камера.

Рэдфут и глазом не моргнул, но хотя бы пошевелился — указал на знак:

— Ты читала правила. Да?

Он разговаривает!

— Да. Я читала правила, но я ведь не фотографировала. Я просто не хотела оставлять мою...

— Скай говорит, ты сделала снимок.

Скай? О, мистер Услада Для Глаз.

— Что ж, Скай лжет. Я не делала снимков, снимала женщина рядом со мной.

— Однако у тебя с собой была камера. Правило гласит: все камеры нужно оставлять на входе, иначе они будут конфискованы на неделю.

Шала задержала дыхание и задумалась: должна ли она сказать ему, кем является и что здесь делает? О черт, она не хотела знакомиться с местными таким образом!

— Слушайте, я признаю, что нарушила правила, и сожалею. Но я не фотографировала, так что не могли бы вы отдать мне мою...

— Не могу отдать камеру. Скай забрал камеру.

— Почему забрал? Кто такой этот Скай?

— Он разбирается в таких вещах. Поговори со Скаем.

Шала умирала от желания использовать несколько резких фразочек, но воспитавшие ее

бабушка с дедушкой привили ей уважение к старшим... Даже к таким несговорчивым старым пердунам. Понимая, что у нее в любом случае ничего не получается, Шала решила быть предельно честной:

— Послушайте, я здесь, в Техасе, в Совершенстве, по просьбе вашего мэра. Я работаю на благо города, привлекаю сюда туристов. Мэр хочет, чтобы я нашла, в чем то самое «совершенство» этого места, и... и пропавшая камера становится проблемой. Вы понимаете?

Лоб Рэдфута прорезали морщины.

— Ты ждешь одну неделю. Ты говоришь со Скаем. Преподнеси ему дар, и он, вероятно, отдаст твою камеру. Однако пленку, я уверен, он уже уничтожил.

— Пленку? Дар? — Шала еще раз глубоко вдохнула, в поисках спокойствия, которое в настоящее время отсутствовало в пределах ее досягаемости. — Моя камера цифровая, и в ней каждый кадр, отснятый за последние три дня. Если этот человек сделает что-нибудь с картой памяти, я... — Она выдохнула. — Могу ли я с ним поговорить? Пожалуйста. Прошу вас. Прошу-у-у-у-у!

Старик почти поддался. Почти.

— Одна неделя. А потом говоришь Скаю, что хочешь обратно свою камеру. Скай — справедливый человек. Он все вернет. Может, попросит взамен дар. Одна женщина чистила ему сапоги, чтобы вернуть свою камеру. Сделаешь то, что скажет Скай, и он будет справедлив.

В Шале закипела ярость:

— Через неделю меня уже здесь не будет. Мне нужно мое оборудование, и нужно сейчас. И я не собираюсь начищать чьи бы то ни было сапоги. Я собираюсь вызвать полицию.

— Это земля индейцев. Полиция здесь ничего не значит. Но ты ведь знаешь об этом, не так ли?

Она знала. Но приступы гнева способствовали забыванию подобных вещей, а один такой приступ как раз сейчас был в самом разгаре. Иначе зачем еще Шала бодалась бы с людьми, с которыми ей необходимо сотрудничать ради успеха дела? Но было уже слишком поздно. Потом она все исправит, но сейчас ей нужна камера.

— Слушайте, я не собираюсь чистить чью-то обувь...

— Значит, недостаточно сильно хочешь свою камеру. — Рэдфут развернулся, собираясь уйти.

Шала окликнула его по имени, надеясь, что правильно его запомнила:

— Прошу вас. Мне она действительно нужна. — Старик обернулся, и Шала могла поклясться, что в его выцветших серых глазах плескалось сочувствие. — Пожалуйста, — повторила она.

— Женщина, ты сбиваешь с толку. Ты, кажется, милая девочка, но не соблюдаешь правила. Говоришь, что не фотографировала, но Скай не лжет. Говоришь, что хочешь вернуть свою камеру, но отказываешь работать, чтобы получить ее обратно. Надеюсь, я не ошибся в тебе, Голубые Глаза.

Голубые глаза? Не ошибся в чем? Старик говорил как индейское печенье с предсказанием, и Шала подозревала, что это часть представления.

— Это моя вещь, и я не должна работать, чтобы ее вернуть.

Горячий ветер взметнул его седые волосы.

— Вся эта земля была нашей, а теперь белые люди злятся, что мы не платим налоги за

небольшой клочок, который нам оставили.

Шала моргнула. Каким образом ее камеру приравняли к нарушению древнего мирного договора? Она знала, что не сможет победить в споре — не с Рэдфутом, — но не в ее правилах было сдаваться.

— Слушайте...

— Тебе нужно научиться соблюдать правила, Голубые Глаза. Уверен, Скай тебя научит. — Качая головой, Рэдфут ушел.

Шала повернулась к подростку, который позвал всех четверых старейшин поговорить с ней. Он стоял, прислонившись к кассе, и, разинув рот, глазел на буфера чужачки. Потом поднял взгляд к ее лицу, но Шала уже заметила, какой произвела эффект. Она послала парнишке кокетливую улыбку, надеясь получить то, что ей нужно:

— Не мог бы ты позвать... Ская? Мне нужно с ним поговорить.

Кадык парня дернулся.

— Мистер Гомес уехал. Приходите на следующей неделе, как сказал Рэдфут, Скай справедливый человек.

Ну ладно, мальчишку, видимо, обучали упрямству. Либо так, либо Шала совсем разучилась флиртовать. Скорее последнее, учитывая, что она не практиковалась годами. И тут до нее дошло:

— *Скай Гомес?* Это его имя?

Парнишка выглядел как рыба, вытащенная из воды. Он начал что-то бормотать, но Шала не стала задерживаться, чтобы послушать.

— Скай Гомес, — повторила она по дороге к своей машине.

Совершенство, штат Техас, размером не больше родинки. Как бы то ни было, Шала собиралась найти этого Гомеса и вернуть свою камеру. Или найти его и закопать в ближайшей компостной куче.

Ребята в ресторане быстрого питания притворились, что не знают Ская Гомеса. Парень из магазина на заправке вообще отказался разговаривать с Шалой. Оператор телефонной станции сказал, что номер и адрес мистера Гомеса не внесены в справочник. А когда Шала попросила служащую в аптеке показать, где находится дом Ская, та похлопала ее по плечу и ответила, мол, лучше ей попрощаться со своей камерой по крайней мере на неделю. Тут что, все сговорились?

Почти десять вечера. После очередной неудачной попытки заставить кого-нибудь — кого угодно — в этой дыре рассказать ей, где найти нужного человека, Шала прибегла к отчаянным мерам. Она направила свою «Хонду Аккорд» вниз по 301 шоссе к последнему месту, где бы ей хотелось оказаться: к единственному в городе бару.

И каким же «прекрасным» оказалось сие заведение. Оно напоминало нечто среднее между байкерским клубом и полуразрушенным сараем. Красовавшаяся на металлической крыше огромная безумная курица с кружкой пива, конечно, придавала этому месту особый стиль. Но в то же время пьяная пучеглазая птица на самом деле отражала название бара: «Напуганный цыпленок». Естественно, кто-то исправил букву «г» на «к», так что Шала собиралась зайти в «Напуканного цыпленка».

Она проезжала мимо этого заведения несколько раз в течение дня и поместила его в самое начало «с-этим-необходимо-что-то-сделать» списка, который составляла для мэра. Эй, она ценила уникальные местечки. Туристы их любят, но данный бар нельзя было причислить к разряду эксцентричных. Он, скорее, из категории «оставь надежду всяк сюда входящий». И Шала как раз стояла на пороге.

«И на то есть уважительная причина, — напомнила она себе. — "Никон"».

Шала потратила наследство, полученное от бабушки, чтобы купить камеру, и хотела ее вернуть. Это может показаться глупым, но через фотоаппарат Шала ощущала связь со старушкой, будто та все еще наблюдает за внучкой. Ага, грустно для двадцативосьмилетней девицы по-прежнему мечтать, чтобы кто-то о ней заботился, но кто без недостатков?

Когда она свернула на парковку, зеркало заднего вида затопил свет фар другого автомобиля. Шала оглянулась и заметила темный седан, который уже видела раньше. Он остановился у обочины на противоположной стороне улицы. Может, Скай Гомес? Нет, это было бы совсем не смешно. Нет.

Выбравшись из машины, Шала направилась к своему преследователю. Два шага ближе — и седан умчался. Но когда он проезжал под фонарем, она смогла рассмотреть водителя: большой парень с короткими светлыми волосами. Не тот, кто украл камеру.

Так кто же это? В памяти всплыло предупреждение мэра: *«Некоторые люди в городе, особенно коренные, не хотят видеть здесь туристов. Не удивляйтесь, если столкнетесь с некой недружелюбностью».* Вот только насколько «недружелюбными» они могут быть?

— Достаточно, чтобы украсть мою камеру, — пробормотала Шала.

Затем напустила на себя храбрый вид и, полная решимости вернуть свой «Никон», стремительно вошла в «Напуканного цыпленка».

Какое-то время спустя, Шала притормозила перед бревенчатым жилищем Ская Гомеса. Луна висела угрожающе низко. И не пребывая Шала в абсолютной ярости, то нашла бы это место странным. Но вид на хижину, расположенную между двумя дубами, перекрывала все еще игравшая в голове жуткая музыка.

Прижавшись к рулю, Шала заметила, что из окна на левой стороне крыльца льется золотой свет, а рядом с домом припаркован грузовик. Хозяин здесь. Образ хмурого мужчины в набедренной повязке мелькнул перед глазами, и по спине пробежала дрожь.

Шала огляделась по сторонам, надеясь увидеть свет в соседних домах. Неа. Абсолютная темнота. Есть только Шала и вор, укравший ее камеру — ее чудесную камеру! — вор, о котором ничего не известно. Он мог оказаться серийным убийцей. Не то чтобы он был похож на серийного убийцу, но Шала некоторое время с таковыми не сталкивалась — некоторое время, то есть никогда, — так что могла не заметить сходства. Она проверила зеркало заднего вида. Ну, по крайней мере, седан больше ее не преследует.

Шала понимала, что может уйти, но она пережила посещение «Напуганного цыпленка» не для того, чтобы сейчас отступить. Бармен ухохатывался над ее двадцатидолларовой взяткой:

— Сладкая, Скай меня уроет, а это стоит как минимум пятьдесят баксов.

И знай Шала, какую цену запросит за информацию Бо Игл, владелец бара, то, возможно, рассмотрела бы предложение бармена как более выгодную сделку.

Пришлось взять Бо два пива, прежде чем он хотя бы признался, что знает Ская. Совсем другое дело вспомнить, где Скай живет... Но конечная цена за точный адрес заставила Шалу пасть еще ниже.

— Чутьочку лести и один танец, и я могу сболтнуть адрес Ская.

Слова Бо скакали в ее голове, словно шипованные мячики для пинг-понга. Потом Шала и Бо вроде как танцевали, и ей пришлось флиртовать с ним до второго пришествия. И этот танец она вовеки не забудет. В плохом смысле. Кто ж знал, что стиль диско еще не умер?

Шала вышла из автомобиля, и жаркая ночь прильнула к ее коже. В голову пришла мысль с помощью все того же флирта выманить у Ская Гомеса камеру, но Шала быстро от нее отмахнулась. Что-то подсказывало, что мистер Гомес не любит женщин. Или не любит голубоглазых типично американских блондинок, плящих на его набедренную повязку. Ведь судьба не могла быть так жестока и сделать такого потрясающего красавца геем, правда? О да, судьба могла...

Не то чтобы Шала думала, будто Скай Гомес — гей. Или переживала по этому поводу. И какая разница, нравится она ему или нет? Она здесь с единственной целью: вернуть свою собственность.

В ожидании неприятностей ее спина напряглась, и Шала обхватила руками сумку. Если понадобится вызвать полицию — она это сделает. Она растеряла все свое терпение где-то на танцполе, когда Бо протаскивал ее между своих ног.

Глубоко вздохнув и убедившись, что в сумке есть газовый баллончик, Шала приблизилась к темному крыльцу. Еще один глубокий вздох — и гостя постучала. Никто не ответил, и она постучала снова.

— Пожалуйста, будь дома, — пробормотала она, в третий раз постукивая костяшками пальцев по массивной деревянной двери. — Черт возьми, я предпочла бы больше никогда не танцевать диско. Будь дома.

— Я дома.

Шала подскочила и ударилась головой о дверной проем. Голос прозвучал откуда-то справа, с темной стороны крыльца, и она устремила туда свой пристальный взгляд.

— Бо, видимо, плохо объяснил вам дорогу, — продолжал голос. — Вы добирались сюда вдвое дольше, чем должны были.

— Бо сказал вам, что я приеду? — Шала прищурилась в темноту, но смогла разглядеть только фигуру человека, сидящего на установленных на крыльце качелях. Очень хорошую фигуру, на которой, Шала надеялась, было чуть больше одежды, чем прежде.

— Мне весь вечер звонили по поводу вас. Сын Джеймса Стоуна из билетной кассы. Муншайн, Кугуар, Вульф и, наконец, Рэдфут. Рэдфут хорошо о вас отзывался.

Она знала, что больше всего понравилась Рэдфуту.

— Послушайте, я хочу...

— Вам удалось сегодня встретиться со всеми старейшинами. Поздравляю.

— Послушайте, я здесь...

— Томми Кроу позвонил, пока делал бургеры, и сообщил, что меня искала какая-то цыпочка. Эви из аптеки попросила, чтобы я вел себя с вами повежливее. Харви из магазина сказал, что вы были в отчаянии и вроде как на самом деле собрались идти в «Напуганного цыпленка». Большинство приезжих стараются держаться от этого места подальше.

— С чего бы это? — огрызнулась Шала. Но она пришла не для того, чтобы обсуждать местные достопримечательности. — Я здесь не для...

— Эдуардо, бармен, сказал, что отказался от вашей взятки. Но вам повезло встретить Бо. Нет ничего такого, чего он не сделает ради пива и танцев. Бо сказал...

— Мне не интересно, что сказал Бо, мистер Гомес. Я уже поняла. Все в городе вам преданы. — А это значит, что они или любят его, или боятся. Шала нащупала в сумочке свой газовый баллончик.

Со стороны качелей послышалось рычание, и к фотоаппаратному вору подошли два громадных пса. Шала отступила назад. Все, на сегодняшний день лимит терпения исчерпан. Сначала собака, затем Бо...

— Не волнуйтесь, вы в безопасности, — сказал Скай.

— С собаками или с вами?

— Со всеми. — Он похлопал по качелям рядом с собой. — Присаживайтесь.

— Я лучше постою. — Повисла звенящая тишина. Шала заметила, что танцор переоделся в джинсы и рубашку. — Знаете, было бы гораздо проще, если бы вы согласились со мной поговорить.

А еще проще, если бы он вообще не крал ее камеру.

— Проще для кого? — Он переместился. Качели скрипнули, но затем все снова погрузилось в интимную тишину.

— Для нас обоих. Мне бы не пришлось бегать по всему городу, пытаясь подкупить людей. А вас бы никто не тревожил звонками.

Он скрестил руки на груди, и в этой позе стал казаться еще массивнее, сильнее. Непрístupнее.

— Меня и не тревожили. Они мои друзья. Я наслаждался каждой беседой. И думаю, что они наслаждались вашим вниманием. Особенно Бо. За три года вы первая женщина, с которой он танцевал. — Шала поежилась, вспомнив этот танец, что в свою очередь вызвало воспоминания о движениях озабоченной псины в парке. — Я бы заплатил, чтобы это

увидеть.

Громкий звон пронзил ночь. Скай достал из кармана рубашки телефон и ответил:

— Да? — Пауза. — Она здесь.

Его взгляд прошелся по телу Шалы вверх, а затем медленно вниз, будто бы Скай хотел ее напугать. Это сработало, вот только будь она проклята, если признается.

— Она все в том же. — Он хмыкнул. Глубокий гортанный звук чуть приглушил ее страх, но зато усилил раздражение. Скай отвел телефон в сторону и посмотрел на Шалу. — Бо передает привет. — И опять в трубку: — Не волнуйся, я могу с ней справиться.

Он отсоединился и снова взглянул на Шалу своими темными глазами.

— Со мной не так-то просто справиться, — вскипела она.

— Я готов попробовать. — Скай улыбнулся. По-настоящему улыбнулся. И это самодовольное выражение словно наждаком прошло по ее расшатанным нервам. Да и кое-какие уцелевшие за сегодняшний день тоже зацепило.

Она протяжно выдохнула:

— Я здесь из-за своей камеры. Если вы непротив...

— Это все?

— Что "все"?

— Все, что вас сюда привело? Судя по тому, как вы смотрели на меня на пау-вау...

Шала покраснела:

— Это все, что мне нужно.

— Это вы интересовались, можно ли засовывать купюры в мою набедренную повязку?

Чувствуя, как пылает лицо, она выдавила:

— Нет! Это была не я. Мне нужна моя камера.

— Если это единственная причина, по которой вы здесь, то ваш диско-танец с Бо был напрасным. Я не скажу вам ничего нового. Вас просили ознакомиться с правилами, прежде чем покупать билет. Вы нарушили правила.

— Я не фотографировала!

— Доказательства говорят об обратном.

— Какие доказательства?

— Я. Я все видел.

— Вы видели вспышку. Но не от моей камеры.

Скай встал, и качели снова закрипели.

— Вы считаете меня глупцом, мисс Уинтерс?

Итак, он знал, как ее зовут. И наверняка знал причину, по которой она сюда приехала. Была вероятность, что Скай Гомес — один из тех, кто не желал видеть ее в городе. Так ли это на самом деле?

Шала шагнула вперед.

И, борясь с искушением применить газовый баллончик, напустила на себя храбрый вид:

— Может, вы и не глупец, но точно делаете поспешные и глупые выводы.

— Думаете, я не слышал, о чем вы там болтали со своими подружками?

— Подружками? — Она сделала еще один шаг, скорее разозлившись, чем смутившись или испугавшись. — Во-первых, сегодня на пау-вау я была одна. Те женщины рядом со мной вели себя грубо и беспардонно, но я не имею к этому отношения.

Скай, казалось, действительно слушал.

— Во-вторых, вспышка, которую вы видели, была не от моей камеры, а от фотоаппарата

тех женщин. В-третьих...

— Но у вас с собой была камера. И этого достаточно, чтобы я ее конфисковал.

Шала стиснула зубы:

— В-третьих, вы знаете, кто я, а значит, знаете, и зачем я здесь. Так что верните мне камеру, чтобы я могла делать свою работу.

— Увы.

Оказавшись так близко к нему, Шала поняла, что в Скае Гомесе что-то изменилось. Его волосы. Либо он подстригся, либо там, на арене, был в парике.

— Это дорогое оборудование. — Она подступила еще на шаг, так, что смогла почувствовать запах его кожи. Скай недавно принял душ, и от него пахло пряным мужским мылом и чем-то еще, чему Шала не могла подобрать название. Что бы это ни было, оно заставило ее глубоко вдохнуть. И мечтать о том, чтобы тоже принять душ.

— Приходите через неделю и вежливо попросите, и посмотрим, сможем ли мы прийти к соглашению.

— У меня нет недели! Через два дня я уезжаю и...

— Какая досада.

И вот так просто он отступил, вошел в дом и захлопнул за собой дверь, оставив Шалу на улице одну. Наедине с темнотой. Наедине с яростью. Наедине с...

Утробный рык прорезал ночную тишину.

Ну ладно, она тут не совсем одна.

— Хорошие щеночки, — пробормотала Шала.

Когда собаки не попытались ни загрызть ее, ни изнасиловать ее ногу, страх отступил, но гнев никуда не делся.

— Да пошел ты! — крикнула Шала и рванула к своей машине, но на полпути вспомнила танец с Бо.

Развернувшись, взлетела по ступенькам крыльца, подошла к двери и собралась было постучать, но вместо этого — да какого черта! — потянулась к дверной ручке. Ожидала, что будет заперто, но ручка легко повернулась.

Шала вошла внутрь и обнаружила Ская сидящим на коричневом кожаном диване. На журнальном столике стояла лампа, заливая комнату золотым светом. Шала позволила себе мельком оглядеться. Открытая планировка. В просторной комнате совмещены кухня и жилая зона. Всюду дерево. Много дерева. Деревянная мебель, деревянный пол. Большой камин, выложенный камнем, и несколько цветастых ковриков. Необычно. Уютно, но по-мужски. Под стать хозяину. С его черными волосами и дьявольскими темными глазами, он напоминал одного из братьев Ордонез, испанских тореадоров. Только Скай Гомес выглядел еще более мужественным.

Он сосредоточил свое внимание на госте, по-видимому, ни капли не удивившись. Он, скорее, выглядел довольным. Темные глаза прошли по телу Шалы с тем самым выражением, с каким мужчины обычно мысленно раздевают женщину догола. Она вздрогнула.

Скай облизнул губы:

— Уверена, что камера — единственная причина, по которой ты здесь?

От его голоса с хрипотцой по спине пробежала чувственная дрожь.

— Уверена.

Во рту пересохло от одного взгляда на Ская. В джинсах и белой рубашке он выглядел

как привлекательный и уверенный в себе парень, о котором мечтает каждая женщина. Но, черт возьми, Шале было плевать на то, как он выглядит и сколько источает тестостерона. Да и на то, что он только что мысленно стащил с нее всю одежду. Ну, это Шалу как раз волновало, но ведь она не могла повлиять на то, что он делает в своей голове.

— Слушай, я хочу вернуть свою камеру. Она нужна мне. Там на карте памяти десятки снимков, без которых мне никак не закончить работу. Если не выполню задание, мне не заплатят. Если мне не заплатят, я не смогу покрыть аренду. Я пытаюсь быть разумной в данной ситуации, но не уйду без своей камеры. — Шала достали из сумки сотовый.

Скай поднял руку:

— Подожди.

Она не собиралась ждать и открыла телефон:

— Либо ты отдаешь мне камеру, либо я звоню в полицию. Прямо сейчас. Это последнее предупреждение.

Выражение его лица не изменилось.

— Ну, хорошо это или нет, но мы вроде как в захолустном городишке, так что я не думаю, что шеф сегодня на дежурстве.

— Тогда я вызову его на дежурство.

К счастью, дом Ская Гомеса находился не на территории резервации, и Шала устала быть милой. Примерно в тот момент, когда Бо во второй раз попытался пробросить ее между своих ног.

Скай изогнул брови:

— Уверяю, шеф во всем согласится со мной. Давай просто скажем...

— Думаю, сейчас мы в этом убедимся, не так ли? — отрезала Шала. Учитывая, что ее нанял мэр, шеф полиции должен бы быть на ее стороне. О боже, пусть он будет на ее стороне!

Скай снова скрестил руки на груди. На своей широкой груди. Шала помнила, как он выглядел без рубашки... «*Не сейчас!*» — мысленно прикрикнула она на свои пробудившиеся гормоны.

Скай потянулся и расстегнул ворот, будто прочитав ее мысли:

— Дать тебе телефонную книгу? Или поверишь на слово, если продиктую номер?

Шала нахмурилась:

— Я наберу девять-один-один.

— Ну, это один из вариантов.

Он откинулся на спинку дивана. Это небольшое движение вновь привлекло внимание к его телу, к тому, как под рукавами рубашки переливаются мышцы. Насладившись зрелищем, Шала отметила, что джинсы Ская отлично сидят на его бедрах.

Осознав, что пялится, и представив, как выглядит со стороны, она заставила себя сосредоточиться на его самодовольной усмешке. Усмешке мужчины, который знает, что женщина сочла его привлекательным. Вот только найти кого-то привлекательным не значит... ровным счетом ничего. Черт возьми, Шала не поддавалась своим желаниям почти два года. Ладно, эти «почти два года» у нее просто не возникало никаких желаний. Когда ее сердце разбилось, гормоны тоже отправились следом. И хотя то, что они выбрали именно данный момент, чтобы напомнить о своем существовании, оказалось неприятной неожиданностью, Шала могла с этим справиться. Ни за что, ни в коем случае она не поддастся этому эгоистичному фотоаппаратному вору. В действительности, если бы все

зависело от нее, мистер Гомес провел бы ночь в тюрьме. Тогда бы и посмотрели, насколько самодовольным можно выглядеть в наручниках.

— Убери телефон, и давай поговорим о том, почему ты здесь на самом деле. — Он погладил спинку дивана, будто приглашая Шалу присесть рядом. В ее ушах все громче звучал гул повышенной сексуальной готовности, передавая сигнал другим частям тела, которые были лишены этого в течение долгого времени.

— Я так не думаю. — Оторвавшись от созерцания великолепного лица, Шала набрала девять-один-один.

— Ведь ты не хочешь этого делать.

Она снова впилась в него взглядом:

— О, я хочу.

Скай провел ладонями вверх и вниз по своим обтянутым джинсами бедрам.

— Ты же понимаешь, что если кто-то и преступил сегодня закон, то это ты. Нарушение границ частной собственности и...

— Я пришла вернуть свою собственность...

Голос на линии, заставил ее замолчать:

— Служба спасения Совершенства, — произнесла женщина. Сочетание слов казалось диким, и пока Шала собиралась с мыслями, голос продолжил: — Миссис Каллан, если это снова вы, повторяю: отсутствие «твинки» — не чрезвычайная ситуация! Подождите, это не ваш...

— Нет, — сумела вставить Шала. — Мне нужна патрульная машина прямо сейчас. Кое-кто украл мою камеру. Я сейчас нахожусь в доме вора, и он все еще отказывается вернуть мою вещь.

— О боже! — воскликнула женщина, будто никогда прежде не сталкивалась со звонками в службу спасения. — Постойте, дайте мне минутку. Сначала я должна убедиться, что это действительно чрезвычайная ситуация. Это *действительно* чрезвычайная ситуация? — спросила она. — Девять-один-один чрезвычайная ситуация?

— Да! Он украл мою камеру и отказывается ее вернуть. И он... он заставляет меня нервничать, если вы понимаете, о чем я.

— Как он заставляет вас нервничать? — поинтересовалась оператор скорее с любопытством, чем обеспокоенно.

— Как будто он мог бы... попытаться кое-что сделать...

Глаза Гомеса расширились, словно он обвинял ее во лжи.

— О боже! — снова воскликнула женщина.

Ну, это не совсем уж откровенное вранье. Шала получила от него множество намеков, и ни один из них не был приличным. Фактически, каждую секунду от Скай исходили все более и более тревожные сигналы.

«Или все более заманчивые», — прошептал голос в ее голове.

О черт, полицейским и правда стоит поспешить.

— Хорошо, — произнесла оператор на другом конце линии. — Я свяжусь с шефом. Но только если вы действительно считаете, что это чрезвычайная ситуация. Он не любит, когда его беспокоят в выходные.

— Это чрезвычайная ситуация! — рявкнула Шала.

— Ладно, вы можете не отсоединяться? Я дозвонюсь до него и передам вашу информацию.

— Хорошо.

Шала взглянула на мистера Гомеса, желая одарить его победной улыбкой, но тот взял газету, делая вид, что нисколько не заинтересован. Черт бы его побрал за подобную невозмутимость. Черт бы его побрал за то, что заставляет Шалу чувствовать себя... живой. По крайней мере, в сексуальном плане. Она не хотела чувствовать себя живой. Эти туманные женские ощущения когда-то заставили ее сказать «Я согласна», и в итоге все закончилось тем, что ее сердце будто истоптали туфлями на шпильках, избili ножом для колки льда, а напоследок отдали детенышу крокодила в качестве зуботочилки.

Хижину наполнил звонок. Отбросив газету, вор потянулся, взял с журнального столика телефон и, встретившись взглядом с Шалой, ответил глубоким страстным голосом:

— Шеф Гомес.

А затем еще имел наглость улыбнуться и подмигнуть.

Наивные голубые глаза Шалы Уинтерс наполнились потрясением, и Скай не мог не насладиться этим зрелищем, так же, как не мог не наслаждаться, просто глядя на нее. Кроме того, что дамочка была чуть ниже среднего роста, больше ничего в ней не было средним. Большая грудь, тонкая талия и достаточно длинные ноги, которые подчеркивала короткая обтягивающая юбка из мягкой джинсовой ткани. А за шанс запустить пальцы в эти легкие светлые волосы можно и заплатить. И вдобавок ко всему мисс Уинтерс обладала лицом ангела.

Вот только это лицо не одурачило Ская. Ангелы не смотрят на мужчин так, как она смотрела на него на пау-вау. Скай еще поверил бы, что она не имеет отношения к тем двум девицам, но Шала не могла отрицать жаркий взгляд, которым одаривала его во время выступления.

— Скай? У нас проблема. Какая-то женщина позвонила по девять-один-один. Она все еще на линии, но... — Звонила Марта, оператор службы спасения ночью, а днем — секретарь шефа полиции. Марта отлично делала две вещи: заботилась о своем «Кадиллаке» и болтала.

И пока она тараторила, Скай наблюдал за гостьей. Она не шевелилась. И он уж начал сомневаться, дышит ли она.

В обычное время шеф Гомес не возражал бы, чтобы его откровенно разглядывал кто-то вроде Шалы, но нынешний вечер стал ярким примером того, почему старейшины его племени так не хотели приглашать зрителей в свой закрытый мир. Посторонние брали что-то культурно значимое и превращали в банальный цирк. И эта женщина — одна из зевак. Предполагалось, что она окажется другой. Предполагалось, что она здесь, дабы предотвратить подобные вещи. И, черт возьми, именно Скай уговорил старейшин дать ей шанс.

Конечно, это случилось до того, как Рэдфут сообщил, что получил *вакои* — священное слово — ниспосланный духом сон, предсказавший соединение двух родственных душ. Скай честно винил не столько своего приемного отца, сколько чили, которое тот съел перед сном. Однако Рэдфут начал свои бесконечные разговоры, мол, Шала Уинтерс — вторая половинка Ская. И поскольку спорить с Рэдфуту бесполезно, единственный способ не дать этому бреду о видениях выйти из-под контроля — держаться от чужачки подальше.

— Скай? Ты меня слушаешь? — Голос Марты вернул его к насущным проблемам.

— Слушаю, — ответил Скай, но, если честно, мыслями был далеко от разговора.

Вместо этого он думал о том, на каком расстоянии поклялся держаться от Шалы, и об их непосредственной близости прямо сейчас. И будь он проклят, если ему не хотелось стать гораздо ближе. К сожалению, осознание запретности плода, сделало великолепную блондинку еще более привлекательной.

Прикрыв телефон ладонью, Скай предложил:

— Если хочешь, можешь присесть.

Шала не обратила на него внимания.

Он подумал, что наблюдать за ней со стороны оказалось достаточно трудно, но сегодняшняя встреча лицом к лицу — еще более тяжелое испытание. Как шеф полиции — и единственный представитель закона в Совершенстве, не считая двух нерегулярных

патрульных — Скай должен был убедиться, что присутствие здесь мисс Уинтерс не активирует одного из местных антитуристических психов. Однако сегодня вечером Скай начал сомневаться в правильности своей собственной позиции, поддерживающей туризм. Стащив камеру Шалы, он едва не поддался искушению сказать старейшинам, что ошибся и теперь изменил решение.

Но не мог так поступить. Стоявшая перед ним женщина — единственный шанс Совершенства на спасение. Она и другие представители прессы. Судьба города и его жителей зависела от туризма. Но черта с два Скай позволит кому бы то ни было шляться по резервации и совать нос в его культуру. Даже Шале Уинтерс.

— Скай?

— Да, Марта?

— Что мне ей сказать? — спросила собеседница. — Если...

Скай подождал, пока она переведет дыхание:

— Все в порядке, Марта. Она здесь.

— Здесь? Она... Ты имеешь в виду позвонившую женщину?

Марта погрузилась в молчание, и это было красноречивее любых слов. Как одна из наиболее белых представителей городского совета, Марта никогда не стеснялась высказывать свое мнение, и неважно, требовалось оно или нет. Не то чтобы секретарша не нравилась Скаю. Нравилась.

— Да, позвонившая женщина. Она здесь. Это я забрал ее камеру — на пау-вау. У меня просто еще не было возможности должным образом представиться.

— О боже, прошу, скажи, что это не Шала Уинтерс! О, Господи, помилуй. — Марта вздохнула. — Это она, не так ли? Мэр живьем сдерет с нас шкуры. Сначала твою шкурку, потом мою. А потом он доберется до моего «Кадиллака».

Она снова собиралась прочитать ему лекцию. О том, что Скай не должен смешивать работу и традиции своего народа. А ведь он уже не раз говорил — а Марта благополучно пропускала мимо ушей, — что его сущность неотделима от его деятельности. И коренной американец, и мексиканец, и белый, и шеф полиции — все это Скай. Один и тот же человек.

— Скай, сейчас неподходящее время...

— Я знаю, Марта. Я обо всем позабочусь.

— Ты собираешься вернуть мне камеру? — спросила Шала.

Скай вскинул голову и поднял указательный палец — мол, терпение. Не сказать, что Шала выглядела так, будто у нее его много.

— Мэр оставил четкие указания, — продолжала Марта. — Мы должны сделать все возможное, чтобы мисс Уинтерс была счастлива. Он так и сказал: «Счастлива как слон!»

Скай снова взглянул на стоящую перед ним красотку, соблазнительно округлую во всех нужных местах. «Чтобы была счастлива...» У него имелось несколько идей о том, как сделать Шалу счастливой.

— Звучит как хороший план.

— Верни ей камеру, Скай! Верни немедленно!

Вообще-то, он имел в виду нечто другое.

— Не могу, Марта.

— О, еще как можешь. Адская бездна обрушится на тебя, если ты этого не сделаешь! — Так уж случилось, что его немолодая секретарша была женой баптистского проповедника.

— Когда обрушится, тогда и буду разбираться, — ответил Скай. Если, конечно,

приспешница ада уже не стояла прямо перед ним. Шала получит свое оборудование обратно через неделю, и ни минутой раньше. Правила есть правила. — Слушай, Марта, мне пора.

Он нажал «отбой» и отбросил трубку в сторону.

Шала же, все еще сжимая в руке мобильник и не шевелясь, пялилась на Ская.

— Ну не засранец ли ты? — поинтересовалась она.

Скай вытер ладонью рот, чтобы скрыть улыбку.

Гостья сунула телефон в сумку, развернулась и ринулась к двери. А Скай наблюдал за этим бегством и вопреки здравому смыслу наслаждался зрелищем. Проклятье, ну зачем Рэдфут начал нести свою чушь о родственных душах? С другой стороны: почему это вообще должно иметь значение? Скай знал, что не создан для подобной ерунды со вторыми половинками. И он несомненно говорил об этом Рэдфуту. Десятки раз. Так почему же в итоге решил, что избегать Шалу — наилучший выход? То, что они оба одиноки и Скай счел чужачку привлекательной, не значит, будто они тут же кинутся в постель. А даже если и так... что ж, они взрослые люди, и если посчитают нужным оказаться голыми вместе, то, черт возьми, это только их дело.

Ну вот! Он сказал это: Шала Уинтерс не под запретом. В глубине души Скай надеялся, что тут же излечится от выворачивающего внутренности влечения к ней. Но он все еще смотрел на эту прелестную попку в форме сердечка — и чуда исцеления не происходило.

Гостья положила ладонь на дверную ручку, и Скай облегченно вздохнул. Ему нужно было как-то примирить собственные мысли о Шале Уинтерс с тем, что твердило ему нутро. Но едва увидев, как она открывает дверь, он моментально передумал и выпалил:

— Тебе не нужно уходить.

* * *

— Спокойной ночи, старик!

Рэдфут оторвался от куска сосны, над которым работал, и посмотрел на Марию Ортега. Эта молодая женщина была его приемной дочерью, а могла бы стать и невесткой... если бы его биологический сын, Хосе, вернулся домой и поступил правильно. Хосе и Мария просто созданы друг для друга.

— Вечер пятницы, а ты собираешься провести его в постели, а не с друзьями — и еще меня называешь стариком? — Рэдфут надеялся, что она все-таки выйдет на прогулку, тогда и он тоже сможет улизнуть из дома.

— Я буду в постели не одна. У меня есть хорошая книга.

— Ты предпочитаешь читать о чьих-то выдуманных жизнях вместо того, чтобы жить самой...

— Я живу. Просто Мэтт уехал из города.

— Опять? — спросил Рэдфут.

Мария пропустила вопрос мимо ушей, наклонилась и мягко поцеловала старика в лоб. Но Рэдфут заметил вспышку беспокойства в ее глазах и почувствовал отголоски печали в прикосновении. И Мэтт не имел к этому никакого отношения. Мария горевала не только о Хосе, но и о ребенке, которого потеряла. Иногда Рэдфуту хотелось кулаками вдолбить

немного здравого смысла сыну в голову. При следующей встрече он так и поступит.

— Мэтт может и не возвращаться, — пробормотал старый индеец.

Он бы поставил свой лучший разделочный нож на то, что парень задумал недоброе — наверняка ведь свой фитиль не в одну свечку окунает. В глазах Мэтта никогда не светился огонек, свойственный влюбленному. Хотя, возможно, отношение к нему Рэдфута построено на вере в то, что Мария должна быть с Хосе. Но это не изменяет очевидного факта: у Мэтта Гудсона прямо на его бледной заднице написано, что он никудышный негодяй.

Мария бросила на отца быстрый взгляд:

— Прекрати, *вьехо!* Мэтт — хороший человек.

— Ага, хороший, как сдача фальшивками в комиссионке.

Ну что не так с его сыном? Как Хосе мог бросить эту нежную женщину, которая его любила? И как Мария могла дважды взглянуть в сторону того белого мальчика?

— Не начинай. — Мария посмотрела на лежавшую на столике газету и указала на статью: — Ты читал, что горчица помогает при ожогах?

— Какое горчица имеет отношение к Мэтту?

— Никакого. — Мария вздохнула. — Я просто пыталась сменить тему.

И она ушла. Рэдфут прижал нож к сосновому бруску и вместе с древесиной отрезал добрый кусок разочарования. И поскольку уж он начал рассуждать о молодежи... что, черт побери, такое творится со Скаем? Почему мальчишка отказывается принять посланный судьбой подарок? Парень что, ослеп? Будь Рэдфут лет на десять моложе — и если бы его сердце уже частично не принадлежало другой, — то и сам бы поувивался за этой Уинтерс. Да у половины парней на сегодняшнем пау-вау при виде Шалы вздыбились набедренные повязки.

Нет, Рэдфут определенно не понимал нынешнюю молодежь. И гадал, значит ли это, что он стареет, или что они действительно так глупы, как он думает... Немного поразмыслив, индеец решил: да — они глупы. И у судьбы кончилось терпение. Судьба собиралась отвесить кое-кому хорошенький пинок под зад. Рэдфут это чувствовал. Прошлой ночью он видел сон и знал, что кто-то попытается обидеть Голубые Глаза. Во сне это был бульдог. Волк пришел к ней на помощь, но кровь все равно пролилась. Много крови.

— Люблю тебя, *вьехо,* — крикнула Мария из спальни.

— И за что только... — отозвался старик. — Я тоже тебя люблю.

Так оно и было. Он любил Марию и Ская не меньше, чем родного сына.

Конечно, не с самого начала. Это была идея его жены — привести в дом приемных детей. Прирожденная воспитательница, она всегда мечтала о большой семье, которую судьба им не дала. Но миновало несколько месяцев после появления в их жизни Ская, и Рэдфут осознал правоту Эстеллы. Потом, спустя годы, она снова привела ребенка. А через год после появления Марии, духи забрали женщину Рэдфута к себе. Иногда он думал, что жена догадывалась о своем скором уходе, потому и нашла Марию, не желая оставлять семью без женской руки. Интересно, а знала ли Эстелла еще и о том, что их единственный сын отречется от своего народа и станет частью белого мира? Рэдфут понял этот выбор, однако все равно возмущался. Но, возможно, Эстелла походила на сына больше, чем готова была признать.

Взгляд старика переместился к полкам, заставленным тонкой керамикой, которую она делала — пример того, что во всем мире называют «искусством». Чего бы достигла его женщина, если бы, как и их сын, покинула Совершенство?

— Ты принял лекарства? — снова прокричала Мария.

— Разве я когда-нибудь забывал? — возмутился индеец.

И он не забывал, хоть и ненавидел это — ненавидел необходимость глотать лекарства белых, чтобы поддерживать в себе жизнь. Рэдфут ценил только одни таблетки... и принимал их, лишь когда его соседка, Вероника Клауд, «была в настроении». Несмотря на то, что после смерти жены прошло уже больше десяти лет, время от времени Рэдфут задумывался о том, что бы она сказала о его отношениях с Вероникой. Но потом перед глазами всплывала улыбка Эстеллы, а в голове звучал ее голос: *«Ты ведь еще не умер»*.

Еще нет. Иногда — например, сегодня вечером, ощутив, как Скай пышет страстью после столкновения с девчонкой Уинтерс — Рэдфут практически чувствовал себя молодым. И Вероника была тут как тут, в ярких одеждах и выглядящая гораздо моложе своих шестидесяти. От ее улыбки его 66-летнее сердце билось быстрее. Возможно, когда Мария уляжется, Рэдфуту стоит сходить и проверить, как Вероника себя чувствует. В пятницу вечером ему обычно везет.

Он подождал еще несколько долгих минут, затем встал и убрал нож в карман. Проходя по коридору, заметил, что дверь в комнату Марии приоткрыта.

— Пойду прогуляюсь, — сообщил Рэдфут. — Думаю, заскочу к Кугуару и, может, останусь на партию в покер и выбью из него немного денег.

И ведь не соврал: он действительно об этом думал. Лично он считал необходимость держать свои визиты к Веронике в тайне полнейшей глупостью. Но стоило только заикнуться об этом, и женщина выходила из себя. Веронике не хотелось, чтобы узнали ее дети и внуки. А значит, дети Рэдфута тоже не должны знать. Рэдфут не любил хранить секреты.

— Надеюсь, тебе повезет, — ответила Мария.

— Я тоже.

Он усмехнулся. Дочь говорила о покере, но Рэдфут-то подразумевал совсем иной вид удачи. Уже на пороге он замер, кое-что припомнив. Улыбаясь, вернулся в дом и прихватил пузырек с маленькими голубыми таблетками.

Скай продолжал сверлить Шалу взглядом. Она на несколько мгновений замерла перед полуоткрытой дверью, затем захлопнула ее и, прижавшись лбом к деревянной створке, вздохнула. Скай не возражал — ему по-прежнему открывался прекрасный вид на зад гостиной. Она шумно и глубоко втянула воздух, и ее тело заметно расслабилось. Все еще упираясь лбом в дверь, Шала наконец заговорила:

— Я всего лишь хочу вернуть камеру. Неужели это так много?

— На следующей неделе — нет. Но сейчас... да, много.

Она обернулась. Возможно, напряжение больше и не сковывало ее тело, но в глазах светился гнев.

— Я не уйду. Буду сидеть здесь, пока ты не вернешь мне камеру.

Протопав по комнате, Шала рухнула в кожаное кресло.

И скрестила руки на груди. А вот против этого Скай возражал. Очень уж ему нравилось любоваться ее формами, натягивавшими белый топик. Последние два месяца Скай каждую минуту посвящал работе в комитете по организации пау-вау, а так как последняя его связь закончилась еще месяцем ранее, выходит, он был без женщины... дольше, чем хотелось бы.

— Я серьезно. Я не уйду, пока ты не вернешь камеру.

Скай с трудом подавил улыбку:

— Договорились.

Глаза Шалы еще больше расширились.

— Договорились — в смысле ты ее вернешь?

— Нет. Договорились — в смысле можешь остаться. К концу недели мы, наверное, надоедим друг другу до чертиков, но будь по-твоему. Я не склонен выставлять красивую женщину из своего дома... или из своей постели, если уж на то пошло.

— Какая же ты сволочь. Но ты ведь и так об этом знаешь, да?

— Звучит знакомо.

Поднявшись, Скай уставился на гостью сверху вниз. Она отлично смотрелась со всех ракурсов: сзади, спереди и сверху. И конечно, ему очень бы хотелось взглянуть на нее из положения снизу.

— Раз уж ты решила остаться, может, что-нибудь выпьешь?

Он направился в кухонную зону и распахнул холодильник. Морозный воздух ударил в лицо, и Скай на секунду задумался: что он, черт возьми, творит? Даже если они поладят, в конечном счете это все равно приведет к катастрофе. Марта права: мэр живьем сдерет с него шкуру. И не стоит забывать о видениях Рэдфута. Если Скай считает, что приемный отец сейчас его достает, то страшно представить, во что это выльется, если они с Шалой действительно... Не слишком ли высока цена за несколько постельных кульбитов? И тут перед глазами всплыл образ сердцевидной попки.

— Есть пиво, — сообщил Скай, обернувшись. — И, вероятно, найдется бутылка вина.

— Нет, — отрезала Шала.

— Ты голодна? Я собираюсь себе что-нибудь сварганить.

Она скосила на него глаза:

— Нет.

Явная ложь.

— Пожалуй, сделаю омлет. Сыр, немного ветчины... возможно, даже грибы. — Шала сглотнула. — Принимаю это за согласие.

Не услышав возражений, Скай достал из холодильника яйца и выудил из шкафчика миску.

— Значит, ты из Хьюстона?

Гостья не ответила, и Скай снова оглянулся. Ее классная задница по-прежнему находилась в кожаном кресле, а грудь все еще прикрывали скрещенные руки. Просто преступление.

— Что еще узнал, прошерстив мою биографию? — спросила Шала. — Может, я уже делала и другие незаконные фото?

— Я шеф полиции. Чего ты ожидала? — Скай не смог сдержать усмешку. Он подумал было, что этим стоит и ограничиться, но потом... да какого черта? — Разведена. Живешь в небольшом доме к северо-западу от Хьюстона. В Калифорнии у тебя есть брат и двое племянников. Обожаешь лавандовые свечи и долго принимать ванну. У тебя немного странное чувство юмора, а еще ты любишь животных — кошек больше, чем собак, как показал случай на крыльце и незначительный инцидент в парке. — Он рассмеялся: — Хотя, должен признать, тот пес по тебе просто с ума сходил.

Голубые глаза Шалы сузились, и Скай почему-то пожалел, что начал ее поддразнивать. И тогда он вспомнил о ней еще кое-что — то, что их объединяло.

— Ты еще в детстве потеряла обоих родителей. Вас с братом растили бабушка с дедушкой, которых, к несчастью, тоже уже нет.

Она напряглась. Скай явно переступил черту. Чувствуя себя неловко, он перескочил на менее личную тему:

— Ты чертовски хороша в своем деле. Благодаря тебе на туристической карте появилось более десятка тexasских городов.

Шала покачала головой, и ее волосы разметались по плечам. У Ская просто руки чесались к ней прикоснуться.

А она тем временем еще сильнее нахмурилась:

— Итак, ты зашел на мой сайт, почитал опубликованные эссе, видимо, даже забежал на страничку в Фэйсбуке и проверил еще несколько источников. Это должно меня впечатлить?

— Я надеялся. — Скай улыбнулся. Шала не ответила, и он разбил яйца в миску и потянулся к ящичку за вилкой. — Вообще-то, я получал копии всей вашей переписки с мэром, где были твои личные данные. Ссылки на твои эссе мне тоже прислали. Но сайт и блог я проверил самостоятельно. Надо будет еще заглянуть к тебе на Фэйсбук. Добавишь меня в друзья?

Молчание в ответ. Скай взбил яйца в желтую пену. И снова жужжащая тишина. Забавно, но его лачуга сейчас казалась более тихой, чем когда он был тут один. Что, вероятно, объясняло, почему он предпочитал одиночество — или, по крайней мере, почему так в нем преуспел. Нечто большее, чем случайная связь, заставляло Ская чувствовать себя скованным наручниками.

— Это маленький город, Шала. Твой приезд стал главной новостью. Держу пари, что к настоящему времени даже мой почтальон посетил твой вебсайт.

Старейшины так точно посетили.

Шала встала и опустила руки, снова открывая прекрасный вид.

— Значит, ты в курсе, кто я и что здесь делаю, но все равно провернул эту... дурацкую

выходку с моей камерой.

— Это не выходка. — Скай достал из холодильника тертый чеддер, грибы, ветчину и пакетик с виноградом, а затем взглянул на гостью. — Правила были оглашены. Ты их нарушила.

Промыв виноград, высыпал его в миску, а одну виноградинку забросил в рот — терпкая сладость взорвалась на языке.

Глаза Шалы снова гневно засверкали.

— Я не фотографировала!

— Может, да. А может, и нет.

— А ты проверял? Посмотрел снимки?

— Еще нет. Но ты в любом случае нарушила правила.

— Дурацкие правила! Приехав на пау-вау, туристы захотят все это запечатлеть. Не в том смысле, что я так и сделала. Просто не хотелось рисковать, оставляя дорогое оборудование на входе.

Скай двинулся туда, где она стояла — посередине между кухней и гостиной.

— Туристы, приезжающие на пау-вау, должны уважать наши правила. А у тебя, очевидно, с этим проблемы. Если планируешь завоевать старейшин, то лучше бы это изменить.

— Наверное, мне не стоит работать для Совершенства, — буркнула Шала, не уступая ни миллиметра.

Скай удержал свой характер в узде и прижал виноградину к губам упрямыцы. Он не мог помешать ей отказаться от работы, и будь что будет, но он не отдаст камеру раньше следующей недели. Остается надеяться, что Шала не бросит проект. Иначе мэр не обрадуется. Черт, да полгорода не обрадуется. И сам Скай в том числе.

Он постучал виноградинкой по губам Шалы:

— Ешь, он сладкий.

Едва ли не против воли ее рот открылся, и Скай протолкнул ягоду внутрь. Он изучал мягкие розовые губы и гадал, насколько глупо будет ее сейчас поцеловать. Это может напугать беднягу вплоть до бегства. Но разве это не наилучший вариант? Нужно все хорошенько обдумать. Так что никаких поцелуев. Пока. Скай сделал шаг назад.

Выражение лица Шалы изменилось, будто она подумала о чем-то неприятном:

— Откуда ты знаешь про собаку в парке?

Он мог солгать, но, когда был выбор, Скай предпочитал говорить правду. Дурная привычка, перенятая от Рэдфута.

— Я там был. За столиком для пикника. Даже кинулся на помощь, но ты уже успела добраться до своей машины.

— Совершенно случайно оказался именно там? — Шала бросила на него подозрительный взгляд.

— Нет. Я присматривал за тобой с тех пор, как ты появилась в городе. — Скай потянулся к нижнему ящику за сковородкой.

Шала в замешательстве изучала собеседника:

— Итак, ты меня преследовал. Это ты был в седане?

— В седане? — эхом повторил Скай. — Нет. Кто-то следовал за тобой?

Шала не ответила, и он поставил сковородку на конфорку, зажег огонь и полез в холодильник за маслом.

— Присматривать за тобой — не то же самое, что преследовать. Если кто-то...

— Так говорят все преследователи, — перебила Шала.

Скай бросил масло на сковородку.

— Слушай, некоторые люди, мягко говоря, не в восторге от твоего здесь присутствия.

— И ты во главе списка, да?

— Вообще-то, я, скорее, во главе движения «За Уинтерс». — Когда их глаза встретились, что-то подсказало ему, что Шала поверила. — Я не преследователь. Просто хотел убедиться, что тебя никто не беспокоит, пока ты выполняешь свою работу.

— И нельзя было просто подойти и представиться?

Нет — не вызвав кучу пересудов о видениях и родственных душах. Но такого Скай не мог сказать, так что выложил другую правду:

— Подозреваю, так было бы лучше, а?

Затем потянулся к миске с яйцами и предложил гостье еще винограда. Та взяла несколько ягод. Так они и стояли — поедая виноград и глядя друг на друга. Тающее на сковородке масло шипело и бурлило. Как и воздух между ними.

* * *

С таблетками в кармане и с мыслями о Марии и о своем сыне в голове Рэдфут шагал по улице. Как бы так заставить Хосе вернуться домой прежде, чем Мария совершит глупость и свяжется с неправильным мужчиной? Индеец повернул за угол, на улицу Вероники, и тут услышал сову. Сегодня вечером перед сном он попросит совета у духов.

Перед тем как сойти на тропинку между домами и направиться к задней двери жилища Вероники, Рэдфут убедился, что никто его не заметил. Но тут его внимание привлекла вспышка в окне племенной лачуги на противоположной стороне улицы. Старик присмотрелся, думая, что ему, вероятно, померещилось, но пятно света снова мелькнуло за окном. Кто-то был там. С фонариком. Зачем, когда можно включить свет?

Рэдфут вспомнил о девяти тысячах долларов наличными — выручка с пау-вау, — спрятанных в сейфе. И бросился бежать сломя голову.

Шала наблюдала, как Скай развернулся и вылил яйца на сковороду. Взгляд опустился ниже, к его ягодицам, и Шала внезапно вспомнила, как шеф полиции выглядел в одной лишь набедренной повязке.

— Где она? — спросила, полная решимости перестать думать о частях его тела.

Скай оглянулся через плечо:

— Кто «она»?

— Моя камера.

— В безопасности, — отозвался он и достал из ящика лопатку.

— Ты хоть осознаешь, насколько все это глупо?

Скай обернулся:

— Почему бы тебе не сделать нам тосты? Тостер на стойке, — указал он лопаткой, — хлеб в кладовой.

Шала закрыла глаза, сдерживая рвущийся наружу вопль.

— Ты, конечно, понимаешь, что как только мэр вернется, он тебя живьем сожрет.

— Да.

— И заставит вернуть мне оборудование.

— А вот в этом не уверен. — Он снова указал на кладовую: — Я готовлю омлет. А ты можешь сделать тосты.

Шала так и стояла, плясь на него и пытаясь решить, должна ли она: а) психануть, б) в гневе покинуть дом или в) попытаться воззвать к здравому смыслу этого копа-танцора.

В итоге остановилась на последнем варианте. Возможно, потому что почуяла запах омлета и ощутила мерзкое посасывание в желудке. Или потому, что, как бы безумно это ни звучало, пришлось признать: да, она немного переборщила. Взяв с собой камеру на пау-вау, нарушила правила. И теперь просто обязана заставить Ская Гомеса сделать для нее исключение... и, возможно, убедить его, что это правило вообще следует отменить.

Разве ее работа заключается не в том, чтобы превратить этот город в более дружелюбное к туристам место? Поддержка шефа полиции не повредит. Но, чтобы выполнить задание, нужна камера. Конечно, Скай все понимает — или, как только они оба успокоятся, Шала заставит его понять.

Она нашла хлеб и засунула ломтики в тостер. От ароматов рот наполнился слюной, а в животе заурчало. Шала взглянула на повара, надеясь, что он этого не услышал. Он усмехнулся. Черт.

— Ты ведь любишь сыр, ветчину и грибы?

— Да.

Скай достал разделочную доску и принялся нарезать ингредиенты. Он прекрасно ориентировался на кухне. Шала еще ни разу не встречала представителя сильной половины человечества, который был бы столь домовитым — особенно при такой-то мужественной внешности. Может, потому он и мог себе это позволить. Ибо уверен, что сие никак не отразится на его образе мачо.

Пока Скай орудовал ножом, Шала наблюдала, как мышцы перекачиваются под его рубашкой. Затем перевела взгляд вверх, к прямым темным волосам, спокойно лежащим выше воротника.

— Ты подстригся, или это был парик?

— Часть головного убора, — ответил Скай и тут же указал ножом, — тарелки в шкафу.

Шала открыла дверцу шкафа и уставилась на ряд тарелок. Верхняя полка. Чтобы достать, придется встать на цыпочки.

— Подожди. Я сам. — Скай остановился позади нее. — Я и не понял сразу, что ты такая коротышка.

— Я не коротышка. — Чувствуя его за своей спиной, Шала уставилась на содержимое шкафа.

— Ну ладно, миниатюрная. Я вовсе не собирался тебя оскорблять. — Слова скользнули по ее правому уху — горячим дыханием по нежной коже. Скай не спешил доставать посуду.

— Во мне сто шестьдесят сантиметров — это не миниатюрная, — возразила Шала, боясь шелохнуться. С его почти метром девяносто за спиной она и правда ощущала себя миниатюрной... и женственной.

— Комплекс Наполеона? — усмехнулся Скай.

— Нет. — Ладно. Может быть, немного. Шала всегда мечтала вытянуться еще на несколько сантиметров.

Борясь с ощущениями, вызванными их близостью, она высчитывала: как бы так отойти в сторону и при этом избежать физического контакта? Но тут Скай наконец потянулся за тарелками, и его грудь коснулась плеча Шалы. Тепло его тела вторглось в ее пространство. Она затаила дыхание, и приятный мужской аромат защекотал ей ноздри, вновь заставляя жалеть о неприятном душе. Не то чтобы дезодорант не справлялся, но когда стоишь к кому-то так близко, хочется... быть свежей.

И вот тогда-то до Шалы дошла вся абсурдность ситуации. Она ведь пришла сюда за своей камерой! А не для того, чтобы мужчина готовил ей ужин, и потом они вместе играли в счастливое семейство.

«Что ж я делаю?»

* * *

Рэдфут добрался до двери. Замок сломан. Тогда он шагнул внутрь дома и двинулся так тихо, как только возможно в темноте. Запах розмарина затопил ноздри. Мария вела бухгалтерию для совета племени и постоянно зажигала ароматические свечи на своем столе. Рэдфут видел, как пятно света от фонарика движется по полу в соседней комнате.

Был ли это сбившийся с истинного пути подросток? Возможно, из его же, Рэдфута, племени. При нынешней экономике люди жили на грани отчаяния. А отчаяние может толкнуть на нехорошие поступки — так что старик бросил острый взгляд на стоявший около стола сейф. Все видно как на ладони. И будто бы ничего не тронули. Так что же вор ищет, если не деньги?

Вытащив из кармана разделочный нож, Рэдфут сделал еще один шаг. Плохо закрепленная доска соснового пола скрипнула. Движение — и индеец наткнулся на деревянный стул. Тут же поймал его, но книги с сидения полетели на пол. Луч света в соседней комнате погас — вор услышал.

Рэдфут вцепился в свое оружие. Он надеялся, что нарушитель — кто-то из его людей. Тот, кого можно убедить уйти, ведь ничего не украдено и никто не пострадал. Но стоя там, готовый защищаться, индеец остро чувствовал каждый год из своих шестидесяти шести.

Злоумышленник рванул в его сторону. Рэдфут поднял нож и присмотрелся. На воре была лыжная маска. Его массивная фигура не казалась знакомой, но почему-то Рэдфут вдруг вспомнил свой сон про бульдога. Человек сменил направление, и старик заметил полоску белой кожи там, где маска встречалась с воротником. Он не из племени.

Незнакомец вскинул руку, и Рэдфут осознал свою ошибку: нож в перестрелке бесполезен. Он опять подумал о своем сне, о луже крови... Прошлой ночью он даже предположить не мог, что прольется в том числе и его кровь.

«Какого черта я делаю?» — бился в висках единственный вопрос.

От близости Ская, когда тот потянулся за тарелками, все нервные окончания, казалось, встали на голову, при этом весело болтая ногами и распевая «Боже, благослови Америку». Шала могла чувствовать его запах. Чувствовать самого Ская. О Господи, она могла его чувствовать!

Его грудь терлась о ее плечи, колени упирались ей в бедра. А его таз... тоже прижимался к ней сзади. Наконец тарелки переключались в руки Ская. Он передал посуду Шале и отступил.

Она глотнула кислорода, надеясь очистить сознание.

«Какого черта я делаю?» — снова зазвучало в голове.

Кислород, должно быть, подействовал, потому что тут же всплыл ответ: «Делаю свою работу». Да, именно так. И вот тогда-то она решила, что пора завязывать вести себя как школьница рядом со звездой футбольной команды, и снова превращаться в Шалу Уинтерс — владелицу «Уинтерс-туризм». Владелицу и исполнителя, что — несмотря на все намеки, мол, она вправе свалить отсюда — нуждается в этой работе почти так же, как Совершенство нуждается в ней самой.

Проблемы в экономике заставляют маленькие города использовать туризм, в надежде удержаться на плаву. К сожалению, из-за тех же экономических проблем не во многих городах водятся деньги, дабы ими разбрасываться. И простая истина: услуги Шалы Уинтерс недешевы. Не то чтобы она того не стоила... Как дал понять мистер Гомес, у нее отличное резюме.

Еще один глоток воздуха, и Шала решила, что справится. Она умна, искусна в общении и всегда преуспевала в переговорах. Расправив плечи, она поставила тарелки на дубовый стол и оглянулась на Ская, поймав на себе его изучающий взгляд.

— Столовые приборы? — спросила, не обращая внимания на такой пристальный интерес со стороны хозяина. Да, лучше всего его игнорировать.

— В верхнем ящике.

Скай снова сосредоточился на плите, и Шала тоже решила заняться делом. Внутри разгоралась надежда, что за ужином она сможет установить с хозяином умеренно дружеские, чисто платонические отношения, которые впоследствии приведут к возвращению ее камеры. Да, чертовски хороший план.

Молчание напрягало. Доставая приборы из ящика, Шала вдруг вспомнила о том, что недавно сказал Скай.

— Ты правда голосовал за мой приезд в Совершенство?

— Да.

— Серьезно?

Он вскинул бровь, будто не любил, когда его слова ставят под сомнения.

— Не в смысле, что я не верю. Просто мэр Джонсон сказал, что большинство коренных американцев возражали.

— Я — не большинство коренных американцев.

— И то верно. — Шала улыбнулась, но не была уверена, что добилась успеха, ибо собеседник не отреагировал. Нервы снова начали пошаливать, так что она развернулась и

пошла за гостями. — Я благодарна за ужин. Просто умираю с голоду.

— Ну, для начала ты должна его попробовать, — отозвался Скай.

— Пахнет изумительно. Хочешь масла? Для тоста. — Шала обернулась и еще раз попыталась улыбнуться.

Он кивнул:

— В холодильнике.

Она достала масло — настоящее масло, не маргарин — и поставила на стол. Тишина стала неловкой, и Шала поняла, что проще злиться на этого придурка, чем изображать из себя милашку. Но, черт возьми, она должна это сделать, и сделает!

— Может, достать нам что-нибудь выпить? — «Так, добавим в голос веселые нотки».

— Есть молоко. — Продолжая рассматривать гостью, Скай прислонился к прилавку. — Стаканы в шкафчике над гостером.

Шала нашла молоко, наполнила стаканы и водрузила на стол. Чувствуя себя неуютно под изучающим взглядом Ская, начала озираться:

— У тебя здесь очень мило. Сам все обставлял?

— Сегодня ты не вернешь свою камеру.

Он разделил омлет на две части и разложил по тарелкам. Затем, отнеся сковородку в раковину, повернулся к гостье.

— Думаешь, я такая вежливая только ради камеры?

— Не просто думаю, готов поставить на это свой правый глаз. — Хозяин опустил на стул и жестом предложил ей сделать то же самое. — Нет, я не жалуясь... но предпочитаю честность.

— Отлично.

* * *

Мария Ортега дочитала последнюю строку на последней странице, вздохнула и закрыла книгу. Улыбаясь, положила ее на тумбочку рядом с шестью другими, ожидающими, когда и их проглотят, и снова упала на подушку. Дневная работа — точнее крошечный бизнес по ведению бухгалтерского учета — оставляла Марии много времени для чтения. Помимо создания глиняной посуды книги были ее любимым времяпрепровождением.

Ладно, скажем так: Мария, вероятно, немного пристрастилась к любовным романам. Но, учитывая ее наследственность и прошлое, могли возникнуть пристрастия и похуже. Намного хуже. И вовсе она не верила в «жили они долго и счастливо. Жизнь уже опровергла такую возможность».

Мария положила руку на живот, где когда-то носила ребенка. Ребенка Хосе.

«Не поднимай тему».

Она прижала ладонь ко лбу.

Нужно отпустить то, что не в силах изменить... Мария села, потянулась за другим романом и пролиставала несколько страниц. Нет, жизнь вовсе не прекрасна. Не то что она ожидала чего-то другого. Но неужели желать, чтобы существование оказалось хоть чуточку приятным, — это так много? Неужто так много — просить о встрече с кем-то, кто разделял

бы твои мечты о доме, о близком человеке, на которого можно опереться, когда та самая «вовсе не прекрасная жизнь» катится под откос? Мария вспомнила Рэдфута и его жену Эстеллу, до того, как у той в мозгу нашли аневризму. Они были счастливы, любили друг друга. И Мария надеялась, что с Мэттом сможет обрести такое же счастье.

Вспомнив о Мэтте, она взглянула на часы. Он продавал оборудование для строительных компаний, и эта работа требовала частых разъездов. Но... даже в выходные? «*Нет!* — оборвала себя Мария. — *Ты должна ему доверять*». Ведь так? Да. Но уже поздно, а Мэтт обещал позвонить. Занят с клиентом? Хотя бы скучает по ней?

«*А ты по нему?*» Мария зажмурилась и увидела его зеленые глаза и улыбку... Да, она скучала. И знала, что Мэтт не нравится Рэдфуту, но тот и другого бы не принял, приведи Мария кого-то в дом. Любой мужчина оказался бы недостаточно хорош. Но приемному отцу придется признать Мэтта. Эти отношения будут успешными.

Зазвонил мобильный, и Мария, перевернувшись, схватила его:

— Будь ты здесь, я раздела бы тебя так быстро, что ты даже не понял бы, что произошло.

Ответный смешок вызвал в груди какие-то неясные чувства.

— А что, если б звонил не я?

— О... а это Мэтт? — поддразнила Мария.

А потом они болтали о всяких глупостях — вроде того, что Мэтт ел на ужин, — и Мария рассказала ему о Шале Уинтерс и о том, как Скай забрал ее камеру.

— Рэдфут до сих пор считает, будто она вторая половинка Ская? — спросил Мэтт.

— Думаю, да.

— А ему когда-нибудь были видения, что и мы с тобой — родственные души? — Он замолчал. — Нет! Не отвечай. Наверное, в своих видениях он снимает с меня скальп.

— Мэтт!

— Да, плохая шутка. Извини. Просто я даже не знаю, чем ему не угодил.

А вот Мария знала: тем, что Мэтт — не Хосе. Рэдфут был уверен, что она и его сын сойдутся. И они сошлись, только для Хосе это ничего не значило. Мария также знала, что рано или поздно придется все рассказать Мэтту. Он имел право знать, но... не сейчас. Оставалось только надеяться, что правда ничего не изменит в их отношениях.

Парадная дверь распахнулась и захлопнулась. Затем послышался громкий глухой стук, будто кто-то врезался в стену, и свет в коридоре погас.

— Подожди минутку, — сказала Мария в трубку. — Что-то не так. — А затем позвала Рэдфута: — Въехо?

И когда никто не ответил, встала и пошла проверить.

Скай наблюдал, как Шала устраивается на стуле.

— Знаешь, я думала, будто мы сможем обсудить все как взрослые люди, но, очевидно, ошиблась.

Он засунул в рот кусочек омлета и продолжил изучать гостью. В ее глазах снова вспыхнули искры гнева. Так-то лучше. Не в смысле, что Скай любил злобных женщин, но ее игра в хорошую девочку смотрелась так же правдоподобно, как набитый носками лифчик на бородатом трансвестите. И осознание того, что Скай так легко может вывести ее из себя... оказалось очень волнующим. Тут же возник вопрос: а в спальне она так же быстро заводится?

— Омлет стынет, — заметил радушный хозяин.

Шала отодвинула тарелку:

— Аппетит внезапно пропал.

— Как обидно. Я старался.

— Слушайте, мистер Гомес, я приехала в этот город, чтобы выполнить свою работу. И не смогу этого сделать без камеры.

— Да, подозреваю, это вызовет некоторые трудности.

— Их бы не возникло, если бы вы... — Шала закрыла глаза. — Если бы ты принял мои самые искренние извинения за нарушение правил.

Скай схватил свой тост:

— Не могу.

Ее глаза распахнулись.

— То есть не хочешь?

Он на секунду задумался:

— Ты права, не хочу.

Шала поджала губы:

— Ты невозможен! Воровство не может быть законным!

— Я ничего не крал. Я конфисковал, согласно установленным правилам.

Все еще лежащий на журнальном столике мобильник Ская забренчал, но он позволил звонящему отправиться напрямиком на голосовую почту. Пикироваться с Шалой намного веселей.

— Серьезно, ты должна поесть, прежде чем все остынет. Нет ничего хуже холодных яиц.

Теперь зазвонил домашний. Скай подумал, не снять ли трубку, но женщина со сверкавшими яростью глазами была гораздо заманчивей. Включился автоответчик, проигрывая входящее сообщение, и комнату заполнил испуганный голос:

— Скай, ответь, черт тебя подери! Это Мария. Рэдфут ранен. Сильно! О боже, тут столько крови...

Вскочив со стула так резко, что тот опрокинулся, Скай рванул к телефону.

— Мария? Что произошло?

— Кто-то вломился в офис. Рэдфут поймал его.

— Иисусе! Ты вызвала скорую?

— Он мне не позволил! Сказал звонить тебе. И все бормочет, мол, должен сообщить

тебе нечто важное.

— Насколько все плохо? — Дикая ужас стянул грудь Ская.

— Не знаю. Он в сознании, но... крови так много.

— Я выезжаю, в скорую позвоню сам.

Он бросил трубку, промчался по гостиной и, схватив ключи и сотовый, набрал девять-один-один.

— Служба спасения Совершенства. Мисс Уинтерс, это опять вы? Я...

— Марта, вызови скорую к дому Рэдфуга. Он ранен. Немедленно! — И, захлопнув мобильник прежде, чем секретарша успела задать хоть один вопрос, направился к двери. Но тут вспомнил про притихшую женщину, сидевшую за кухонным столом, и обернулся: — Проклятье! Я должен идти.

Она кивнула с широко раскрытыми глазами:

— Я понимаю. Надеюсь, он в порядке. — И встала, будто собралась уходить.

— Мне нужно идти, — снова повторил Скай. — Я... я тебе позвоню. — Его взгляд устремился на стол с едой. — Не стесняйся закончить ужин.

* * *

Шала не двигалась с места, пока не услышала, как грузовик Ская завелся и, разбрызгивая грязь, зашуршал шинами. Потом взглянула на омлет. В животе заурчало, но мысли все крутились вокруг старика, с которым она лишь недавно познакомилась, и Шала попыталась представить его раненым, истекающим кровью... А еще тут же всплыли воспоминания о звонке, очень похожем на тот, что получил Скай, — только от бабушкиной соседки. Нана упала. И прежде, чем Шала успела добраться до больницы, умерла.

Грудь сдавило. Шала надеялась, что у Ская все закончится благополучней, чем у нее. А вообще, кем ему приходится Рэдфут? Родственник?

Взяв тарелки, Шала выбросила остатки еды в ведро и поставила посуду в раковину. Она не чувствовала себя достаточно уютно, чтобы убрать что-то еще, но по крайней мере Скай не вернется в дом к грязному столу.

Засунув масло в холодильник и вылив из стаканов молоко и ополоснув их, Шала вернулась в гостиную.

Взяла сумочку и уже почти добралась до двери, когда вспомнила о цели своего визита. Камера!

* * *

Скай резко затормозил и выскочил из грузовика прежде, чем тот окончательно остановился. А пока шел к парадной двери дома, в котором жил с двенадцатилетнего возраста, воспоминания о том, как он попал сюда впервые, вдруг ударили со страшной

силой.

Тогда Скай был полон гнева и негодования, уверенный, что, как и две другие приемные семьи до этого, Рэдфут и Эстелла от него устанут. Но они не уставали. Даже когда Скай превращал их жизнь в ад. Эстелла не отказалась от него, так как была слишком добра, а Рэдфут держался потому... Ладно, старик как-то сказал, будто слишком упрям, чтобы позволить двенадцатилетнему мальчишке победить в этой войне интересов. Во многом Рэдфут оказался прав. Это была война. И не столько потому, что Скай не хотел, чтобы его любили, просто он и подумать не мог, что его можно любить.

— Мария? — Услышав доносившиеся из кухни голоса, он почти сорвался на бег.

Умом Скай понимал, что Рэдфут не вечен, но еще не был готов дать ему уйти. Не сейчас. И тем более не от руки какого-то убийцы! Ская переполняла ярость.

— Мы здесь, — окликнула Мария.

Она сидела перед Рэдфутом, устроившись за кухонным столом, и мягко перебирала волосы старика. Тот оттолкнул ее руки:

— Я в порядке. Оставь меня в покое.

Взгляд Ская переместился на окровавленное полотенце в руке Марии.

— Ты не в порядке, — сказал он и тут же обратился к сестре: — Скорая уже в пути.

— Я не позволю увести себя в громяющем фургоне, будто калеку!

— Еще как позволишь. И мне плевать, если придется заковать твою задницу в наручники.

— Старый упрямый индеец, — пробормотала Мария.

— Мне не нужна скорая! — Рэдфут все отмахивался от ее рук, но когда новый поток крови хлынул на его лоб, Мария прижала полотенце обратно.

— Насколько все плохо? — спросил Скай.

— Лучше, чем я думала, — призналась Мария. — Но нужны швы и проверка на сотрясение мозга. — И она с нежностью и заботой взглянула на своего приемного отца.

— Я не ребенок, чтоб со мной нянчиться! — Он посмотрел на Ская. — У нас тут проблемы посерьезнее царапины на голове. Тот мужчина, что вломился в домик, он...

— Важно только то, что ты цел.

Скай подвинулся ближе, но его внутренности сжались при мысли о том, сколько труда он и остальные вложили в пау-вау и какие планы строили на деньги, хранящиеся в сейфе. Наверняка злоумышленник приходил именно за ними и, вероятно, забрал, что хотел.

Но стоит ли сыпать соль на раны старика, обсуждая это?

— Мне нужно одеться, — сказала Мария.

Скай только сейчас заметил, что на ней ночная рубашка, и подумал о женщине, которую оставил в своем доме.

— Присмотри за ним, — продолжала сестра. — Думаю, я успею до приезда медиков. — Она протянула Рэдфуту полотенце и нежно прикоснулась к его щеке: — Приложи к ране, чтоб замедлить кровотечение.

Когда Мария ушла, Скай опустился на стул:

— Ты в состоянии рассказать мне, что произошло? — На деньги-то плевать, а вот поймать этого гада нужно.

— Я шел и увидел свет в окне.

— А мне почему не позвонил? — спросил Скай.

— Пока б ты добрался, нас бы уже обобрали до нитки.

— Это всего лишь деньги. Твоя жизнь гораздо дороже.

Рэдфут отнял от головы полотенце:

— Злоумышленник приходил не за деньгами. Речь о Голубых Глазах.

Скай вздрогнул, увидев кровь, льющуюся по лицу старика.

— А что с ней? Почему бы тебе не лечь?

— Я в порядке. Я рассказывал тебе о своем сне про бешеного бульдога? У меня есть причины полагать, что этот мужчина — тот самый пес.

В тот день Рэдфут твердил о своем сне как помешанный. Но это не имело смысла тогда, а сейчас и по-прежнему.

— С чего ты взял, что это как-то с ней связано? — Скай взял полотенце и прижал к голове отца.

— С того, что вору не нужны были деньги. Он искал камеру Голубых Глаз.

— Ее камеру?

Недалеко уже слышалась сирена скорой.

— Он спросил меня, где мы храним конфискованные камеры. Я указал на шкаф. У нас ведь там лежат две «мыльницы», за которыми так никто и не пришел. Но он открыл шкаф и разозлился. Сказал, что хочет ту, что мы забрали сегодня.

Скай попытался переварить полученную информацию. Неужто Шала наняла кого-то украсть ее камеру, а сама пока отвлекала шефа полиции? Покрутив эту мысль, Скай решил, что не верит. Мисс Уинтерс пришла к нему в поисках камеры и в то время даже не знала, что он полицейский. Вероятнее, что кто-то видел ее с оборудованием и, зная его стоимость, решил поживиться.

— Он взял что-нибудь?

— Ничего.

— А деньги? — надавил Скай.

— Сейф стоял прямо перед ним. И парень был достаточно крупный, чтобы просто унести его с собой. Но не унес. Говорю тебе, все, что ему было нужно, — это ее камера.

— Думаю, хорошо, что ее там не оказалось, — пробормотал Скай едва ли не про себя.

— Ага. — Рэдфут слегка покачнулся на стуле. — Ты должен послушать меня, Скай. Твоя женщина нуждается в тебе. Этот человек здесь по ее душу.

Зачем кому-то охотиться на Шалу? Из-за того, что она работает над развитием туризма в Совершенстве? Скай припомнил всех городских бузотеров, пытавшихся помешать городскому совету ее нанять.

— Ты хорошо его разглядел? Сможешь опознать?

Теперь сирена звучала перед самым домом.

— На нем была лыжная маска. Здоровый парень. Светлые глаза. Сомневаюсь, что он местный.

В дверь позвонили, и Скай поднялся, чтобы открыть.

— Я не поеду в этой громыхающей...

Рэдфут осекся, и Скай обернулся.

— Сядь! — приказал он, увидев, что старик встал, но было поздно. Рэдфут споткнулся, и сын едва успел поймать его прежде, чем тот грохнулся на пол. — Я держу тебя, — проговорил Скай, но, когда аккуратно опустил отца вниз, тот уже потерял сознание.

В комнату влетела Мария:

— Что случилось?

— Он отключился.

— *Dios!* — Скай увидел в глазах сестры слезы.

— Открой дверь, — попросил он. — Медики прибыли.

А когда Мария убежала, снова посмотрел на Рэдфута. Этот человек был больше, чем просто приемным отцом. Он был единственным настоящим отцом, которого Скай когда-либо знал. Эмоции зашкаливали, и впервые он задумался: а говорил ли хоть раз «спасибо»? Хоть раз произнес «Я люблю тебя»? Вероятно, нет.

— Рэдфут, не смей тут у меня умирать...

Шала чувствовала, как внутри ворочается совесть, но ведь ничего предосудительного она не делала. Это же ее камера, черт возьми!

Обыскав кухню и кладовую, Шала обнаружила приспособления для готовки на любой вкус и цвет, но свой «Никон» так и не нашла. Однако выяснила, что хозяин имеет нездоровое пристрастие к хлопьям «Лаки Чармс». Три коробки — это уже пристрастие. Но, учитывая, что в кабинете самой Шалы стоят две такие же — одну она недавно прикончила, — не ей судить.

После нисконосодержащей кухни настал черед телевизионного шкафа в гостиной, а там — диски с фильмами, которые смотрит Скай. Шала ожидала увидеть порно, но нет — обычное кино, в основном приключения. Удивительно, но она смотрела все, кроме парочки.

К тому моменту, когда она добралась до компьютерной комнаты, Шала уже решила, что, если найдет камеру, заберет только карту памяти. Наверное, надо было сразу попросить ее у Ская. *«И я бы так и поступила, кабы не отвлекающие факторы...»* С карты можно будет скачать фото и закончить работу. Шала уже даже приготовилась заплатить штраф, чтобы вернуть свой «Никон», но ни за что, ни в коем долбанном случае, она не будет чистить этому танцору ботинки. Конечно, ее смирение не означало, будто Скай имел право забирать чужое оборудование, однако Шала чувствовала себя отвратно, обыскивая дом, пока хозяина нет.

Закрыв глаза, она прочитала коротенькую молитву о благополучии Рэдфута и вспомнила, как он назвал ее «Голубые Глаза». А ведь ей понравилось, что старик дал ей прозвище. Дедушка называл Шалу Тыковкой. А папа, пока был жив, — Принцессой. Крылось в этом наречении прозвищами нечто, что заставляло Шалу чувствовать себя особенной. Она смутно помнила, как спросила бывшего, мол, есть ли у него для нее какое-нибудь особое имечко. *«Да, — ответил тот, смеясь, — моя телка».* И ведь она была даже не единственной его «телкой»!

Отправив эти воспоминания в мысленный мусорный контейнер, Шала обшарила компьютерный стол. Множество ящичков и шкафчиков — куча мест, где можно спрятать камеру, но обнаружились здесь только документы и старые файлы. На проверку всего ушло немного времени, Шала ведь не собиралась совать нос в чужие дела. Однако, закрывая задвижку, она случайно вывела компьютер из спящего режима. Он зевнул, хрюкнул и ожил. И на экране высветилось фото мисс Уинтерс. Ну, не просто фото, а ее сайт. Значит, Скай не врал, что посещал его. Да, он определенно провел расследование, так что, наверное, и Шале не стоит так переживать из-за проверки его жилища.

«Поиск в интернете не то же самое, что обыск чужого дома!»

Проигнорировав вопли совести, она вскочила с кресла. А когда развернулась, чтобы уйти, заметила рамки с фотографиями на полке: Скай и его семья. Шала пригляделась поближе и поняла, что мужчина на снимке — Рэдфут. Он отец Ская? И опять сердце сжалось в надежде, что со старым индейцем все в порядке.

Уже через мгновение Шала обнаружила, что стоит в дверях спальни. Здесь чувствовался запах хозяина — ноздри затопил аромат мужской кожи. Свет из гостиной проник в помещение, и взгляд Шалы замер на огромной незаправленной кровати с темными простынями и еще более темным смятым одеялом. На секунду гостя позволила себе

пофантазировать о Скае в этой постели. А затем воображение шагнуло еще дальше, и Шала уже видела себя рядом с ним.

«*О черт! Да что, мать твою, с тобой не так?! Или случай с озабоченным псом превратил тебя в похотливую разведенку?*» Стряхнув желание, Шала двинулась в комнату.

— Будь я камерой, где бы я лежала?

Но взгляд снова потянулся к кровати. Слабое освещение создавало интимную атмосферу.

Многих ли женщин Скай приводит сюда? «*Я не склонен выставлять красивых женщин из своего дома... или из своей постели*», — так он сказал. Несомненно, Скай приводит к себе многих женщин.

— Будь я камерой, то явно лежала бы не в кровати.

Шала щелкнула выключателем, надеясь прогнать похотливые мысли прочь. Как и весь дом, комната не выглядела так, будто над ней хорошенько поработал декоратор, но выдавала отличный вкус хозяина.

Подгоняя себя, чтобы поскорее со всем покончить, Шала подошла к сосновому комоду и выдвинула верхний ящик. Нижнее белье, скатанные в шарики носки и коробка презервативов. Во втором — сложенные рубашки и шорты. Все аккуратно, но не на грани одержимости. В остальных задвижках камеры тоже не обнаружилось.

Следующим под раздачу попало трюмо. Там нашлись какие-то треники и еще одна коробка презервативов. «*Да, да, парень любит секс. Я уже поняла, спасибо большое*». Захлопнув дверцу, Шала выпрямилась и наткнулась на свое отражение в зеркале.

— Эй, я ищу свою камеру. И хочу забрать только карту памяти.

Задвинув подальше чувство вины, она направилась в ванную. Именно там люди прячут все свои грязные секретики. Шала огляделась. Скай явно зовет кого-то для уборки — мужчина не может содержать дом в такой чистоте.

Она проверила шкафчик под раковиной. Только моющие средства. Презервативов нет. Что, он хранит их не в каждой комнате?

Открыв аптечку, Шала уставилась на ряд отпускаемых без рецепта лекарств. Ага! Наконец-то. Она знала, что Скай не совершенен. Между ибупрофеном и перекисью водорода красовался противогрибковый крем. Затем глянула на унитаз и обнаружила второй недостаток хозяина — сиденье не опущено. «*Немедленно арестуйте парня!*» Да, как Шала и думала, он не идеален.

И тут до нее дошло — словно удар под дых. Что она здесь делает? Явно ведь уже не камеру ищет. «*Черт! Черт! Черт!*»

Шала рванула прочь из ванной, готовая убраться и из дома Ская, и из его жизни, стремясь обогнать это безумное ощущение, будто прямо сейчас ее эмоциональная броня подвергается проверке на прочность. И ведь уже почти покинула спальню, но тут заметила шкаф.

— Будь я камерой, вот здесь бы я и лежала.

Шала распахнула дверь. Одежда висела аккуратным рядом: много джинсов и повседневных рубашек, но есть и костюм от «Доккерс», парадно-выходные рубахи и пара блейзеров — значит, Скай Гомес не боится приодеться. На нескольких вешалках обнаружили пластиковые чехлы, как если бы он регулярно пользовался химчисткой. Взгляд Шалы зацепился за коробку, задвинутую вглубь шкафа. Конечно, маловероятно, что камеру спрятали именно там, но, опять же, кто знает?

Шала нащупала выключатель и опустилась на колени, чтобы достать находку. Подтянув ее к себе, открыла крышку и... задохнулась, уставившись на металлический предмет внутри. Не «Никон». Оружие. Старый пистолет, покоящийся на кучке старых снимков. Неясно, почему вид оружия так ее удивил. В конце концов, Скай — шеф полиции.

Шала уже закрывала крышку, когда заметила одну из фотографий. Сунув руку в коробку, она вытянула выцветший снимок семьи: мама, папа и маленький сын. Скай? Шала внимательно изучила лицо мальчика. Да, это он. Совсем еще детское личико, наверное, ему тут не больше четырех. Малыш крепко сжимал руку матери, а отец, от которого Скай и унаследовал внешность, стоял в стороне. Казалось, в этой отдаленности кроется какой-то смысл. Шала повнимательнее пригляделась к изображению мужчины. Наполовину белый, наполовину латиноамериканец. А индейские корни Скай, должно быть, получил от матери.

Шала снова залезла в коробку и вытащила еще один снимок. На сей раз только Скай: чуть старше, вероятно, лет семи, позирует рядом с новеньким велосипедом, за спиной — рождественская елка. Шала посмотрела в глаза мальчика и увидела в них безграничное счастье. Ему явно нравился велосипед. Она вспомнила, как за год до смерти родителей получила в подарок игрушечную кухню: с духовкой, формочками и всем прочим. И где-то дома у Шалы хранится фотография почти как эта: маленькая девочка улыбается и думает, будто мир прекрасен, потому что на Рождество ей подарили именно то, что она хотела.

Следующей находкой оказалась вырезка из газеты. На фото пожарник крепко сжимал руками сопротивляющегося ребенка. У мальчика были темные волосы и самые печальные глаза, какие Шала только видела. Глаза Ская. Она прочитала заметку под снимком:

«Мальчик отчаянно пытался спасти родителей из огня. Врачам пришлось обездвижить десятилетнего ребенка, чтобы он не кинулся в пылающий дом. К несчастью, после обнаружения тел отца и матери выяснилось, что причина смерти не пожар, а пулевые ранения. Полиция предполагает убийство и самоубийство».

Шала забыла, как дышать, в горле встал ком. Она посмотрела на пистолет, затем снова на изображение Ская. Как мог ребенок пережить нечто подобное? *«А он и не пережил»*, — пронеслась мысль. Сама Шала по сей день помнила, как ее вытаскивали из машины, и как потом она пряталась за занавеской, наблюдая за врачами и медсестрами, что пытались вернуть к жизни ее родителей.

Бросив фото и газетную вырезку обратно в коробку, Шала закрыла крышку и с максимально возможной скоростью отскочила от шкафа. Встав, обхватила себя руками, жалея, что вообще сюда сунулась. Ей хотелось покинуть спальню Ская, хотелось уйти из его дома и еще сильнее хотелось избавиться от ощущения, что она совершила нечто очень неправильное. На повышенной передаче Шала вылетела в гостиную, захватила с дивана сумку и двинулась к двери. И уже даже взялась за ручку, когда услышала настойчивый лай оставшихся снаружи собак.

Отлично. Только очередной атаки озабоченной псины ей и не хватало. Затем раздался гул автомобильного двигателя. Лучи света мазнула по кухонному окну, и мотор заглох. Скай вернулся? Внутри вспыхнула вина. Стоит ли признаться в содеянном? Извиниться?

Шала поспешила к окну, дабы убедиться, что это действительно грузовик Ская. Не-а. Это был не грузовик, а темный седан. Вроде того, что не так давно ее преследовал. Чудненько. Шала почувствовала, как в животе разгорается паника.

Из машины вышел мужчина, затем снова залез в салон и что-то достал. Что-то из одежды? Лыжная маска. Парень натянул ее на лицо, и так как Шала не помнила, чтобы мэр

Джонсон упоминал лыжный курорт — само его наличие в Совершенстве сомнительно, — то панические бабочки превратились в летучих мышей.

Мужчина двинулся к крыльцу. Собаки угрожающе зарычали. Трепетанье в животе Шалы прекратилось, и все крылатые твари, казалось, ринулись прямо к горлу.

* * *

Скай влетел на больничную парковку буквально через пять минут после машины скорой помощи. Все десять километров пути страх за Рэдфута грыз его изнутри.

Скай задержался дома, чтобы позвонить Хосе, затем заскочил в лачугу, служившую для совета племени офисом. А обнаружив сломанный замок, связался с Питом, одним из патрульных, и попросил подежурить возле домика и убедиться, что тот, кто к ним вломился, не вернется закончить начатое.

Заходя в здание больницы, Скай думал о Хосе. Он не осуждал желание сводного брата уехать из Совершенства. Жизнь в маленьком городке подходит не всем. А уж если вспомнить, что тут еще и резервация... Как сын одного из старейшин, Хосе должен был пойти по стопам отца. Вот только проблема в том, что брат Скай стремился совсем к другому. Мечтал стать архитектором, жаждал блеска и очарования большого города.

За последние пару лет Хосе приезжал всего дважды, и оба раза ненадолго. Но, по крайней мере, он возвращался. Кроме того трижды, по разным поводам, присылал билеты на самолет, чтобы Рэдфут его навестил. Рэдфут паковал чемодан и отправлялся в Нью-Йорк, в гости к сыну, но Скай видел боль в глазах старика всякий раз, как упоминали имя Хосе. Он хотел, чтобы сын вернулся домой насовсем. Конечно, Рэдфут много чего хотел — и все касалось жизни других людей. И Скай, как бы сильно ни любил приемного отца, понимал, что ожидания старика зачастую чересчур завышены.

Миновав больничные коридоры, Скай обнаружил крайне встревоженную Марию, притулившуюся в углу. Заметив брата, она вскочила, ринулась через всю комнату и, крепко обхватив Скай руками, положила голову ему на грудь. Женские объятия... Он усердно работал, чтобы научиться их принимать.

— Как он? — Скай боялся, что крепкие объятия означают дурные вести.

Мария отстранилась:

— Врачи пока молчат. В скорой сказали, что у него сотрясение. По дороге он очнулся. Я уж думала, придется его привязывать, когда он понял, что находится в машине неотложки. — В ее карих глазах блеснули слезы. — Я хотела пойти в отделение вместе с ним, но они не позволили. Мне страшно. Я так люблю этого старика...

Скай снова обнял сестру — не ради себя, ради нее, но будь он проклят, если его это тоже не утешило. Он закрыл глаза и позволил себе понадеяться, что все закончится хорошо. Затем уставился на дверь палаты, желая ворваться туда, но зная, что будет только путаться под ногами.

— Мы должны верить, что с ним все будет отлично.

Скай разжал хватку, но сестра какое-то время все еще к нему прижималась. Да, они оба знавали трудные времена. Но, в отличие от Скай, Марию этот опыт заставил нуждаться в

эмоциональной поддержке.

— Ты звонил Хосе? — спросила она.

Скай кивнул.

— И?

— Он забронировал билет. Скоро должен перезвонить и сообщить время прилета. Возможно, завтра кому-то придется встретить его в аэропорту.

— Он что, не может взять машину в прокате? — проворчала Мария, и Скай увидел вспышку эмоций в ее глазах.

— О прокате он не упоминал, но не волнуйся, я его заберу.

И он снова усадил сестру в кресло.

Из всех недостатков сводного брата один раздражал Скаю особенно. Мария влюбилась в парня уже через неделю после того, как переехала под крышу Рэдфута. Но девятнадцатилетний Хосе тогда не обратил на шестнадцатилетку никакого внимания, а на следующий год уехал в колледж и навещался домой только летом и по праздникам. Мария с ума по нему сходила, а Хосе видел в ней лишь сестру, хотя она никогда не упускала случая напомнить, мол, родство-то не кровное. Хосе держался отстраненно и демонстративно привозил знакомиться с семьей подружек из колледжа, будто хотел отвадить от себя глупышку. Когда Скай спросил у брата, так ли это, тот просто взбесился, слишком уж яростно отнекиваясь. А потом наступило лето перед отъездом Хосе в Нью-Йорк. И Скай заметил эти переглядывания между ним и Марией. Доказательств, конечно, нет, но он готов был биться об заклад, что именно Хосе отец ребенка, которого сестра потеряла.

Братишка даже не подозревал, насколько ему повезло, что живет он в Нью-Йорке, а не в паре часов езды. Ибо была ночь или две, когда Скай прямо-таки мечтал вломиться в его вычурную квартиру в высотке и выбить из придурка все дерьмо. Не только за Марию, но и за Рэдфута. Ведь раз Скай догадался, кто отец ребенка, то Рэдфут и подавно в курсе. И оторвать мальчишке кое-что, расположенное в нижней части тела, Скаю мешало только подозрение, что Мария так и не сказала Хосе о беременности. Во время его визитов в Совершенство, она старательно избегала сводного брата.

— Скай?

Он обернулся и увидел, что из палаты вышла миссис Гибсон, медсестра и подруга его секретарши.

— Как он? — одновременно выпалили Скай и Мария.

— Его осматривает врач. Но он все время то приходит в себя, то снова теряет сознание.

— *O, Dios.*

Мария схватила брата за руку, и он ее не винил. Самого Скаю тон медсестры тоже не очень-то успокоил.

Воздух застрял в горле. Делать поспешные выводы очень не хотелось, но, хоть убейте, Шала не могла придумать ни одной чертовой причины, по которой кто-то вдруг решил натянуть лыжную маску, когда всего пару часов назад прямо на асфальте можно было поджаривать мясо. Ну ладно, одну причину придумать удалось, вот только Шале она ни капли не нравилась. Мужчина не хотел быть узнанным, потому что собирался сделать что-то плохое. Что-то незаконное.

Собаки зарычали громче. Шала слышала, как шаги приближаются к дому, и зажала рот ладонью, сдерживая крик. Затем стрельнула взглядом на незапертую дверь, опустилась на четвереньки, проползла вперед и повернула защелку. В тишине звук показался оглушительным, и Шала взмолилась, чтобы незнакомец не услышал.

— Вот дерьмо, — прошептала она. Дышать легче не стало. — Думай...

Шала вспомнила, что в сумке есть мобильник. А сумка лежит на кресле в гостиной. Вот только если сейчас встать, преступник увидит ее через окно. По какой-то причине, оставаясь в укрытии, Шала чувствовала себя в большей безопасности. Конечно, если незнакомец вдруг решит выбить окно или дверь, это маленькое убежище уже не будет таким надежным.

Рычание собак усилилось. Шала посмотрела в сторону гостиной, на свою сумочку, в которой лежали мобильник и газовый баллончик. А потом вспомнила о телефоне Ская, оставшемся на конторке возле кладовой — это гораздо ближе. Каждый инстинкт в ее ста шестидесяти сантиметровом теле вопил, мол, беги к телефону, звони в девять-один-один, вновь убеждай оператора, что это действительно чрезвычайная ситуация...

А шаги тем временем гулко застучали по крыльцу.

* * *

Вместе с еще парочкой посетителей Скай и Мария сидели в приемном покое больницы и пялились в телевизор. Прошло всего-то минут десять, но казалось, что гораздо больше. Скай поглядывал на ведущую в палату дверь, борясь с желанием снести ее к черту. И не сомневался, что сестра чувствует себя точно так же.

— Если уж поставили здесь телевизор, почему не дали пульт, чтобы мы могли переключить канал? — возмутилась Мария.

Скай перевел взгляд с экрана, где крутили «Вечернее шоу», на ее взволнованное лицо.

— Разве это не тот сенатор, что планирует баллотироваться в президенты? — спросил, надеясь, что болтовня как-то облегчит ожидание.

— Думаю, да, — отозвалась сестра, — но мне он не нравится.

Скай снова посмотрел на экран.

— Я читал о нем много хорошего, — продолжил не особо заинтересованно, но радуясь возможности отвлечься. Когда он не думал о Рэдфуте, то думал о женщине, которую оставил в своем доме.

— А я слышала «хорошее» о Гитлере, — фыркнула Мария. — У него одно из таких лиц.

Напоминает мне парней, с которыми встречалась моя мама. Разговоров много, а на поверку — пшик.

Она вновь взглянула на злополучную дверь, и Скай, потянувшись, сжал руку сестры.

— Поддерживаю, — вставила женщина, сидящая в другом конце комнаты. — У него одно из таких лиц. Могу поклясться, что сегодня выдела точно такую же скользкую физиономию у парня, управлявшего мне машину.

Мария улыбнулась женщине и обратилась к брату:

— Почему так долго? Может, стоит пойти проверить?

Тут дверь палаты наконец распахнулась, и оттуда вышел доктор Генри Майклз. Скай и Хосе вместе с ним учились в школе, и Скаю нравилась мысль, что о Рэдфуте заботится именно Генри.

Брат с сестрой вскочили на ноги, и Мария стиснула ладонь Ская.

— Расслабьтесь. — Доктор, кажется, без труда читал по их лицам. — Сейчас с ним все в порядке.

Хватка Марии ослабла, и Скай напомнил себе о необходимости дышать. Они снова сели.

— Не хочу вам лгать, — продолжал Генри, — опасность не совсем миновала. У него все еще очень низкое давление, и мы точно знаем, что имеется сотрясение. Я собираюсь сделать томографию и убедиться, что нет кровоизлияния. Тот, кто его ударил, не шутил... Он мог убить старика.

Скай почувствовал, как его собственное давление поднимается.

— Рэдфут не слабак. — Генри поколебался, затем улыбнулся: — Опять же, я думал, он надерет мне задницу, когда я ему об этом сказал.

— Упрямый старый глупец, — проворчала Мария.

Скай усмехнулся:

— А разве он этого еще не сделал?

— Имеешь в виду, когда мы с Хосе добрались до его виски? Он меня и пальцем не тронул, но мне в жизни не было так страшно. — Доктор немножко помолчал. — В общем, надо дождаться результатов обследования, тогда я буду знать больше. О, и он зовет тебя, Скай. Даже не позволил медсестре раздеть себя, мол, никаких снимков, пока не поговорит с тобой.

— А я? — спросила Мария.

Генри глянул на нее с сочувствием:

— Он сказал «только Скай».

* * *

Собачье рычание просочилось сквозь дверь.

— Вот ублюдок! — прогрехотал бас. — Ты цапнул меня за зад! Я тебя тоже грохну!

«Тоже?»

Раздался громкий хлопок, и Шала подпрыгнула. «О Боже, он что, застрелил одного из псов Ская?! Но ведь этот звук мог издать и автомобиль...» Она заставила себя чуть

сдвинуться и выглянуть в окно. Мужчина весь в черном и в лыжной маске стоял, уставившись на двух собак Ская, а в руке его... Что ж, это точно был не автомобильный хлопок. Но обе псины по-прежнему рычали.

Зверь покрупнее глянул в окно, прямо на Шалу. Она отпрянула назад и прижалась к стене, слыша, как неистово в ушах грохочет сердце. За все двадцать восемь лет ей еще не доводилось встречаться со смертью один на один. *«И кому же я обязана этой встречей?»*

В голове снова всплыло предупреждение мэра о коренных, которые не очень-то рады госте, и об их недружелюбии. Интересно, попытка убийства попадает под определение «недружелюбия»? Колени подогнулись, и Шала сползла по стене, словно шарик мороженого.

Рычание зазвучало ближе — собаки встали между дверью и незнакомцем. Неужели это правда происходит лишь потому, что Шала попыталась принести туризм в Совершенство? Ради этого действительно можно убить? Или стоит умереть? Нет! И неважно, насколько ей нужны деньги. *«Если выживу, буду полгода сидеть на бобах и рисе»*. Шала готова была отказаться от своего контракта. Она отправит его обратно мэру вместе с маленьким жирным чеком, повязав розовым бантиком. Если выберется отсюда.

«Если!»

* * *

Рэдфут поднял голову с узкой больничной койки, едва Скай зашел в палату.

— Давай переоденем тебя, — скомандовал он. — И ты позволишь врачам сделать снимки. Идет?

Старик оперся на локти:

— Подойди ближе. — И сунул что-то сыну в руку. — Забери это домой.

Скай уставился на пузырек с таблетками:

— Что это?

— Лекарства, которые были у меня с собой. Просто унеси их, — настаивал Рэдфут. — Оставь дома. Не хочу случайно перепутать их с тем, чем меня будут пичкать здесь.

— Они могут попросить список того, что ты принимал... — Скай повертел пузырек в руках.

— Просто засунь эти чертовы таблетки подальше и помоги мне переодеться! Скоро за мной медсестры явятся.

Увидев в глазах отца непоколебимую серьезность, Скай сунул таблетки в карман джинсов, затем помог Рэдфуту сесть и снять рубашку и уже через несколько минут возился с завязками на спине больничной сорочки старика. Тот потянулся и сжал ладонь сына:

— А теперь иди и найди Голубые Глаза. Я снова ее видел, пока они везли меня сюда. Твоя женщина в беде. Ты ей нужен.

* * *

Шала отказывалась умирать.

Ей нужно оружие. Она подумала о пистолете, который видела в шкафу Ская, но заряжен ли он? И тут вспомнила про оставленный в раковине нож и поползла к кухонной стойке. Позади раздался звук: кто-то пытался открыть дверь.

Шала привстала на колени, полезла в раковину. В дверь ударило что-то тяжелое — как плечо или нога. В панике потенциальная жертва схватилась за то, что на ощупь напоминало нож, и почувствовала, как лезвие впилося в кожу. Что ж, проверку на остроту он прошел. Не обращая внимание на боль, Шала наконец вытащила оружие.

— Проклятье!

Одновременно с руганью с крыльца послышался глухой стук, будто упало что-то тяжелое. «Ага, вроде мужика в лыжной маске». Чувствуя прилив храбрости — или, возможно, глупости, — Шала поднялась на ноги и ринулась к окну. Злоумышленник лежал на спине, яростно отбрыкиваясь от собак Ская. В конце концов он просто покатился, а псы двинулись следом, ощерив зубы и рыча. Шала увидела, что за ними лежит нечто похожее на пистолет. Мужчина скатился с крыльца, одна из собак спустилась за ним. Незнакомец вскочил, рванул обратно к своей машине, а Шала так и стояла, замерев, затаив дыхание и все еще стискивая в руке нож. Автомобиль взвизгнул шинами и умчался вниз по грунтовой дороге.

Опершись на стену, Шала наблюдала за крыльцом, где к первому псу подошел второй. Оба зверя, обернувшись, взглянули на гостью. Двумя парами ярко-золотых глаз. Шале прежде не доводилось сталкиваться с волком, но она видела достаточно снимков, чтобы его узнать. И животные на крыльце Ская Гомеса — скорее именно волки, чем собаки. Да, они спасли ей жизнь, но Шала не стремилась познакомиться с ними поближе. Не после того, как лицезрела песиков в действии.

В голове царил настоящий кавардак. Как этот бандит узнал, где ее искать? Слежки за ней не было, Шала специально проверяла. Она вспомнила о «чрезвычайно ситуации» Ская Гомеса, благодаря которой осталась здесь одна. Конечно, шеф утверждал, что в команде «За Уинтерс», вот только, по словам мэра, большинство коренных против нее. К тому же, если Скай на ее стороне, зачем тогда спер камеру?

Что-то влажное и теплое струилось вниз по руке Шалы. Кровь, капающая на деревянный пол.

* * *

Скай удержался от возражений, мол, Голубые Глаза — не его женщина. Спорить с отцом сейчас бесполезно. Затем старика увели, и только через час вернулся Генри и сообщил, что снимки чистые, однако на всякий случай Рэдфуту лучше провести ночь в больнице.

— Он уснул, — объяснил доктор Скаю и Марии, — но, если кто-нибудь захочет остаться с ним, в палате есть еще одна койка.

— Ну раз ты встречаешь Хосе, то я останусь, — предложила Мария.

Хосе связался с ними, как только Рэдфута забрали на томографию, сказал, что прилетает в девять утра.

Сестра вышла позвонить своему парню, а Скай тем временем заглянул к отцу. Тот спал. Скай шагнул к кровати, вспоминая, о чем думал, когда старик лишился сознания на его руках, и прошептал:

— Люблю тебя.

И уже выходил за дверь, когда услышал:

— И я тебя. А теперь найди Голубые Глаза.

Качая головой, Скай направился к своему грузовику. Грудь сжималась от эмоций, но стоило сесть в машину, откинуть голову на сиденье и расслабиться, как до Ская наконец дошло, о чем просил отец: *«А теперь найди Голубые Глаза»*.

Он вспомнил, что оставил Шалу у себя дома. Вспомнил, как желал ее поцеловать. И зайти гораздо дальше поцелуев. А затем еще одно озарение: Шала ведь спрашивала, просматривал ли он снимки.

Скай не сомневался, что фотографировала именно она, но он ведь не застал ее в процессе съемки. И уже через три минуты уверений Шалы в собственной невиновности, поверил ей. Скай наклонился и поднял с пола перед пассажирским сидением конфискованный «Никон». А потратив какое-то время и разобравшись, как просмотреть кадры, в итоге не нашел никаких фото с пау-вау. Приятно оказаться правым.

Конечно, это не снимало с Шалы всех обвинений. Она так или иначе нарушила правила. Но, глядя на дорогую камеру, Скай понимал, почему. А если еще учесть, что из-за этого оборудования кто-то вломился в офис...

Наверное, ради мисс Уинтерс можно и изменить правила. Наверное. Скай с удовольствием бы посмотрел, продемонстрирует ли она завтра свое очарование — настоящее очарование, а не ту плохую игру, что вела перед его уходом. Да, он примет решение завтра, когда вновь увидит Шалу.

Внутри заворчалось неприятное предчувствие. А найдет ли он время с ней увидеться? Между расследованием попытки ограбления, встречей Хосе и приглядыванием за Рэдфутом...

«Я не уйду. Буду сидеть здесь, пока ты не вернешь мне камеру».

Скай надеялся, что Шала не солгала. В голове тут же всплыло видение, как он находит ее в своей постели голой, теплой, жаждущей. Замечательное видение. Тело моментально на него среагировало, но Скай расправил плечи и обрушил на свое либидо душераздирающую новость: этому не бывать. Если по какой-то невероятной случайности гостя все еще оставалась в его доме, то, скорее всего, спать она легла на диване. Если вообще легла, а не ждет хозяина, мечтая о его убийстве и своей камере. Стоит отправиться домой и проверить.

Сотовый зазвонил, когда Скай не успел проехать и квартала.

— Да, — ответил он, мыслями и переживаниями вновь возвращаясь к Рэдфуту.

— Скай, это я.

Скай узнал голос своего друга Сэла — владельца единственного отеля в Совершенстве — и должен бы был испытать облегчение, но уже перевалило за полночь. С тех пор, как Сэл женился на Джесси, ночные звонки не по его части.

— В чем дело, Сэл?

— У нас проблема. Эта цыпочка Уинтерс ворвалась в офис и разбудила меня воплями о том, что де кто-то разгромил ее номер. Я проверил — там действительно покопались.

— Проклятье!

— Она говорит, мол, уже нашла комнату в таком виде, но я заметил кровь, и думаю, может, она не все мне рассказала? Вдруг она застала взломщика.

— Она сильно ранена? — Скай не мог не вспомнить предупреждение отца.

— Не знаю, она не позволила себя осмотреть. Кажется, только рука, но она оставила кровавый след в моем офисе. Я дал ей другую комнату.

— Я уже еду.

— Э-м-м... — Сэл явно нервничал. — Не уверен, что это хорошая идея.

— Почему?

— Потому что, когда я предложил вызвать полицию, она накинулась на меня, типа если ты явишься без ее камеры, то тебе кранты. Еще сказала, мол, все, что ей нужно, это другой номер и ее долбанное оборудование к утру. А уходя, добавила, что «пусть Совершенство само теперь ищет долбаный способ привлечь туристов». И когда она произносила «долбаный», то выглядела достаточно безумной, чтобы все бросить.

Ведь наверняка же Шалу преследовал тот же засранец, который вломился в лачугу и ранил Рэдфуга! Быстро развернувшись и направившись к отелю, Скай покосился на лежащую рядом камеру. Да, штука дорогая, но стоит ли таких усилий? Вряд ли.

— Я так полагаю, — продолжал Сэл, — камеру украли при взломе? Не то чтобы это имело какой-то смысл, но мисс что-то бормотала о «быть пойманной стаей волков» и что «Совершенство не такое уж и совершенное».

Волки? Видение Рэдфуга? Черт, Скай не верил в подобное дерьмо. Если только... Егс собаки. У Шалы была стычка с Бучем и Сандэнсом?

— Я дал ей ключ от другого номера, и она вылетела отсюда, как курица с горящими перьями и динамитом в заднице. Очень надеюсь, что мэр еще не выписал ей чек, потому как не сомневаюсь, что, покинув Совершенство, она уже не вернется.

Скай не хотел думать об ее отъезде. Он вновь посмотрел на камеру. Внезапно вернуть ее хозяйке показалось отличной идеей.

— Я уже еду, — повторил он. — Просто сделай мне одолжение: приглядывай за ее комнатой. Убедись, что никто до нее не доберется.

— Блин, мужик. Думаешь, за ней кто-то охотится? В смысле... я решил, что это просто случайный грабеж. Детки или еще кто. Эй, может, кто-то из подписавших петицию! Или вообще Чарли, развернувший антитуристическую кампанию. Он уже раз шесть являлся, убеждая меня подписать чертову бумажку. К тому же он достаточно вспылчив.

— Просто наблюдай за ней, хорошо? — не выдержал Скай. — Я буду через десять минут. — И тут в голову пришла неожиданная мысль: — Сэл, думаешь, она сильно ранена? Нужна скорая?

— Скорая? Нет. Но крови много, швы так точно нужны. Я предложил отвезти ее в больницу, но в ответ получил такой взгляд... В общем, больше не предлагал.

Добравшись до отеля, Скай какое-то время кружил рядом, пока не заметил Сэла, прислонившегося к фонарному столбу. Затем припарковался и выбрался из машины, прихвати свой глок из бардачка и «Никон».

— В какой она комнате?

— В тринадцатой. — Сэл указал на нужную дверь и уставился на камеру в руках Ская. — Это ее?

— Ее. Потом объясню, а сейчас будь добр — спрячь это в сейф. — Он отдал камеру

Сэлу, засунул пистолет за пояс брюк сзади и выпустил рубашку, чтобы прикрыть рукоять.

— Погоди-ка. — До друга, кажется, дошло. — Это та, что ты сегодня конфисковал? Я ведь не видел, кого ты осчастливил.

— Ага. — Скай направился к номеру Шалы. Сэл увязался следом.

— Но зачем кому-то вламываться...

— Может, решили, что оборудование мисс Уинтерс уже вернули. Не знаю. — Скаю требовалось несколько часов, чтобы все хорошенько обдумать.

— Неудивительно, что она взбесилась, едва я тебя упомянул. — Сэл хохотнул и ткнул его локтем. — Слушай, нехорошо так обращаться со своей будущей женой и матерью твоих детей.

Скай нахмурился. Проклятье, он знал, что рано или поздно вся эта чушь о вторых половинках всплывет. А если и жена Сэла знает, то к полудню об этом будет судачить весь чертов город!

— Я вооружен, — пробормотал Скай. — Лучше не беси меня.

Ухмылка друга стала еще шире:

— Ладно, считай, я ничего не говорил. Просто решил, ты должен знать, что носится в воздухе.

— Значит, Джесси в курсе? Где она берет информацию?

Сэл пожал плечами:

— Вчера она обедала с Марией. Но не вини мою женщину. Страсть к сплетням — ее единственный грех.

Скай покачал головой. Черт, Марии следовало бы думать головой. Конечно, они с Джесси дружат еще со школы, но стоит что-то сообщить этой болтушке — и меньше чем через час об этом будет знать даже Папа в Ватикане.

— И так, для справки, — добавил Сэл, — это ж не худший вариант. Она горячая. С другой стороны, увидев ее такой взбудораженной... хлопот цыпочка тоже может доставить.

Когда Скай остановился перед нужной дверью, друг буркнул:

— Дай знать, если что-нибудь понадобится.

После чего отбежал на несколько метров и замер.

Первым делом Скай обратил внимание на кровавый отпечаток ладони на дверном косяке. Желудок сжался, стоило представить Шалу раненой. Оставалось надеяться, что пострадала она несильно. Подавшись вперед, Скай постучал:

— Шала? Это Скай. Впустишь меня? — В ответ не раздалось ни звука, и он постучал еще раз: — Шала?

— Ты принес мою камеру? — донеслось из комнаты.

Скай оглянулся к Сэлу, и тот тут же спрятал «Никон» за спину.

— Нет, не принес. Но нам нужно поговорить.

— Поговорим завтра, когда отдашь мне оборудование. Уже поздно. Я устала и переоделась ко сну.

Скай прижался лбом к двери:

— Шала, я видел кровь. Сэл, управляющий отеля, сказал, что ты ранена. Прошу, открой, чтобы я мог взглянуть.

— Я в порядке! — рявкнули из-за двери.

— Ты не в порядке. Впусти меня.

— Ладно, давай я скажу иначе: я тебе не доверяю. Понятия не имею, кто стоит за

этой... этой попыткой выгнать меня из Совершенства, но сработало. Завтра я уезжаю. И, богом клянусь, до этого ты вернешь мне камеру, иначе я найму адвоката и ты пожалеешь, что на свет родился.

В отчаянии Скай зажмурился, затем развернулся и направился к Сэлу.

— А я-то думал, ты в состоянии уломать любую женщину впустить тебя в гостиничный номер, — пошутил друг.

Только Скаю было не до смеха:

— Дай мне ключ.

— Серьезно?

— Сейчас же!

Сэл ушел в офис, а «переговорщик» вновь вернулся к двери Шалы.

— Послушайте, дамочка. Я — начальник полиции, и моя прямая обязанность — удостовериться, что с вами все хорошо. Я не стою ни за какими попытками. — Она не ответила, и он нахмурился. — Шала, сегодня ты была у меня дома. Если б я хотел навредить, неужели уже не сделал бы этого?

— Ага. Но это и случилось в твоём доме. Кто ещё знал, что я там?

— Что случилось в моём доме? — переспросил Скай, запутавшись и отчаянно желая убедиться в её невредимости. — Шала, я серьёзно. Открой дверь.

— Он не следил за мной до твоего дома — я специально проверяла. Значит, кто-то сказал ему, что я там.

Скай заскрипел зубами:

— Кто за тобой не следил? — Затем кусочки головоломки соединились, но... — Если думаешь, что я замешан, то ошибаешься. Ты половине города сообщила, что ищешь меня! — А когда в ответ снова не раздалось ни звука, добавил: — Ну же, Шала, открой. Неужели и правда думаешь, что я причастен?

Послышались шаги, щелкнул замок. Скай вскинул руку, велел Сэлу держаться подальше.

Дверь медленно отворилась. Глаза Шалы были опухшими и влажными. Она плакала. И черт возьми, от осознания этого внутри Скай все сжалось.

— Могу я войти? — спросил он, понимая, что она имеет право на подозрения, хоть в них не больше смысла, чем в обезжиренном масле.

Шала поколебалась, затем отступила. Скай шагнул в комнату и закрыл за собой дверь.

Мисс Уинтерс переделалась в пижамные шорты с розовыми сердечками и такой же топ. Наряд не был неприличным или чересчур откровенным, но Скай все равно почувствовал слабость в коленях. Хлопок мягко подчеркивал все изгибы, а шорты до середины бедра позволили наконец-то во всей красе разглядеть стройные ножки. Но затем Скай заметил кровавое пятно на футболке и благополучно загнал свое либидо куда подальше. Правую ладонь Шала обмотала полотенцем.

— Могу я взглянуть на твою руку? — спросил он.

— С ней все в порядке.

— Пожалуйста. Я просто посмотрю.

Шала протянула ладонь, Скай осторожно убрал ткань и обнаружил под ней пятисантиметровый порез.

— Как это случилось?

— Нож.

Его желудок вновь скрутило.

— Кто-то напал на тебя с ножом?

— Нет. Сама схватилась за лезвие, когда брала нож для защиты.

— Защиты от кого?

— Вот черт! — В голосе Шалы послышалась знакомая дерзость. — Мы как-то забыли друг другу представиться. Но это, очевидно, был кто-то, кто не желает, чтобы я работала на Совершенство.

Скай решил, что этим обвинением займется позже. Встретившись взглядом с Шалой, он погладил большим пальцем тыльную сторону ее пораненной ладони.

— Еще какие-то травмы?

— Нет.

Ладно. Поверим на слово.

— Что произошло?

— Парень в лыжной маске и с пистолетом попытался вломиться в твой дом.

Лыжная маска. Значит, это точно тот же гад, что напал на Рэдфута. И какие выводы?

Скай вновь посмотрел на порез и осторожно раздвинул края, проверяя, насколько он глубокий. Достаточно. Из раны сочилась кровь. Нахмурившись, Скай опять обмотал ладонь Шалы полотенцем и скомандовал:

— Одевайся. Надо наложить швы. Остальное расскажешь по пути в больницу.

Она отдернула руку:

— Все не так уж плохо.

— Швы все равно нужны.

— Не-а. Разрез ровный, заживет.

— Он на ладони. И при каждом движении будет раскрываться.

Скай огляделся, увидел ее джинсы на спинке стула и, схватив их, протянул Шале. Она отбросила их на кровать:

— Мне не нужны швы.

Скай испустил тяжелый вздох:

— Шала, переодевайся. Я везу тебя в больницу. Это не обсуждается.

— Но...

— Отлично. Видимо, ты хочешь пойти в пижаме. — Он подтолкнул упрямыцу в спину по направлению к двери. — Вообще, смотрится довольно миленько.

Шала затормозила, упершись пятками в ковер, и взгляд Скайя приковали ее ступни. Голые, миниатюрные, женственные. На ногтях — нежно-розовый лак, а на больших пальцах еще и маргаритки нарисованы.

— У тебя красивые ступни. — Скай сам не знал, почему сказал это, но что уж теперь.

Шала уставилась на свои пальцы и после паузы спросила:

— Ты правда думаешь, что необходимо?...

— Да. — Он прикоснулся к ее подбородку, заставляя поднять взгляд. — Нужно зашить.

Шала вздохнула:

— Но уже поздно. А я так устала и проголодалась, и все, о чем сейчас мечтаю, — это забраться в кровать... Жалко звучит, да?

— Просто ужас, — усмехнулся Скай.

Поесть было бы здорово, а в кровати не обязательно спать. Скай вдохнул чистый женский аромат и, поддев пальцами подбородок Шалы, улыбнулся:

— Не вынуждай меня забросить тебя на плечо и потащить в машину.

— А ты можешь? — В ее тоне проскользнули дразнящие нотки.

Скай подмигнул:

— Мне это наверняка еще и понравится.

Ему определенно нравилось прикасаться к ней прямо сейчас. Хотя в глубине души он знал, что должен думать о нападении, а не о том, как приятна Шала на ощупь. Должен мысленно попытаться распутать это дело, а не примеряться, как отлично его рука впишется в изгиб ее талии. Должен искать причины произошедшего, а не гадать, каково будет погрузить язык в рот Шалы и какая она на вкус. И уж точно не следовало представлять, как эти сексуальные голые ступни скользят по его обнаженным ногам.

Шала закатила глаза и выдала микро-улыбку:

— Что ж, мы ведь не хотим лишний раз доставлять тебе удовольствие, да? Позволь мне переодеться.

Скай еще раз погладил пальцем ее щеку, затем заправил за ухо несколько легких прядей. Возможно, из-за усталости или пережитого страха — точно не скажешь, — но броня Шалы ослабла. И он не мог не воспользоваться подвернувшимся шансом. Что-то подсказывало, что вряд ли к ней удастся вновь так легко и близко подобраться.

Скай уставился на женские губы и задумался...

Наверное, это будет чересчур. Или?...

Мария вошла в палату и осторожно, чтобы не разбудить Рэдфута, прикрыла за собой дверь. С Мэттом связаться так и не удалось. Увидев раненого отца, Мария в панике сказала, что перезвонит, но теперь ей отвечала только голосовая почта.

— Он так и не берет трубку, да? — спросил Рэдфут.

В его тоне крылось гораздо большее, но Мария не собиралась позволять старику посеять сомнения в ее душе. Она не безразлична Мэтту. Мария в это верила. Ладно, его частые командировки немного напрягали, но она доверяла ему.

Она присела на краешек кровати:

— Тебе нужно спать.

— Я б так и делал, если б был дома. Мне доводилось спать на камнях более удобных, чем эта койка. Знаешь что? Сходи-ка разузнай, где медсестра спрятала мое исподнее, и мы с тобой...

— Ты останешься здесь, вьехо.

— Наступит завтра, женщина, и я отправлюсь домой. И плевать, если придется пересечь городскую площадь, подмигивая голой задницей всему Совершенству.

Мария усмехнулась:

— Хочешь заставить и без того немногочисленных местных сбежать в горы?

— Моя задница никого не обратит в бегство. Наоборот, может убедить некоторых задержаться.

Мария рассмеялась и мягко прикоснулась к вцепившейся в кровать поручень руке отца:

— Поспи.

Затем наклонилась и поцеловала его в лоб.

— Он не для тебя, дочь.

Мария поколебалась:

— С ним я счастлива.

— Так эти морщинки на твоём лбу — от счастья?

— Я просто волнуюсь, — вздохнула она, — потому что не могу до него дозвониться.

— Я знаю, почему ты переживаешь. И полагаю, что твои опасения обоснованы. Слушай свое сердце.

— Мое сердце говорит, что ты должен спать.

— И ты, и Скай сражаетесь с одними и теми же демонами, но разными способами. Скай бежит от своего прошлого. Ты же бежишь к нему.

Мария вздохнула. Неужели отец прав? Она необдуманно торопится? Подгоняет отношения с Мэттом? Сколько ни отрицай, но слова старика попали в точку. Разве она так же не торопилась с Хосе? Черт, да она прыгнула к нему в постель в первый же раз, как он взглянул на нее иначе!

И продолжала спать с ним, глупо надеясь, будто это что-то изменит. Не изменило. Когда из Нью-Йорка пришло предложение о работе, Хосе вцепился в него, как оголодавший ребенок в мороженое. Обнаружив задержку, Мария решила обсудить это с ним, однако застала Хосе за упаковкой чемоданов. Он заявил, мол, собирался поговорить с ней до отъезда, но что бы он сказал? «Прощай»?

Мария взглянула на Рэдфута:

— Ладно, мудрец, поведай же мне, есть ли в твоих снах подсказка, что мне делать?

Старик потянулся и коснулся ее щеки:

— У меня не было видений о тебе. Они...

— Ага! Но о Скае были, — подразнила Мария. — Я всегда знала, что он твой любимчик.

Рэдфут нахмурился:

— Я не контролирую свои видения. Но сердцем чувствую, что ты ступила на неверный путь.

— А твое сердце так же надежно, как твои предсказания?

— Нет, — признался старик. — Но твое — должно быть. Слушай его.

— Спи уже.

Мария перебралась на раскладушку, по-прежнему сжимая в руке телефон.

Что ее сердце говорило о Мэтте? Она закрыла глаза, вспоминая, как он подвел ее к витрине ювелирного и спросил: «*Какое бы ты выбрала?*». Ощущение его надежного тела за ее спиной сохранилось до сих пор. Мэтт — надежный. Тот, на кого всегда можно опереться, на кого можно рассчитывать — в отличие от родителей Марии. Но так ли это? Или она снова торопится и выдает желаемое за действительное?

Любовные романы напичкали ее голову глупыми мечтами. Мария просто не видит истины. А может, и недостатки Мэтта? Не будь она так слепа в отношениях с Хосе, не совершила бы многих ошибок. Вероятно, пришло время по-новому взглянуть на Мэтта.

* * *

— Переодевайся, Голубые Глаза.

Шала моргнула на него небесными очами, полными беспокойства, и потянулась за джинсами.

— Ох, прости. Столько всего произошло, я даже забыла спросить, как там Рэдфут...

— У него сотрясение, но все обойдется. Врачи оставили его на ночь в больнице. Можем заглянуть к нему, пока будем там.

— Как он ушибся? Упал или что?

Это напомнило Скаю, что ему тоже необходимы ответы.

— Объясню по дороге. — Он жестом отправил ее в ванную: — Вперед.

А когда несколько минут спустя Шала вернулась, Скай понял, что оказался прав насчет временно ослабшей защиты. С первого взгляда было видно, что эмоциональные барьеры вновь воздвигнуты. У Ская имелись собственные, так что это не должно бы его волновать. Однако волновало.

Шала посмотрела на дверь, потом на него:

— До меня только сейчас дошло, насколько все это глупо. Нет ни одной адекватной причины, по которой ты обязан меня куда-то везти. Уже поздно. И я сама за рулем.

— У тебя рана на руке, — заметил Скай.

— Я же добралась сюда от твоего дома. И до больницы доеду. Ну правда. Я в порядке. И могу...

— Шала, — перебил он.

— Никаких причин, чтобы...

Она не прекращала тараторить, пока Скай брал ее сумочку, выталкивал неугомонную за дверь, и всю дорогу до грузовика. Половина из сказанного вообще не имела смысла. Либо болтливость для Шалы естественна, либо виноваты усталость и стресс. Скай надеялся на последнее. Он готов был голышом и босиком взбираться на снежную гору и спать на спине дикобраза — лишь бы избежать женской трескотни.

Едва Скай устроился за рулем, Шала погрузилась в молчание. Он взглянул на нее и увидел стоящие в глазах слезы. Настоящие слезы. Эти прекрасные наивные глазки теперь были остекленевшими и полными печали.

Наклонившись, Скай положил руку на спинку пассажирского сиденья.

— Ты в порядке?

Шала покачала головой, моргнула, закусил губу, будто сражалась со слезами, и только потом утвердительно кивнула. Скай не любил слезы, но с ними справиться гораздо легче, чем с болтовней.

И тут до него дошло. Эта женщина сегодня подверглась нападению. Если болтовня ее успокаивает, то он способен потерпеть. Не совсем же он засранец.

— Расскажешь?

Шала снова помотала головой:

— Нет.

Теперь, когда нужно было говорить, она перешла от безудержной трескотни к молчанию.

— Я должен знать, что сегодня произошло. Тебе придется мне рассказать.

— О. — Шала моргнула еще несколько раз. — Об этом-то я могу говорить.

Что? Если она плачет не из-за нападения, то, черт возьми, почему тогда?! Скай почти спросил, но вовремя себя одернул.

— Итак, что произошло?

Она положила сумочку на колени.

— Собаки залаяли. Я услышала, как подъехал автомобиль. А когда выглянула в окно, увидела, что это тот самый черный седан, который меня преследовал.

Скай вспомнил, что она уже упоминала седан. Надо было сразу же расспросить подробнее. Но он ходил за ней большую часть дня и никого не заметил.

— Когда ты впервые его увидела?

— Когда вышла из железнодорожного музея.

То есть после того, как Скай ушел готовиться к пау-вау.

— И еще раз — когда ехала в «Напуганного цыпленка».

Стоило сказать ей, что, наверное, не следовало туда соваться. Паршивое местечко.

— Во сколько автомобиль подъехал к дому?

Шала закусил губу и нахмурилась:

— После того, как ты ушел.

— Это-то я знаю, — вздохнул Скай. — Насколько «после».

— Точно не скажу.

И почему ему вдруг показалось, что она увиливает от правды?

— А через сколько после моего отъезда ушла ты?

В глазах Шалы промелькнуло что-то, похожее на вину, и тогда Скай понял...

— Ты осталась поискать камеру, да?

Она кивнула:

— Я собиралась забрать только карту памяти!

Скай завел грузовик и направил его в сторону больницы — второй раз за ночь, — так и не определившись, что испытывает, узнав об обыске своего жилища. *«Сейчас главное выяснить детали нападения. Все остальное обдумаешь после».*

Несколько кварталов слушая только шуршание шин по асфальту и наблюдая за ерзающей спутницей, Скай наконец спросил:

— Может, где-то через час после моего отъезда?

— Примерно, — согласилась Шала.

— Ты слышала, как машина остановилась, а дальше?

И она рассказала. Сердце Ская колотилось в груди от осознания того, насколько она и Рэдфут были близки к смерти. Но почему? Видимо, кому-то понадобилась камера Шалы. Но, опять же, зачем? В ломбарде за нее много не выручишь. Кто-то хотел помешать пиарщице выполнить работу? Да. Но Рэдфут не узнал нападавшего. Конечно, он не знал каждого в городе... Но все равно, с чего парень так заиклился именно на этом «Никоне»?

— Ты знаешь кого-нибудь, кто желал бы тебя зла? — спросил Скай, когда Шала закончила.

Она фыркнула:

— Половина Совершенства, если верить мэру Джонсону.

— Нет, я имел в виду что-то более личное, — пояснил он.

— Нет.

— Что насчет парня?

— Нет.

Скай улыбнулся:

— Нет — в смысле у тебя нет парня, или ты не считаешь, что он может охотиться за твоим оборудованием.

— Оба варианта.

Что-то сродни облегчению поселилось в груди.

И тут же пришла новая мысль — отчасти совершенно безумная. Возможно ли, что камера понадобилась неизвестному потому, что Шала засняла на нее что-то или кого-то? Маловероятно. В Совершенстве, конечно, не обходится без преступлений, но за те три года, что Скай возглавляет полицию, случился лишь один эпизод случайной стрельбы, дюжина взломов и — самое «любимое» — целая эпидемия домашнего насилия. А девяносто процентов рабочего времени приходится разбираться с пьяными водителями и потасовками в «Напуганном цыпленке».

— Итак, вернемся к сегодняшнему вечеру, — встряхнулся Скай, осознав, что Шала давно молчит. — Ты слышала выстрел, а дальше?

Она, наверное, ужасно испугалась.

— Поначалу меня будто парализовало, но потом я разозлилась.

Скай усмехнулся:

— На меня выстрелы действуют так же.

— И тогда пошла за ножом. — Голос Шалы звучал напряженно. Она стиснула руки, и белое полотенце, обернутое вокруг ладони, покраснело.

«Все могло быть куда хуже», — напомнил себе Скай. Если б его собаки не набросились на злоумышленника, сидящая рядом женщина сейчас бы... Скай мысленно

покаялся поймать и наказать ублюдка. Но зная, что для работы лучше держать эмоции в узде, тут же задвинул жажду мести подальше и сосредоточился на деле. Шала тем временем продолжала:

— Когда собаки напали, он, видимо, уронил пистолет на крыльце. А потом не смог до него добраться, так что рванул к своей машине. И...

— Подожди-ка! — Скай свернул на больничную стоянку и ударил по тормозам. — Он оставил ствол на моем крыльце?

— Твои собаки — или лучше сказать, волки — его спугнули.

— Только частично волки, — пробормотал Скай и попытался спросить снова: — Так ты говоришь...

— Разве они не опасны?

Он нахмурился:

— Когда ты уходила, пистолет оставался на крыльце?

Затем достал телефон, чтобы позвонить Лукасу. Конечно, уже за полночь, но, прежде чем завязать с выпивкой, этот парень сотни раз вытаскивал Ская из постели, чтобы тот отбуксировал его пьяную задницу из «Напуганного цыпленка». Время платить по счетам.

— Нет. Я убрала его на холодильник. Боялась, что собаки каким-то образом в себя выстрелят.

— Это хорошо. — Скай очень надеялся, что она не смазала отпечатки. А еще волновался, что преступник мог вернуться за оружием.

Набрав номер, он кратко обрисовал соседу ситуацию с попыткой взлома и пистолетом, объяснил, что ему нужно, и велел быть настороже. Хотя вряд ли о Лукасе стоило слишком беспокоиться.

— Перезвони, как только все сделаешь.

Нажав отбой и заглушив двигатель, Скай полуобернулся к Шале:

— Готова?

Она перевела взгляд на больницу, и голубые глаза испуганно округлились.

— Тебе раньше никогда не накладывали швы?

Шала посмотрела на него:

— Конечно, накладывали. — Лицо ее побледнело, отчего глаза стали казаться еще голубее.

— Они обезболивают, прежде чем начать шить. — Забавно, она столько сегодня пережила, а сейчас испугана, кажется, сильнее всего.

— Я в курсе. — Шала не двинулась с места.

— Ну же. Давай покончим с этим. — Скай протянул руку, чтобы открыть дверь с ее стороны, случайно коснулся женской груди — и его пронзила нервная дрожь. Распахнув дверцу, он отклонился назад, стараясь не получать от происходящего слишком много удовольствия. — Пойдем.

Шала выбралась из салона, сделала несколько шагов, обходя грузовик, и наконец встретила со Скаем, глядя на него огромными оленьими глазами. В подходящей ситуации эти глаза легко могли бы поставить мужчину на колени.

— Я просто сомневаюсь, что швы необходимы, — пробормотала Шала, уставившись на свою ладонь. — Ну правда, можно купить какой-нибудь пластырь, и уверена...

Скай фыркнул, положил руку ей на спину и подтолкнул вперед.

— Я дам тебе пулю, чтоб зажать зубами. Серьезно, это не так уж больно.

Она не шелохнулась:

— Я не боюсь стежков.

— Ну да. — На сей раз он крепко обхватил ее за плечи и повел рядом. — Обещаю, что буду держать тебя за руку. Можешь сжимать ее так крепко, как только захочешь. И клянусь, что не буду называть тебя трусливым котенком. Мяу, — поддразнил Скай.

Шала резко остановилась — ее кроссовки шаркнули по асфальту.

— Я... я не люблю больницы, — призналась она.

— Потому что там накладывают швы? — хохотнул Скай. — Или дело в иглах?

— Не поэтому...

— Ну же, я позабочусь, чтоб тебе дали леденец, когда все закончится. — Он снова подтолкнул ее вперед.

— Я не люблю больницы, потому что, когда мне было восемь, в одной из них на моих глазах умирали мои родители.

Голос Шалы исказился — от гнева или страха, точно не скажешь. Скай сбился с шага, в груди все сжалось. Он почувствовал себя бестактным придурком. На лице Шалы отразились одиночество и боль. Ему это было знакомо — с того самого дня, как его отец пристрелил мать, а потом наставил ружье на себя. Жизнь изменилась, когда Скай переехал к Эстелле и Рэдфуту, но одиночество так никуда и не делось.

Скай крепче сжал плечи спутницы:

— Прости. Я подумал...

— Я знаю, что ты подумал. — Она вывернулась из его объятий и шагнула в двери больницы.

Хосе Даркуотер моргнул, с трудом разлепил веки и пожалел, что не захватил на той заправке пару миль назад еще одну чашку кофе.

После разговора со Скаем, он перезвонил в авиакомпанию и узнал, что у них есть поздний рейс до Хьюстона. Можно прилететь, взять в прокате машину и доехать до Совершенства. Вот только Хосе не подумал, что всю неделю пахал в офисе до ночи, и садиться за руль в таком состоянии опасно для здоровья. Увидев при въезде в город знак, провозглашающий, что в Совершенстве проживает 893 человека, Хосе едва не съехал на обочину, чтобы прикрыть глаза.

«Восемьсот девяносто три?»

Он готов был поклясться, что меньше. Они, видимо, посчитали и тех скончавшихся стариков, о которых рассказывал отец. Хосе чертовски надеялся, что число местных не снизится еще на одного. Своими безумными выходками и убеждениями Рэдфут просто сводил его с ума, но с какой стороны ни глянь — у Хосе не могло быть отца лучше. Проблема в том, что Рэдфут вряд ли так же гордится сыном.

Несомненно — Хосе разочаровал своего старика. И чтобы это исправить, нужно забить на все свои мечты и стремления и превратиться в точную копию Ская. Как бы Хосе ни уважал сводного брата, он точно знал, что таким же никогда не станет. На самом деле Хосе возмущался и злился, черт возьми! Злился на Ская, негодовал на близость, возникшую между ним и Рэдфутом. И в то же время радовался, что рядом с отцом кто-то есть. Если бы не Скай и Мария, Даркуотер-младший никогда бы не смог уехать. А застрять в Совершенстве насовсем примерно так же приятно, как наступить на домик огненных муравьев.

Хосе посмотрел на спидометр — сто десять. Затем на часы. Быстро он управился. Но в час ночи что лучше: сразу навестить отца или сначала домой и немного поспать? Хосе звонил в больницу, как только приземлился, и медсестра заверила, что со стариком все хорошо. Наверное, сон и душ все-таки лучший выбор.

Неожиданно в мысли вторглась Мария. Во время последних визитов Хосе она его избегала, так что он не видел ее два года. Было больно, но вместе с тем он испытывал облегчение. Перед глазами всплыл образ Марии. Как всегда мысли о ней были окрашены смесью желания, любви и чего-то вроде стыда. Боже, конечно, они не кровные брат и сестра, так что желать Марию — не смертный грех, но мать Хосе смотрела на ситуацию иначе. Последний разговор с сыном у нее был как раз об этом.

Естественно, Эстелла заметила, как дети смотрят друг на друга. *«Она — семья, сын. И ты старше. Обещай мне, что не сделаешь ничего, что приведет к шумихе».*

Хосе поклялся, не понимая, что это будет последнее обещание, данное им матери. Он держал слово вплоть до того лета два года назад, когда каким-то образом убедил себя, что теперь они с Марией взрослые и все прежние договоры аннулированы. Не тут-то было. И, проклятье, шумиха таки поднялась.

Приглашение работать в Нью-Йорке пришло через месяц после того, как Хосе отбросил все сомнения насчет отношений с Марией. В тот день, когда она застала его за упаковкой чемоданов, Хосе с кристальной ясностью осознал две вещи. Да, он любил Марию. Любил в ней все: ее улыбку, ее жизнерадостность, ее мягкий характер — и, черт, как можно было не любить это горячее маленькое тело. Но любить ее — все равно что вляпаться в бетон,

который до конца дней прикует тебя к Совершенству. Для Марии город был домом.

Хосе подозревал, что, если бы он настоял, она бы перебралась в Нью-Йорк. И возненавидела бы мегаполис за все то, за что его обожал Хосе. В общем, он поступил правильно. Ну, по крайней мере, так казалось. Он провел последние два года, сравнивая с Марией каждую женщину, с которой встречался, и все они ей в подметки не годились. Так что иногда возникал резонный вопрос: а вдруг он ошибся?

Во тьме раздался громкий хлопок — кажется, переднее колесо. Машину повело. Занесло. Хосе дернул руль вправо и уж было решил, что выровнялся, но, взглянув вперед, увидел только несущееся прямо на него дерево. Он вдавил педаль тормоза.

Слишком поздно.

Хосе приготовился к удару.

* * *

С колотящимся сердцем Шала подошла к окошку приемной.

Полупрозрачная створка приоткрылась.

— Я могу вам помочь? — спросила женщина средних лет.

Только через секунду Шала все же смогла пролепетать:

— Да. Мне... мне нужен врач.

Женщина нахмурилась:

— Вы ранены? Больны?

Видимо, посетительница не производила впечатление попавшей в беду. Да, Шала явно упустила свой шанс в жизни — стоило стать актрисой. Потому что на самом деле сейчас она находилась в миллиметре от полноценного приступа паники с падением на пол, слезами и воплями. Шала сняла с ладони окровавленное полотенце и вытянула руку. Несколько красных капель плюхнулись на стойку.

Женщина отшатнулась на своем стуле, будто никогда прежде не видела крови:

— О боже! Проходите скорее, мы о вас позаботимся.

Шала почувствовала, как рядом кто-то остановился. Скай. Не сказав ни слова, она пошла к двери.

Когда он двинулся следом, Шала обернулась. Скай выглядел серьезным и виноватым. В горле встал ком размером с маленькую лягушку, но Шала все-таки сумела выдавить:

— Дальше я справлюсь сама. Спасибо.

— Но я...

— Я в порядке. — Она толкнула дверь.

Регистратор стояла в конце коридора, надевая резиновые перчатки, словно боялась испачкаться кровью, просто показав пациентке смотровую. Шала направилась к женщине, прислушиваясь: а вдруг Скай пошел за ней? Не пошел. По телу разлилось облегчение. Шала на него не сердилась. Нет, правда, не сердилась. К сожалению, внутри сейчас бушевала такая буря эмоций, грозя поглотить рассудок, что было совсем не до разборок с шефом Гомесом. Не теперь, когда предстояло столкнуться с прошлым.

О боже, этот запах! Аромат антисептиков с примесью лизола — все это грозило вернуть

воспоминания. Шала втянула воздух, который вдруг стал гуще, и заставила себя переставлять ноги — одну за другой, — не отрывая взгляда от женщины. Сосредоточившись на ее лице. Ибо знала, что увидит, если осмелится посмотреть вокруг. Детали везде одинаковы. Это отделение неотложки в маленьком городке, и выглядит оно будет так же, как то, в котором Шала побывала в восемь лет.

— Сюда, — позвала регистратор.

Шала проследовала за ней в занавешенную «комнатку» — в точно такой же она сидела тогда, в детстве, совершенно одна. И в такой же, несколькими занавесками дальше, умирали ее родители.

— Я попрошу нашего специалиста по страхованию взять у вас всю нужную информацию прямо здесь. Мы же не хотим залить ее офис кровью.

Шала кивнула. Женщина махнула в сторону кушетки:

— Медсестра и Келли из отдела страховки скоро будут. — Затем взглянула на руку Шалы. — Неприятный порез. Как это случилось?

— Нож.

— Готовили?

— Вроде того, — отозвалась Шала, не желая объяснять.

— Ладно, милочка. Мы вас быстренько подлатаем.

Служащая, цокая по кафельному полу, ушла, оставив ее одну.

«Одна. Прямо как тогда».

Шала уставилась на кушетку, стараясь не смотреть на занавеску. И не вспоминать, как сползла с койки, миновала две секции, отодвинула шторку... Не вспоминать, как на столах вздрагивали окровавленные тела мамы и папы, когда врачи били их током. Сердце заколотилось о грудную клетку. Чувствуя подступающую панику, Шала начала читать одну из старых добрых молитв, вроде тех, которые так любила по делу и без бормотать Нана. Проклятье, она скучала по бабушке. Моргнув, Шала сглотнула ком в горле и продолжила себя успокаивать.

Сказала себе, что все случилось давным-давно, осталось в прошлом. Она все преодолела! Да, родители умерли, и Шала видела то, что восьмилетняя девочка видеть не должна, но ведь ей уже не восемь. Вдыхая носом и выдыхая ртом, она села на кровать и вперилась взглядом в окровавленную ткань, обмотанную вокруг ладони.

Послышались шаги. Затем замерли у ее занавески. Ожидая увидеть медсестру, Шала подняла глаза, но перед ней стоял Скай Гомес: руки скрещены на груди, поза лучится упрямством. Он сурово смотрел на Шалу сверху вниз, мол, попробуй меня прогнать.

* * *

Спать на раскладушке оказалось столь же удобно, как под открытым небом. Мария ненавидела ночевки в походах.

Проворочавшись час, она наконец погрузилась в полудрему, но свистящий звук открывающейся двери вновь ее разбудил. Медсестры приходили проверить Рэдфута, мягко ступая и тихо разговаривая. Мария уверила себя, что не обязана их благодарить. Затем снова

окунулась в сладкую тьму дремы, откатилась к стене и почти уснула, как вдруг опять насторожилась.

Кто-то погладил ее по плечу. Теплое утешительное прикосновение.

— Мария? — прошептал на ухо мужской голос. — Я вернулся. Должен был убедиться, что ты в порядке.

Он вернулся? Затуманенный сном мозг тут же выдал образ Хосе. Он бросил ее. Причинил боль. Мария потеряла ребенка и, возможно, способность иметь детей в будущем. А теперь он хочет знать, в порядке ли она? Разве не слишком поздно?!

— Ты проснулась?

Мягкий баритон и нежное прикосновение. Не Хосе. Повернувшись, Мария обняла Мэтта.

От него пахло так привычно. Его мыло всегда отдавало чем-то вроде розмарина и более приземленным ароматом свежескошенной травы. Мария прижалась лицом к плечу Мэтта и впервые за ночь почувствовала: все будет хорошо. Как же приятно находиться в его объятиях! Будто вернуться домой после долгого путешествия. Затем Мария со стыдом вспомнила, что перепугала Мэтта с Хосе, и села. Мэтт опустился рядом и обнял ее за плечи.

— Ты в порядке, — прошептал он. — Слава богу, ничего не случилось.

Мария смахнула волосы с лица:

— Я пыталась тебе дозвониться.

— Прости. Ты меня чертовски напугала, без объяснений бросив трубку. Я сразу же рванул к машине и был уже в часе от Далласа, когда вспомнил, что не взял мобильник. Потом остановился у телефона-автомата, звонил тебе, но ты не ответила.

— Да, не ответила. Я не знала, что это ты.

Мэтт погладил ее по щеке:

— Я так волновался. Ты сказала только, мол, свет погас. А потом прокричала что-то про взлом, и связь оборвалась. Я понятия не имел, что, черт возьми, происходит!

— Со мной все хорошо. Кто-то вломился в офис. Рэдфут его застучал и был ранен. До дома-то он добрался, но прислонился к стене и нажал выключатель. Я запаниковала. Прости, что сразу внятно не объяснила...

Мария прижалась к нему, наслаждаясь каждой секундой, пока не вспомнила, о чем недавно говорила с отцом. Разве она не собиралась перестать поддаваться эмоциям и начать думать? Может, даже задать Мэтту пару вопросов о его командировках в Даллас...

Но он же здесь. И проделал такой путь, только чтобы убедиться, что она не пострадала. Это ведь что-то значит?

— Как там старый лис? — спросил Мэтт.

— Старый лис в порядке! — грубо отозвался Рэдфут с кровати, и Мария зажала рот ладонью, чтобы не захихикать. — А значит, тебе, Мария, пора бы пойти домой.

— Прости. Мы тебя разбудили? — Она встала и подошла к отцу.

— Меня разбудил скрип твоей раскладушки. Я знаю, ты хочешь быть рядом, но мне же лучше, если ты уйдешь.

— Но... — нахмурилась Мария.

— Не «нокай»! Иди домой.

Она вздохнула:

— Ладно. Поговорю с медсестрами, и если они считают, что с тобой все хорошо, то подумаю.

Затем оглянулась на Мэтта и жестом позвала его за собой.

— Нет, — отрезал Рэдфут. — Он остается. Нам нужно поговорить.

Глаза Мэтта расширились.

Мария покачала головой:

— Сейчас не время, Рэдфут.

— А по мне, так самое оно.

Мэтт поднялся и подмигнул:

— Все в порядке. Поговори с медсестрами, а я подойду через минутку.

Мария восхищалась его мужеством. Отец умел нагонять на людей страху. Оставалось надеяться, что Мэтт в курсе: Рэдфут больше лает, чем кусает. Хотя те, кого он все же «покусал», никогда не имели возможности убедиться в обратном.

С другой стороны, если они с Мэттом действительно хотят быть вместе, он должен научиться справляться со стариком. Требовательный, упрямый, Рэдфут все же ее приемный отец, ее семья. А семья священна.

* * *

В горле снова встал ком, но Шала не собиралась плакать.

— Я извинился, — сказал Скай и шагнул вперед.

— Знаю. — Жжение в носу усилилось. Спустя несколько глубоких вдохов Шала смогла добавить: — Я не злюсь.

— Хорошо. — Скай проскользнул в комнату.

Шале почему-то показалось, что он редко просит прощения. Возможно, ему и не за что. Она вспомнила, как после обыска его дома решила, будто Скай совершенен. Ну, почти, за исключением грибка стоп. Взгляд опустился на его ноги, и всплыло еще одно воспоминание — найденная вырезка из газеты. Шала так и сидела, уставившись на мужские ступни, пока ее захлестывала волна сочувствия.

А когда наконец набралась храбрости поднять голову, увидела в глазах Ская отражение собственных эмоций. Взгляд сместился на его грудь — идеальную для того, чтобы к ней прижаться. Шала представила, как он обхватывает ее руками, предлагая утешение и поддержку, и как она делает то же самое в ответ. Осознав, что пялится, Шала вновь опустила глаза на ноги Ская.

— Что-то не так с моей обувью? — спросил он.

— Не-а. Просто на нее смотреть безопаснее.

«О черт. Я это вслух сказала?»

— Безопаснее?

Зазвонил его мобильник. Из разговора Шала поняла, что это тот самый мужчина, которого Скай отправил к себе домой на поиски пистолета.

— Отлично, — сказал Скай в трубку. — Утром я его заберу. Спасибо.

Затем нажал отбой и молча уставился на Шалу. Через минуту тишина стала казаться слишком интимной. К счастью, пришла женщина из страхового отдела.

Вот только вместо того, чтобы говорить с Шалой, она тут же сосредоточилась на Скае:

— Как там дела у твоего приемного отца?

«*Приемного отца?*»

Даже в своем не совсем адекватном состоянии Шала услышала и запомнила этот факт.

Женщина попросила у нее страховую карту, и Скай, указав сначала на поврежденную руку Шалы, а затем на ее сумочку, приподнял бровь. Шала кивнула. Отвечая на вопросы, она наблюдала, как Скай шерстит ее кошелек в поисках полиса, особое внимание уделяя фотографиям. Как ни странно, Шала не возражала, однако чувствовала себя немного странно от его вторжения в ее личный мирок. Хотя, если вспомнить, что сегодня она сама обыскивала дом Ская, все по-честному.

Специалист по страховке ушла, и явился врач:

— Скай? Так и думал, что это ты. Нравится торчать в больнице?

Скай представил Шалу доктору Генри Майклзу.

— Кажется, Рэдфут о вас упоминал, — улыбнулся тот.

— Правда? — удивилась она.

— Ага. — Скай бросил на врача странный взгляд. — Он получил довольно сильный удар по голове. Говорил много глупостей.

— Глупостей обо мне? — Казалось, что проще сосредоточиться на этой беседе, чем на собственной печальной истории, связанной с больницами.

— Обо всем. — Скай все сверлил врача взглядом.

По-прежнему улыбаясь, доктор Майклз взял Шалу за руку:

— Я только что его проверял. Он спит, давление в норме. Думаю, все будет в порядке, и завтра можно домой. — Он мягко убрал полотенце с раны Шалы. — Ого...

Очистив порез и убедившись, что сухожилия не задеты, врач велел медсестре принести иглу и нити. Удивительно, но Шала вдруг поняла, что сможет пережить посещение больницы и не развалиться на кусочки. Конечно, последний опыт усугубило известие о смерти бабушки. Ночь тогда выдалась адская. И Шала была одна.

«*В отличие от сегодня*», — поняла она. Затем взглянула на Ская. Это его присутствие помогло? Он повернул голову и посмотрел на нее своими темными глазами.

— Для начала уберем чувствительность, — сообщил доктор. — Пару минуток будет больно. Готовы?

Шала легла на кушетку и зажмурилась. Игла вошла в кожу, руку пронзила боль. Шала постаралась не вздрогнуть и тут почувствовала, как другую ее ладонь обхватывают и сжимают мужские пальцы. Она едва не отстранилась, но прикосновения Ская оказались такими приятными, такими успокаивающими... «Совсем недолго, чуть-чуть, можно и позволить».

Совсем чуть-чуть.

Рэдфут наблюдал за белым мальчишкой, стоящим у его больничной койки. Затем нажал кнопку, чтобы приподнять матрас, и включил свет. Он уже успел на себя полюбоваться, когда ходил в туалет, так что прекрасно знал, как выглядит: оба глаза подбиты, а один из них еще и кроваво-красный.

Зеленые глаза парня удивленно расширились:

— Ничего себе! Вам, должно быть, хорошенько досталось.

— Да, но я крепкий, — отозвался Рэдфут.

Этот бледнолицый должен знать, что за Марией присматривают. И надерут ему задницу, если посмеет обидеть их черноокого ангелочка. Скай и так это сделает, Хосе — если его попросит кто-нибудь из родни, но Рэдфут планировал сам обо всем позаботиться.

— Мария особенная, — сказал он.

Бледнолицый улыбнулся и нацепил на лицо маску влюбленного идиота:

— Я знаю.

— Слишком особенная для тебя, — зыркнул на него Рэдфут. — Так что лучше, если ты в конце концов пойдешь своей дорогой, если понимаешь, о чем я. Ибо нет ничего хуже, чем вывести из себя индейского папу.

Мэтт и правда сделал шаг назад.

«Хорошо», — подумал Рэдфут.

— Я все сказал. — И снова опустил матрас нажатием кнопки.

— Ну а я нет, сэр. — Мэтт подошел к койке. — Я забочусь о вашей дочери. И рад, что вы затеяли этот разговор, потому что я думаю...

— Да я за твои мысли на сей счет и дерьма собачьего не дам! Мария...

— ...особенная. И я позабочусь о ней, — упрямо вставил Мэтт.

Рэдфуту это не понравилось, но он уважал мужество парнишки. Вот только уважение не сделает его подходящим для Марии. Ее вторая половинка — Хосе.

— Я не совершенен, но...

— Мария заслуживает совершенства. А не непонятого парня, который каждые вторые выходные проводит в Далласе, занимаясь черт знает чем! А увидев промелькнувшую в твоих глазах вину, я бы сказал, что Бог не хочет знать, что ты там вытворяешь в своем Далласе.

— Сэр, я...

В дверях появилась Мария. Скользнула взглядом с отца на Мэтта, затем обратно, и сказала:

— Мы можем идти.

Рэдфут знал, что дочь не в восторге от его беседы с ее ухажером. Но она также была не в восторге, когда ее семнадцатилетнюю он заставлял возвращаться домой не позднее полуночи. Или когда запретил ей носить тот малюсенький купальник, что так нравился парням. Таков закон: иногда отцам приходится совершать то, что дочерей не особо радует.

Хосе оттолкнул от лица подушку безопасности и еще минут пять сидел неподвижно, пытаясь прочувствовать и оценить каждое болезненное ощущение, которое испытывал. Во рту появился привкус крови, и пострадавший был практически уверен, что это натекло из раны на голове.

Подняв руки и радуясь, что может шевелиться без особых мучений, Хосе ощупал свой череп. Судя по всему, ранка небольшая, а вот шишка здоровенная. Зато Хосе не лишился сознания. Голова не кружилась. Вероятно, сотрясения нет. Он подвигал другими конечностями — вроде ничего не сломано.

— Чертовски повезло, — пробормотал он, прекрасно понимая, что метров на пять пролетел вглубь леса.

Хосе открыл дверцу. Машина накренилась влево.

Все еще ошеломленный, он выкатился наружу и приземлился в густую растительность. Тут же вскочил на четвереньки и замер так на секунду, убеждаясь, что ни спина, ни шея не пострадали. Никаких новых болевых ощущений.

И вот тогда-то Хосе и почувствовал это: острое жжение в лодыжках. Огонь, вползающий под штанины и поднимающийся вверх.

— Дерьмо!

Больше книг на сайте — Knigolub.net

Он знал эту боль. Вскочив, Хосе скинул обувь и принялся молотить себя по ногам. Настоящая удача — после чертовой автокатастрофы свалиться прямиком на домик долбанных огненных муравьев.

Хосе побежал, останавливаясь каждые несколько шагов, чтобы хлопнуть себя по икрам и помешать муравьям пробраться выше — муравьям, которые как раз в это самое время впрыскивали в его кожу болезненный яд. Жжение добралось до бедер. Мелкие засранцы с невероятной скоростью прощмыгивали в труднодоступные места. Не желая отдавать на съедение свою промежность, Хосе начал стаскивать джинсы. Вот только запутался в штанинах и грохнулся. Сильно. Лицом точнехонько в куст шиповника. К счастью, колючки не угодили в глаза, но носу повезло меньше.

Из зарослей прямо перед ним послышался слабый шорох.

Хосе приподнялся на локтях и уткнулся взглядом в пару глазок-бусинок. За долю секунды животное развернулось на сто восемьдесят градусов. Хосе признал черно-белую расцветку, вскрикнул и откатился в сторону, приземлившись на спину. Но было слишком, мать его, поздно. Скунс выпустил струю и оказался весьма меток. Борясь с приступом тошноты, Хосе закрыл глаза, а когда снова открыл их, увидел городскую водонапорную башню, точно маяк освещающую небо. На ней красовались огромные фиолетовые буквы:

ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ В СОВЕРШЕНСТВО

Хосе уронил голову обратно в грязь. Из носа торчат шипы, голова кровоточит после того, что вполне могло оказаться ДТП со смертельным исходом, штаны болтаются в районе коленей, стадо огненных муравьев весело пожевывает его яйца, а к горлу подкатывает рвота от запаха скусна. Хосе снова посмотрел на водонапорную башню и проклокотал:

— Хорошо быть дома.

Скай изучал пристроившуюся на пассажирском сидении Шалу: голова откинута, глаза закрыты. Он точно не знал, спит ли она, но почти в этом не сомневался. У мисс Уинтерс выдался адский денек. В больнице ей дали таблетку обезболивающего, чтобы помочь уснуть.

Еще раньше Шала говорила, мол, проголодалась, так что перед уходом из больницы Скай засунул в торговый автомат десять баксов, купив чипсы, сырные крекеры, шоколадку и пачку печенья. С крекерами Шала разделалась прежде, чем они добрались до грузовика. Скай вспомнил пса, отобравшего в парке ее обед, и задумался, ела ли она сегодня вообще. Омлет она не тронула. Жаль, что до ближайшей круглосуточной закуской от отеля целый час езды.

Чувствуя посасывание в желудке, Скай открыл и съел «Сникерс», глянул на Шалу и тронулся. На самом деле он больше смотрел на пассажирку, чем на дорогу, и в результате едва не пропустил один из двух имеющихся в городе знаков «Стоп». Но, черт, Шала выглядела так мило. Скай боролся с желанием придвинуться поближе и погладить ее по щеке. А затем отвезти упряму к себе домой и убедить остаться там. Если она захочет, он ляжет спать на диване. Хотя другой вариант, безусловно, гораздо веселее.

Но Скай не сомневался, что Шала не в настроении веселиться. Женщинам не нравятся парни, для которых двадцать шесть стежков — не помеха сексу. Особенно первому сексу. Мужчина же, даже потеряв ногу, все еще будет готов к любым «первым разам». А если опыт удастся, то можно и повторить.

Осознав, что подобные мысли взволновали его больше, чем хотелось, Скай поправил джинсы в паху и попытался загнать подальше неуместное желание. Но взгляд снова и снова возвращался к Шале — спящей, теплой, нежной и такой чертовски притягательной, что Скай решил: может, не так уж страшно дать слабину. Сейчас — он взглянул на часы на приборной панели — два ночи, а рядом спит женщина, которая горячее самого солнца. Учитывая, что у Ская не было секса несколько месяцев, он заслужил поблажку. Шала ведь тоже сочла его привлекательным. Разве это не хороший знак? Но в голове вновь зазвучал голос, предупреждая, что Скай играет с огнем. И беспокоила его не только ерунда о вторых половинках, о которой талдычил Рэдфут, но и то, как легко и быстро Шала забралась ему под кожу.

Раздался звонок. Шала резко распахнула глаза и села, растерянно оглядываясь. Скай коснулся ее плеча и схватил свой сотовый:

— Всего лишь мой телефон.

Затем опять посмотрел на часы. Кто будет звонить в такое время? Перед уходом из больницы Скай поговорил с медсестрой, так что дело вряд ли в Рэдфуте.

— Проклятье.

Судя по номеру, это Марта из службы спасения.

В одном ботинке, с тянущимся по пятам шлейфом зловония, кровоточащим лбом и горящими от муравьиных укусов ногами, Хосе таки преодолел полторы мили до дома Рэдфута. Позвонил в дверь и принялся молиться.

Никто не ответил. Слава Богу и Аллилуйя! Как Хосе и надеялся, Мария осталась в больнице. Спустившись с крыльца, он поднял лежащий в цветнике искусственный камень и вынул из углубления запасной ключ, который прятали здесь вот уже шестнадцать лет. Мамина идея.

Господи, как же Хосе скучал по матери! Она была единственным островком нормальности среди местного океана безумия.

Войдя в дом, Хосе направился напрямиком на кухню, надеясь, что в отцовском баре есть, чем поживиться. Он отодвинул «Джека Дэниелса», текилу и бутылку дорогого виски и возблагодарил небеса, заметив томатный сок. Но было только две бутылки — недостаточно, чтобы избавиться от запаха скунса.

Черт. Хосе уже закрывал дверцу, но секунду поразмыслил, схватил виски и, отвинтив крышку и швырнув ее в другой конец комнаты, сделал большой глоток. Жжение в горле и рядом не стояло с тем, что творилось с его яйцами.

Доковыляв до главной ванной комнаты, Хосе замер и уставился на душевую. Ему нужна нормальная ванна! Нужно буквально замочить себя в соке, чтобы избавиться от этой вони. Развернувшись, Хосе направился туда, где необходимое имелось: в ванную Марии.

Стоило шагнуть в ее спальню, как взгляд сразу приковала постель, где они столько раз занимались любовью. Как это было прекрасно. Улыбка почти стерла угрюмое выражение с лица Хосе, как вдруг он увидел любовные романы на тумбочке. Ничего не меняется.

Он шагнул в ванную, снял одежду, сунул ее в пластиковый пакет, стоявший в мусорном ведре, и завязал узел. Хосе очень надеялся, что в доме найдется что-нибудь из его старых вещей, иначе придется возвращаться за машиной в розовом женском халатике, что висит на двери.

«И как искупаться в двух жалких бутылках сока?» Хосе нуждался в большем. Внезапно он вспомнил, что слышал о еще одном способе нейтрализовать запах скунса: женское средство для спринцевания. Что-то там с уксусом и освежителем. Хосе в отчаянии уставился на шкафчик. Мария регулярно использовала спринцовку после секса. Каковы шансы, что у нее и теперь есть все необходимое? Она занимается сексом? Даже зная, что это поможет избавиться от вони, Хосе все равно чертовски надеялся, что не найдет у Марии ничего подобного.

Он открыл первый шкафчик и улыбнулся, обнаружив только тампоны и косметичку. А вот когда открыл второй — улыбка увяла, и пришлось глотнуть виски. Там, выстроившись в ряд, словно солдаты в ожидании битвы, стояли шесть спринцовок «Summer's Eve», аромат «Сладкий роман». Но повод для настоящего потрясения был задвинут к стенке: пачка из тридцати шести экстра-больших ребристых презервативов с запахом клубники.

«Экстра-большие? Кто этот ублюдок?!» Хосе мысленно перебрал всех местных мужчин, по его мнению, подходивших на данную роль. Не больше шести возможных кандидатов. И тут в голову пришла безумная мысль... Скай? Нет, Скай бы не стал. Он же

сводный брат Марии.

— Как и ты, идиот!

Хосе сделал два больших глотка виски, глянул на свое отражение в зеркале и выпил еще. *«Ну просто гребанный красавчик»*. Опершись на раковину, он коснулся испещренной кровавыми прожилками шишки на голове. Больно! Под глазами синяки-полумесяцы, а из носа и щек торчит по крайней мере полдюжины шипов. Хосе попытался вытащить один, но, кажется, только вогнал его еще глубже. Нужен пинцет.

Хосе начал было его искать, и тут же вспомнил, что важнее избавиться от вони. Схватив все шесть спринцовок, он бросил их рядом с ванной, туда же поставил виски, после чего воткнул в ванну пробку и затащил внутрь свой голый зад.

Затем открыл сок и по очереди вылил на себя обе бутылки, втирая жижу в кожу головы. Хосе не знал, исчезает запах или нет, но очень жалел, что под рукой нет рюмки водки, сельдерея и лайма. Он потянулся за спринцовкой, но нащупал бутылку виски. Тоже неплохо.

После двух внушительных глотков, Хосе откинулся на бортик ванны и вновь задумался о Марии. Серьезны ли ее отношения? Дерьмо! Он ведь даже еще не определился действительно ли хочет что-то исправлять, но, безусловно, хотелось бы иметь выбор. Осознав, насколько эгоцентрично это звучит, Хосе сделал очередной большой глоток. Алкоголь бежал по венам, приглушая боль от огненных укусов на ногах и причиндалах, так что он выпил еще.

Затем вспомнил о главной цели, взял одну из спринцовок и выдавил себе на грудь ароматную жидкость. Пахло и правда весьма приятно, и Хосе потянулся за второй порцией. Вот тогда-то дверь распахнулась, и на пороге появились Мария и какой-то белый парень с песочными волосами — очевидно, владелец экстра-больших ребристых презервативов. Оба застыли, пялясь на голозадного гостя, отмокавшего в сантиметровом слое томатного сока, опрыскиваясь из душистой спринцовки одной рукой и сжимая бутылку «Джека» в другой. Да, еще не забудьте про шипы в носу и черные глаза.

Судя по уборочному инвентарю, вскинутому над головами новоприбывших, они ожидали увидеть бешеного скунса, а не голого мужика. Мария уронила швабру, а вот бледнолицый по-прежнему крепко держался за веник. Хосе вновь приложился к бутылке.

«Добро пожаловать в гребанное Совершенство», — подумал он.

* * *

Скай стоял на гостиничной парковке в двух шагах от Шалы, которая разглядывала разбитые окна своей «Хонды», и ждал, что она вот-вот разрыдается. Не то чтобы он считал ее слабой или плаксивый, но Шала уже была на грани, и что угодно могло стать последней каплей.

Жена Сэла, Джесси, увидела, что случилось с машиной, и позвонила в девять-один-один. А Марта позвонила Скаю. Сэл же теперь стоял в отдалении, будто боялся, что Шала набросится на него, мол, как он позволил такому случиться в своем отеле. Кто ж знал, что Сэл такой трус.

— Ты как? — спросил Скай у Шалы.

Та продолжала пялиться на машину, прижав руки к груди. Затем медленно перевела взгляд на Ская:

— Того, кто назвал этот город Совершенством, нужно кастрировать к чертям собачьим.

Возможно, повлияло голубое пламя в ее глазах, или же эмоции, которые Шала вложила в это «к чертям собачьим», а может — и вероятнее всего, — дело в слове «кастрировать», но Скай вдруг подумал, что у Сэла были веские причины для осторожности.

Шала шагнула к Скаю, и ему потребовалось все его мужество, дабы не отступить. Если бы взгляды могли убивать, сомнительно, что после такого осталось бы достаточно частей тела для опознания шефа Гомеса.

— Я хочу, чтобы сотворивший это урод заплатил! — отчеканила Шала. — Хочу, чтобы его поймали. Бросили за решетку. И кастрировали вместе с тем, кто придумал название этого города!

Определенно, все дело в слове «кастрировать».

Развернувшись, Шала ринулась к отелю, и, хоть это и казалось не самой умной затеей, Скай ее догнал.

— Шала, мы должны...

Она остановилась так резко, что ее кроссовки, кажется, оставили дымящийся след на асфальте. Затем обернулась к Скаю, по-прежнему крепко прижимая к себе руки. Больно, наверное, учитывая швы на ладони, но, видимо, только это и помогало ей держаться. Будто, перестав себя обнимать, Шала развалится.

— Слушай... — начал Скай.

— Нет, это ты слушай. Два ночи. Сегодня у меня украли камеру, разгромили мой номер и машину, меня преследовали, чуть не убили, и некто, считающий себя Траволтой, таскал меня по танцполу в местечке под названием «Напуканный цыпленок». И — о, да! — мою ногу пыталась изнасиловать псина, ранее сожравшая мой гамбургер. — Она глубоко вдохнула. — На случай, если ты еще не понял, к чему я, поясню: с меня хватит! Прямо сейчас я ничего не желаю слышать. Завтра, когда ты вернешь мне камеру — а ты ее вернешь, — я заполню отчет, или напишу заявление, или что там нужно сделать, чтобы этот ублюдок получил по заслугам. Но сейчас... сейчас я иду спать.

Развернувшись на пятках, Шала рванула вверх по лестнице, а Скай остался смотреть ей вслед. Да, он только что лицезрел разъяренную женщину, но также сумел разглядеть в ней уязвимую маленькую девочку, отчаянно нуждающуюся в ком-нибудь. И, проклятье, как же ему хотелось быть этим самым «кем-нибудь». Не навсегда, конечно — Скай просто не годился для долгих отношений, — но, возможно, на более продолжительный срок, чем обычно.

Он направился к Сэлу, но не успел и рта раскрыть, как друг начал первым:

— Видел? Именно об этом я говорил! Seriously, мужик, даже слабенький ПМС превратит эту женщину в Лорену Боббит! ^[2]

— Черт, ей просто нужна передышка, — огрызнулся Скай. — День для нее выдался тяжелый. Очень тяжелый.

С минуту Сэл изучал его лицо:

— Будь я проклят... Рэдфут оказался прав. Ты уже в нее влюблен.

— Твою мать, Сэл! — прорычал Скай. — Прекрати!

Друг покачал головой:

— Все, все, замолкаю. Каждый знает, что если встретились две половинки, не дай бог

какому-нибудь бедняге встать между ними. Забудь все плохое, что я о ней сказал. Действуй! Как я и говорил раньше: она горячая, хоть и ходячее наказание.

— Не мог бы ты...

Сэл расхохотался:

— Если с ней кто-то и сможет справиться, так это тот, кто всегда собран и готов к бою.

То есть ты, мужик. Только не ждите от нас приглашения на воскресный ужин.

Скай стиснул зубы:

— Закрой. Рот.

— Не, ну просто если ты любишь ее так, как я люблю Джесси, я все понимаю, чувак.

Считай, что получил мое благословение.

Скай тряхнул головой, проясняя мысли.

— Что здесь произошло? Ты разглядел того, кто это сделал?

Он чуть не спросил о роде деятельности друга, но вспомнил, что знает ответ. Сэл и Джесси владели небольшим отелем, доходы от которого едва покрывали счета за электричество. Еще Сэл управлял фирмой по уборке помещений и приторговывал на «eBay».

— Я же все рассказал по телефону.

— По телефону ты нес какую-то чушь, — зарычал Скай.

— Ладно, возможно, я был в легком шоке. Этот мудака меня чуть не прикончил! — Сэл помолчал. — Мне позвонил какой-то парень, спросил, в каком номере остановилась Шала Уинтерс.

— Ты же ему не сказал?

— Нет. Я такую информацию не разглашаю, если... ладно, считай, вообще не разглашаю. В общем, я услышал за окном шум поезда и понял, что и в трубке его слышу. Не спрашивай, как, я просто почувствовал, что парень звонит отсюда. Вышел на улицу и увидел этого засранца с телефоном, стоящего возле машины твоей цыпочки. Стекла были разбиты. Я закричал и ринулся к нему, а он прыгнул в заведенную тачку и...

— Что за тачка? — спросил Скай, хотя, кажется, уже знал ответ.

— Темный седан. Я надеялся разглядеть номер, но, черт, ублюдок направил машину прямо на меня и выжал полный газ! Клянусь, его бампер поцеловал мой зад, пока я взбирался вон на то дерево. — Сэл указал на дуб с низко свисающими ветвями. — Мы, наверное, действительно произошли от обезьян. Я вскарабкался туда на уровне инстинктов, а ведь с детства таким не занимался. — Друг наклонился ближе и добавил: — Никому не говори, но мне пришлось сменить подштанники.

Скай посмотрел на комнату Шалы. Свет в окнах еще горел. Сомнительно, что она впустит его в такой час. Конечно, Скаю это не помешает... Тот, кто охотился за камерой, уже пошел на крайние меры и вряд ли собирался останавливаться на достигнутом. А Скай не собирался позволять ублюдку вновь подобраться к Шале.

— Сделай мне одолжение, Сэл. Дай ключ от ее номера и принеси камеру.

— Ключ? Ты уверен? После всех этих разговоров о кастрации? Я бы дал ей чуток поостыть.

— Просто тащи ключ!

Глава 13

Мария расхаживала из угла в угол, чувствуя, как вопросы, переживания и эмоции раздирают ее изнутри.

— Успокойся, — сказал Мэтт.

— Успокоиться?! Мой дом провонял скунсом, а этот... он просто невыносим! Ему нужно к врачу. Его приложило не меньше, чем Рэдфута. Ты же видел эти фингалы!

— Жаль, это не единственное, что я видел, — рассмеялся Мэтт.

— Ничего смешного!

Он стер с лица улыбку:

— Мария, ты не можешь силком отправить его к врачу.

— Он такой же, как Рэдфут: упрямый, твердолобый и...

— Для него это в порядке вещей?

— Что именно? — Мысли и сердце Марии замерли.

— Напиваться, — пояснил Мэтт.

— Что? Из-за того, что он коренной американец, ты полагаешь, будто...

— Нет. — Он вскинул руки и отступил. — Я такого не говорил.

— Но подразумевал! — обвиняюще воскликнула Мария.

— Нет, не подразумевал. Просто спросил, потому что прямо сейчас парень пьян вдрызг. — Мэтт внимательно ее оглядел. — В чем дело? Слишком острая реакция.

Мария покачала головой, разрываясь на части. Она вспомнила свой разговор с Рэдфутом. И что собиралась спросить Мэтта о его выходных в Далласе. А еще, как хорошо было в его объятиях там, в больнице. И на вершине всех этих воспоминаний — необходимость разбираться с Хосе. С Хосе, который не знает о ее беременности и выкидыше. И с Мэттом, который не знает о Хосе и о том, что Мария, вероятно, бесплодна.

— Знаешь, тебе, наверное, лучше уйти.

— Уйти? — Мэтт нахмурился. — Ты же сама просила остаться.

— Это просто... неловко.

— Почему мне кажется, что под неловкостью ты подразумеваешь нечто большее, чем просто своего воняющего как скунс брата, который в данный момент пьяный и голый в твоей ванной опрыскивает себя из твоей спринцовки?

На языке вертелись оправдания, но Мария не могла лгать, ведь рано или поздно придется все ему рассказать. Но не сегодня. Не тогда, когда она еще не поняла, что твердит ей сердце. Нужно подумать, прежде чем открывать рот. И нужно, чтобы Хосе был как можно дальше, когда она решит признаться.

— Почему ты молчишь?

— Не молчу, нам нужно поговорить. Я... должна тебе кое в чем признаться, но не сейчас.

— Признаться? О чем ты? — Мэтт глянул в сторону ее комнаты. — Знаешь, тебе действительно лучше все объяснить, потому что прямо сейчас у меня возникает много мыслей, и ни одна из них мне не нравится.

— Прошу, давай обсудим все позже.

Он провел рукой по волосам:

— Я торопился к тебе как идиот, а теперь ты отсылаешь меня, будто какого-то... Это

ведь не твой брат, да? Кто в твоей спальне, Мария?

Терпение Марии лопнуло:

— А что у тебя в Далласе? Или кто? Кого ты там оставил?

Мэтт стоял как громом пораженный. А эта эмоция — о боже, это что, вина? Выражение его лица только подтвердило то, что Мария и так подозревала в глубине души.

На глаза навернулись слезы.

— Так это правда?

— Я не понимаю, что ты имеешь в виду, — произнес Мэтт, но голос его выдал.

— То же, что и ты.

Мэтт тряхнул головой:

— Кто он?

— Хосе. Между нами нет кровного родства. Но он сын Рэдфута.

— Ты хочешь сказать, что...

— Уходи! — приказала Мария.

И он послушался.

Да, она сама попросила его уйти — буквально прогнала, — но когда дверь за Мэттом захлопнулась, Мария почувствовала, как внутри что-то екнуло. Боль затопила грудь, а искореженное сердце сжалось и умерло. «*Боже, что я натворила?*»

— Кажется, я тебя люблю, — призналась Мария закрытой двери.

Затем шагнула вперед, надеясь остановить Мэтта, но прежде, чем добралась до выхода, услышала, как шины его автомобиля зашуршали по гравиию.

Мария рванула к телефону, собираясь позвонить Мэтту, вернуть его. И вспомнила про Даллас. Она опустилась на диван и позволила себе просто немного посидеть. Душа болела почти так же сильно, как тогда, в пятнадцать лет, когда Мария наблюдала за матерью, упаковывающей чемоданы, чтобы насовсем укатить в Вегас со своим новым любовником.

Мария вспомнила выражение глаз Мэтта, когда она спросила про Даллас... Господи, почему же так больно? Конечно, так и должно быть. Разве раньше было не так же? Когда сбежала мать. Когда уехал Хосе. С чего она решила, что пережить уход Мэтта окажется проще? И, проклятье, неужели ожидала, будто все закончится как-то иначе?

«Ожидала, потому что веришь в сказки».

Больше нет. Хватит. Нужно выбросить все любовные романы до единого.

— Неважно выглядишь, — произнес низкий голос.

Вскинув голову, Мария увидела перед собой Хосе, все еще сжимавшего в руке бутылку виски.

— Кто бы говорил. Ты же в стельку пьяный.

— Не-а. Не пьяный. Я над этим работаю, но кондиции еще не достиг.

— Серьезно? Тогда какого черта на тебе мой халат?

Хосе глянул вниз на розовую махровую ткань и рассмеялся:

— Ну, может, я и пьян. — Затем осмотрелся и прошептал: — Мсье ле Кондом еще здесь?

Мария нахмурилась:

— Тебе нужно к врачу.

— Не дождетесь, — заявил Хосе с вызовом.

И одарил ее той самой усмешкой плохого парня, которую Мария так хорошо помнила. Той, которую он растрачивал на других женщин, когда Мария была совсем юной. И от

которой она чуть не лишилась чувств, когда Хосе наконец направил свое обаяние на нее саму. Хотя с такой потрепанной физиономией эффект получился несколько иным.

Хосе шагнул ближе. Мария отклонилась назад. Он по-прежнему вонял скунсом — а значит, и ее халат тоже.

Хосе пошевелил бровями:

— Почему бы тебе меня не приголубить?

— Почему бы тебе не отправиться в ад! — Мария вскочила с дивана.

— Уже, — услышала она за спиной, выбегая из комнаты. — Я в Совершенстве. И единственное, что здесь есть совершенного, — это ты.

Мария зашла в свою спальню и захлопнула дверь.

* * *

— Шала?

Услышав за дверью голос Ская, Шала закатила глаза. Она как раз натянула майку, но тут заметила на ней кровь и направилась к чемодану за чистой пижамой.

— Уходи!

— Не могу.

Наверное, если его игнорировать, он исчезнет. Переодевшись, Шала подошла к кровати, но, едва откинула покрывало, услышала, как открывается дверь. А когда обернулась, поняла, что забыла запереться на цепочку. *«Тупица! Тебя преследует какой-то псих, а ты даже не потрудились принять меры предосторожности!»* Глупо. Очень глупо.

В комнату шагнул Скай. Шала прекратила злиться на себя и переключилась на него:

— Ты не имеешь права вот так врывать в мой номер!

— Я решил, что должен остаться здесь на случай, если этот парень вернется.

Шала помотала головой:

— Я смертельно устала и собираюсь спать. Ты не можешь остаться.

— Кресло на вид весьма удобное, — оглядевшись, заявил Скай. — Ты даже не заметишь, что я здесь.

Она на секунду зажмурилась. Боже, как же хочется спать! Наверное, это все таблетка, которую дал ей врач. Распахнув глаза, Шала уставилась на гостя:

— Я могу о себе позаботиться.

— Ты даже не закрыла дверь на цепочку.

— Как только уйдешь, сразу же закрою. Можешь постоять снаружи и послушать.

— Это не остановит того, кто действительно пожелает войти.

— Так чего ж ты меня этой цепочкой попрекаешь? — огрызнулась Шала.

— Пытаюсь дать понять, что ты не в состоянии о себе позаботиться.

Она знала, что он прав, но...

— А ты не можешь остановиться в соседнем номере?

— Здесь мне будет удобней.

— А мне нет. Будь это любой другой город, я бы набрала девять-один-один, и тебя бы арестовали.

— Ты уже пробовала, забыла?

Шала рухнула на кровать, прижав руки к матрасу. В заштопанной ладони вспыхнула боль. Скай уселся в кресло, подтащил еще одно к себе поближе и закинул на него ноги.

— Наверное, я попрошу у тебя подушку.

Шала повернула голову:

— Ты серьезно?

— Абсолютно. — Он помолчал. — Просто ложись спать. Но чур не храпеть.

Несмотря на измотанность, Шала заметила его жаркий взгляд, ощутила, как внутри пробуждается желание, и... бросила в Ская подушку.

Тот ее поймал и сунул за голову, не отрывая глаз от Шалы — она это всей кожей чувствовала. Взгляд его скользнул ниже, к ее ногам, и она вспомнила, как ранее Скай их нахваливал. Шала посмотрела на свои ступни, порадовавшись, что перед приездом в Совершенство сделала педикюр. Поймав себя на этой мысли, она вдруг заметила рядом с кроватью свою сумочку и, перекатившись, потянулась за ней. Зарылась в недра левой рукой, схватила искомое и вытянула наружу.

— Клянусь богом, хоть одно телодвижение в мою сторону, и я воспользуюсь газовым баллончиком. — Шала поставила сумку и баллончик на прикроватную тумбочку.

— Я запомню. — Скай поерзал в кресле, откинул голову назад и уставился в потолок.

Выключив свет, Шала вытянулась на постели. Затем откатилась на самый край, подальше от гостя. Закрыв глаза, она слушала, как он возится, встает, вытаскивает что-то из карманов и садится обратно, скрипнув креслом.

Позже, плясь в потолок, Шала слушала дыхание Ская. Стоило признать: в компании она чувствовала себя гораздо лучше. События дня прокручивались в голове, а сердце билось, будто барабаны на пау-вау. Шала вспомнила, как впервые увидела Ская — танцующим под ритм музыки. А потом — как он держал ее за руку, пока врач накладывал швы.

— Спасибо, — сказала она в темноту.

— Пожалуйста.

— Я имею в виду твою поддержку в больнице.

— Я понял, — мягко отозвался Скай. А через минуту позвал: — Шала?

Она снова открыла глаза:

— Да?

— Соболезную насчет родителей.

«И я тебе», — едва не сорвалось с языка. Но Шала вроде как не должна такого знать.

— Спасибо.

* * *

Скай все глядел в потолок, мысленно пролистывая изображения, которые видел на камере Шалы. Она проделала отличную работу, снимая город. Голубые Глаза оказалась чертовски хорошим фотографом. Впрочем, Скай и так это знал — по ее сайту.

Он не мог вспомнить ни одного снимка, за который стоило убить. И все же чутье подсказывало, что все дело именно в этом. Завтра он достанет камеру из сейфа, куда Сэл

снова ее спрятал, и еще раз прошерстит фото. Еще нужно забрать у Лукаса пистолет, проверить серийник и снять отпечатки.

Скай услышал шевеление на кровати. Он сел, уперся локтями в колени и уставился на Шалу. Она надела другою пижаму, но в том же стиле. Светлые волосы разметались по подушке. Шала лежала на боку, и мягкий изгиб ее талии прямо-таки призывал обхватить его руками.

Судя по дыханию, Шала спала. Скай откинулся на спинку кресла и отвернулся, пытаясь пристроить подушку под шею. Боже, наверное, он уже слишком стар — было время, когда Скай мог спать стоя. А может, уснуть ему мешает вовсе не поза. Он глубоко вдохнул. Нежный аромат женского лосьона заполнил легкие.

Скай повернул голову и снова посмотрел на Шалу. Она казалась такой маленькой в этой кровати; было трудно не представлять ее рядом с собой. Под собой. На себе. Тело отреагировало моментально — джинсы в промежности будто сели, и яйцам стало чертовски тесно. Он потянул за внутренние швы на джинсах и расстегнул пару пуговиц на рубашке. Затем встал и стянул ее, бормоча под нос проклятья. И прежде, чем осознал, что делает, привычка спать голышом взяла верх — Скай расстегнул молнию. Замер, посмотрел на Шалу. Она, казалось, чувствовала себя при нем весьма комфортно в пижамных шортиках. *«Черт, ну хотя бы от штанов-то я могу избавиться!»* Она, наверное, даже не узнает. Скай поставил будильник на телефоне, собираясь уйти в шесть. Он проснется и примет благопристойный вид до того, как Шала откроет глаза.

А дальше что? В одиночестве она будет в безопасности? А вдруг урод, который ранил Рэдфуга и чуть не задавил Сэла, вернется?

Бросив джинсы рядом с креслом, Скай вспомнил, что утром надо забрать Хосе из аэропорта. Получится ли убедить Шалу поехать с ним? А затем убедить ее остаться в Совершенстве, пока преступник не найден? Она что-то там говорила об утреннем отъезде вместе с камерой.

Интересно, Шала уедет без «Никона»? Если не отдавать ей оборудование — значит, удержать упрямыцу в городе, Скай так и поступит. Но что, если она решит сбежать без камеры? Если преследователь — кем бы он ни был — отправится за ней? Она выглядела такой одинокой, заходя в больницу этой ночью. И позже, исчезая в своем номере. Одна — Шала легкая добыча. Так или иначе Скай должен оставаться рядом, защищать ее.

Он снова сел и смежил веки, собираясь спать, но тело жаждало принять горизонтальное положение. Почти час спустя Скай наконец повернул голову и уставился на бессознательную женщину. Она занимала несколько несчастных сантиметров на огромном двуспальном ложе, а Скай так нуждался в отдыхе...

Обнаружив причудливые цилиндрические подушки, которые Шала отбросила к стене, он соорудил из них барьер посреди кровати.

Если Шала рассердится... утром Скай со всем разберется. После того, как поспит хотя бы пару часов.

Что-то мешало на подсознательном уровне, и физически тоже — прижимаясь к Шале сзади. Она подвинулась ближе к теплому телу в поисках безопасности и уюта. Затем завела руку за спину и коснулась кожи. Рядом с бедром что-то шевельнулось, и не до конца проснувшийся мозг наконец заработал: это походило на... На то, чего Шала не чувствовала долгое-долгое время.

— Убери от меня эту штуковину!

Она вскочила, отползая на край матраса. Скай Гомес резко сел и уставился на нее расфокусированными глазами. Потом перевел взгляд на дверь, будто в номер кто-то ломился.

— Что такое? — Скай потер лицо ладонью.

Вот тогда Шала заметила, что помимо отсутствия рубашки на нем еще и штанов не было — только трусы. А из прорези торчал его лысый дружок! Член решил позабавиться и стоял по стойке смирно. Именно он «стучался» в шорты Шалы, решив, что там-то и прячется идеальное место для игрищ.

— В чем дело? — ошеломленно переспросил Скай.

— В этом! — Шала указала на его промежность.

Скай посмотрел вниз, и пока он хватал одеяло, чтобы прикрыться, Шала ринулась через кровать, с грохотом прыгнула на пол и попыталась вооружиться газовым баллончиком, но, к сожалению, врезалась в тумбочку. Баллончик, пистолет и еще какие-то вещи полетели на пол. Опустившись на колени, Шала схватила баллончик раненой рукой и направила на гостя.

— Ух ты! — Он вытянул руку и слез с кровати с другой стороны, не забыв убедиться, что прикрыл все необходимое. Затем посмотрел вниз на Шалу. — Я ничего такого не пытался. Клянусь!

— Ты залез в постель!

— Ага... ну, кресло оказалось не таким уж удобным. — Скай указал на кровать: — Это гигантская двуспальная койка, а ты не занимала и пятой ее части.

Шала нахмурилась еще сильнее.

— И... вот, смотри! — Он порылся на скомканной постели и достал одну из продолговатых подушек. — Я даже стенку выстроил. — А когда она лишь подняла руку с баллончиком повыше, Скай сдвинул брови и заметил: — Если что, я оставался на своей стороне. Это ты прорвалась сквозь баррикады.

— У тебя не было своей стороны!

— Я придерживаюсь версии, что не пытался... хм, ничего предпринять. Так что просто опусти эту штуку.

Шала нервно стиснула баллончик.

— Черт, Шала, могу я по крайней мере выпить кофе, прежде чем получу заряд газа в лицо? Убери его. Пожалуйста.

— Ты снял штаны.

— Не мог же я спать в них. Но я ничего не делал.

— А выглядит иначе. — Она кивнула на вздыбленное одеяло у него между ног.

Скай поднял колено, пряча улики.

— Это утро. Такое случается. Кроме того, я одет так же, как ты. Минус рубашка.

— Ну я-то удержала части своего тела под одеждой.

Первоначальный шок понемногу сходил на нет. Шала вспомнила, как проваливаясь в сон, думала, какой же Скай порядочный. А еще, как прижалась к нему, едва проснувшись.

Утренний туман рассеялся, и Шала поняла, что Скай говорит правду. Он не пытался ничего предпринять. Значит, нет оснований тыкать в него баллончиком. Не то чтобы она собиралась тут же в этом признаться. Еще нет.

— Ты вернешь мне камеру? — спросила она, поднимая руку повыше. — Стоит это обсудить.

— Проклятье, поставь его, — проворчал Скай.

— Обещай, что отдашь камеру.

— Я не даю обещаний, которые не могу исполнить. Но если ты в меня брызнешь, клянусь, я...

— Ты что? Снова выпустишь на волю своего лысого дружка?

— Убери баллончик.

Шала сдвинулась и задела что-то коленом. Что-то покатилося по полу. Посмотрев вниз, она увидела пузырек с таблетками. Глаза Шалы округлились. Она схватила пузырек и... Да, написано именно то, что она подозревала.

Шала кивнула на этикетку:

— Если эта проблемка длится больше четырех часов, тебе необходимо обратиться к врачу. — И бросила таблетки Скаю.

— Что ты имеешь... — Он глянул на пузырек и побледнел. — О, дьявол, нет! — крикнул, когда Шала попятилась в ванную. — Это не мое!

Она захлопнула дверь и щелкнула замком. Затем оцепенело уставилась на себя в зеркало. Лицо красное, зрачки расширены. Шала ясно вспомнила тот краткий момент в полудреме, когда почувствовала прижимавшегося к ней Ская и хотела поддаться желаниям своего тела, ответить тому, что упиралось ей в шорты, позволить ему все, что угодно.

Обнаружив на полке свой забытый в ванной мобильник, Шала взяла его и увидела сообщение на голосовой почте. Лилиан, ее соседка. С чего она вдруг позвонила?

«Привет, Шала. Ненавижу приносить дурные вести, но я сегодня проходила мимо твоего дома и увидела, что переднее окно разбито. Я позвонила в полицию, и они сказали, мол, это, скорее всего, был грабитель. Его, наверное, спугнули, так как единственное, до чего он, судя по всему, добрался, это твой компьютер».

Шала стиснула зубы:

— Только компьютер?

Ее имущество застраховано, но что же за дерьмовая неделька выдалась? Вселенная пытается ей что-то сказать? Что такого она сделала?

Вспомнив, зачем сюда пришла, Шала стянула шорты и уселась на унитаз. Вот только сидушки на нем не оказалось. Она плюхнулась голым задом прямо на фарфор, покрытый холодными каплями воды. Если это вообще вода. Кто, черт возьми, знал, что можно покраснеть еще сильнее?

Кипя гневом, Шала встала.

— Надо было брызнуть в тебя из баллончика! — заорала она на дверь. — Действительно, действительно надо было!

— Это не мои таблетки! — крикнули в ответ.

Схватив джинсы, Скай натянул их так быстро, как только мог.

— Они не мои! — снова повторил он.

Затем услышал, как включился душ, и нахмурился. Как назло чертовски захотелось в туалет. Потому и стояк не исчез, даже когда Шала пригрозила ему баллончиком. Зазвонил телефон — и ведь проклятая штуковина валяется где-то на полу вместе с остальной мелочевкой, которую уронила Шала, рванув за «оружием». По мнению Скай, слишком уж чрезмерная реакция. Что она, члена никогда прежде ни видела?

— Лысый дружок, чтоб меня! — пробормотал Скай.

Затем глянул на радиоприемник с часами: без пятнадцати шесть. Кто будет звонить в такую рань? Скай схватил мобильник и ответил, даже не посмотрев на номер.

— Скай, ты должен что-нибудь сделать!

Он узнал голос Марии и тут же подумал о Рэдфуте.

— Что случилось?

— Он вырубился прямо на полу. И надел мой халат — хоть завязал как следует, и на том спасибо. А еще он до сих пор воняет!

— Чего-чего?

— Ты меня слышал, — огрызнулась Мария.

Скай провел рукой по лицу:

— Не уверен. Рэдфут в больнице. Разве ты не там?

— Да не Рэдфут. Хосе! Рэдфут вчера отправил меня домой. Я собиралась вернуться к нему, но моя машина осталась у больницы, потому что меня забрал Мэтт и утром собирался отвезти. Но потом мы нашли в ванной Хосе, а Мэтт ушел.

Скай попытался осмыслить услышанное, но безрезультатно. В трубке раздались всхлипы. Мария плачет? Он тряхнул головой.

— Мария, самолет Хосе прилетает только в девять.

— Ну, значит, его сюда телепортировал луч Скотти, потому что, когда я вчера вернулась, он был дома. Вообще-то, его телепортировало прямо в мою ванную вместе с томатным соком, бутылкой «Джека» и моими спринцовками. — Она несколько раз глубоко вздохнула и всхлипнула. — О, и он сказал, что врезался в дерево.

— Врезался в дерево пока телепортировался? — Скай снова потер лицо ладонью, дабы убедиться, что это не один из безумных бессмысленных снов.

— Мне нужен мой чемодан, — крикнула из ванной Шала.

— Кто это? — спросила Мария.

— Никто. — Скай огляделся, нашел чемодан, но едва успел его взять, как из ванной снова заорали:

— Или проваливай из моего номера, или принеси мне чемодан! И оденься, бога ради!

— «Никто», кажется, рассержена, — заметила Мария.

Хмурясь, Скай поставил сумку Шалы возле двери и прикрыл пальцем микрофон мобильник:

— Вот твои вещи. — И повторил еще раз, вдруг она до этого не расслышала: — А таблетки, между прочим, не мои.

Шала не ответила, он отступил от двери и снова заговорил в трубку:

— Значит, Хосе приехал?

— Какие таблетки не твои? — спросила Мария.

Наверное, он прижал палец куда-то не туда. Скай застонал. Из ванной показалась рука Шалы и затащила чемодан внутрь.

— Хосе правда приехал?

— Да. Так я могу на несколько дней остаться у тебя?

Скай питал надежду, что у него остановится Шала, но Мария — семья.

— Слушай, я приеду через... — Тут до него дошли другие слова сестры. — Он надел твой халат?

— Ага. Наверное, потому что его одежда испорчена. Но теперь и мой халат испорчен.

— Почему он... Неважно. Скоро буду.

Скай нажал отбой и позвонил в больницу, проверить Рэдфута. Новости порадовали. Он только закончил разговор, как в комнату вошла Шала и бросила на кровать свой чемодан. Не в силах больше терпеть, Скай ринулся в ванную.

Когда же вернулся, Шала раненой рукой укладывала в чемодан пижаму, а второй — надевала обувь. Выглядела она великолепно. Шорты обтягивали попку как перчатка, сандалии не скрывали покрашенные ногти.

Шала поймала изучающий взгляд Ская и нахмурилась.

— Спорим, ты опять не опустил сиденье, — проворчала она.

Он покачал головой:

— Дай угадаю... Ты точно очень любишь утро.

— Выкуси, — рыкнула Шала.

Волосы она собрала в хвост, и, глядя на ее шею, Скай рассматривал возможность укуса... Осознав, что его мысли движутся не в том направлении, он спросил:

— Что ты делаешь?

— Собираю вещи.

Нужно остановить ее. Придумать что-то, и быстро.

— Зачем?

— Зачем? Затем, что я сваливаю из города. Но не раньше, чем ты вернешь мне камеру. Бог свидетель, если ты этого не сделаешь, я...

— Вот тут у нас возникает проблемка. — Мозг заработал с бешеной скоростью.

— Это моя камера! — почти завопила Шала.

— Ну, с этим-то проблем нет, — пояснил Скай.

— Хорошо, значит, ты можешь ее вернуть.

Он покачал головой:

— Нет. Я о том, что пока не могу позволить тебе уехать.

Глаза Шалы сузились:

— Почему?

Почему? Вопрос на миллион.

— Потому... потому что ты еще не заполнила все нужные бумаги о произошедшем.

Ага, доля правды в этом есть.

— Я все тебе рассказала.

— Но все должно быть оформлено должным образом.

— И как это «должным образом»?

— Напишешь заявление в участке, ответишь на несколько вопросов. И...

— Ты уже задавал мне вопросы.

— Уверен, что найду, о чем еще спросить.

Шала встряхнулась:

— Тогда поехали в участок, задашь свои вопросы. Так как окно моей машины разбито, в салоне будет чертовски жарко, и хотелось бы проделать большую часть пути до полудня.

Она щелкнула замочками на чемодане.

Скай испустил глубокий вздох и напомнил:

— Тебя пытались убить.

— Угу. Потому я и сматываюсь. Здесь мне не рады.

— Неправда, я рад. — Едва слова слетели с языка, Скай понял, что это правда.

— Я не о тебе. О городе. О тех, кто не хочет, чтоб я привлекала сюда туристов.

— Сомневаюсь, что дело в этом, — заметил он.

— В чем тогда?

— Если б я строил догадки, то предположил бы, что дело в камере.

— В моей камере? За нее не стоит убивать. Не такая уж она дорогая.

— Потому я считаю, что разгадка внутри.

— Внутри?

— Ты сфотографировала нечто, что кто-то желает сохранить в секрете.

Шала замерла и задумалась.

— Все, что там есть, я сняла либо в Совершенстве, либо по дороге сюда.

— Знаю, но что-то такое ты запечатлела. И мне нужно, чтобы ты осталась в городе, пока я не разберусь. Прогляди фото вместе со мной.

Она внимательно посмотрела на Ская:

— Ты же имеешь в виду, осталась на часок или около того, да?

— Нет. Дай мне пару дней. Плюс-минус. — Представив Шалу в кровати, стоящую над ним, Скай не удержался и мысленно перебрал «плюсы и минусы» той или иной позы.

— Ты ведь шутишь?

— Серьезен как никогда.

— Ну уж нет, — мотнула головой Шала. — Можешь задать свои вопросы по телефону.

У меня неприятности дома, так что...

— А вдруг тот, кто ищет камеру, решит, что ты забрала ее с собой?

Она пронзила его взглядом:

— Я прилеплю на заднее окно машины табличку: «Мою камеру украл Скай Гомес!»

— Спустись на землю, Шала.

— Уже. Мэр сказал, что меня здесь видеть не желают. Тот, кто все это делает, скорее всего, пытается меня спугнуть. И правда в том, что он отлично справился. Я хочу домой, и ты меня не остановишь.

Шала схватила чемодан.

Скай действительно не желал разыгрывать эту карту. Крайняя мера. О, закон есть закон, вот только прибегнув к нему, Скай переступит черту. Во имя блага Шалы, конечно.

— Тут ты неправа. Я могу тебя здесь задержать. Ты — часть текущего расследования, и как шеф полиции я...

— Твою мать, невероятно, — пробормотала она. — Ты меня арестовываешь!

— Нет, — поправил Скай, как он надеялся, успокаивающим голосом. — Я тебя не арестовываю, а задерживаю. Есть разница.

Шала тряхнула головой:

— Ты хоть представляешь, как сильно я ненавижу этот город?

— Да-а, Совершенству и правда не помешает поработать над своим имиджем, — пошутил Скай.

— Удачи с этим. А я сваливаю. — Она с виноватым видом отступила. — Не волнуйся, я верну городу оплату в полном объеме. И с удовольствием дам тебе номер одного из моих конкурентов.

Не нужны Скаю ее конкуренты! Он хотел Шалу — причем таким количеством разных способов, что признаваться в этом ей явно не стоит. Так что лучше попросту игнорировать заявления об отъезде. А со временем упрямыцу, возможно, удастся переубедить.

— Я хочу, чтобы ты вместе со мной просмотрела все снимки. Но сначала я должен кое с чем разобраться, и желательно, чтобы ты поехала со мной.

— Что? Зачем?

Шала рухнула на кровать, словно разом лишилась сил. Под глазами ее залегли тени усталости. Бедняга была измождена, как и сам Скай. Она издала раздраженный вздох:

— Если я задержана, то, пожалуй, вернусь в постель. На сей раз одна.

Одна? И что в этом веселого?

— Боюсь, одной тебе оставаться небезопасно.

— Итак, одной мне небезопасно, и из города ты меня не выпустишь. — Шала кивнула, будто во всем этом имелся глубокий смысл. — Может, объяснишь мне все еще разок?

— Шала, — сокрушенно выдохнул Скай, — все гораздо серьезнее, чем просто попытка тебя спугнуть.

— Наверняка ты не знаешь. — В голосе ее звучала надежда.

— Нет, не знаю, — признался Скай. — Но давай вспомним все события. Он вломился в наш офис в поисках камеры — явно же не тебя там искал. С чего бы? Затем влез в твою машину. Ему нужен «Никон». В интернете есть твои данные, и чтобы выяснить твой домашний адрес, достаточно сделать пару кликов. Если ты уедешь из Совершенства...

— Гадство! — проворчала Шала.

— В чем дело?

— Ни в чем. — Она сдвинула брови.

— В чем дело? — снова спросил Скай.

— Уверена, это просто совпадение. — Однако лицо ее оставалось мрачным.

— Какое совпадение?

— Я нашла в телефоне сообщение от соседки. Вдобавок к прочему, вчера кто-то вломился в мой дом.

Скай почувствовал, как внутри зазвенел тревожный колокольчик.

— Что-нибудь пропало?

— Она сказала, что на вид все так, будто он добрался только до компьютера.

— Вот! Твои снимки цифровые. Ты же хранишь их на компьютере?

— Да, но сейчас я не там.

— Ты никогда не отправляешь фото домой по электронке?

— Отправляю, но эти еще не... — Шала нахмурилась. — За что мне все это?

Она встала и обхватила себя руками — точно как вчера ночью. Намечается еще один мини-срыв?

— Черт, просто не верится! Что за хрень я могла снять, чтобы спровоцировать такое? Чтобы кто-то зашел так далеко, я должна была сфотографировать нечто действительно ужасное. Но я не видела, как кто-то закапывает труп, или типа того. Я б, наверное, заметила.

Точно, еще один мини-срыв. Но к концу монолога глаза Шалы вновь выглядели нормально. Она просто казалась усталой.

Скай тоже не помнил, чтоб на снимках кто-то закапывал труп, но они все равно снова их просмотрят.

— Неважно, в чем причина, мы со всем разберемся, — пообещал он. — Вместе.

Да, последняя часть ему особенно нравилась.

Шала плюхнулась на кровать и покачала головой:

— Даже если останусь в Совершенстве — это ничего не решит. Здесь они могут добраться до меня так же, как дома.

— Черта с два! — отрезал Скай. — Здесь есть я. И я не позволю...

— Я могу обратиться в полицию Хьюстона, — перебила Шала.

Он мысленно зарычал.

— В маленьких городах есть свои плюсы. Я могу сделать твою защиту своим личным проектом. А хьюстонские копы максимум будут посылать кого-нибудь к твоему дому каждые восемь часов.

— Ты не знаешь, что сделают хьюстонские копы! — возмутилась Шала.

— А вот и знаю. Я почти год проработал в полиции Сан-Антонио, пока здесь не появилась вакансия, и в курсе, как действуют копы в больших городах. У них нет времени, чтобы присматривать за одним единственным человеком. — Если только означенный полицейский не одинок и не питает личного интереса к Шале. Внутренне рычание усилилось.

— Но мне нужно...

— Тебе нужно остаться здесь. — Скай наблюдал за ее реакцией. — Этот парень не шутит. Он готов на все, чтобы получить твою камеру. Если бы вчера мои собаки не помешали... — Нет, он не хотел произносить этого вслух. — Он чуть не задавил Сэла. Едва не убил Рэдфута и...

— Что?! — Глаза Шалы расширились. — Рэдфут пострадал из-за этого?

Скай понял, что не рассказывал ей подробности. Заметив ее сочувствующий взгляд, он не мог этим не воспользоваться.

— Он застучал грабителя, который явился за твоей камерой. Слушай, ты действительно нравишься Рэдфуту. Он беспокоится.

Скай не собирался объяснять, что отец считает Шалу потенциальным членом семьи.

— Мне жаль, — виновато произнесла она. — С ним все в порядке?

— Да. Думаю, мы можем навестить его в больнице, как только... Как только я разберусь с еще одной проблемой.

— Что за проблема?

— Семейная, — пробормотал Скай. Потому что до сих пор не понимал, что именно произошло между Марией и Хосе. — Уверен, Рэдфут будет рад с тобой увидеться. Затем мне

нужно заехать к Лукасу за пистолетом и посмотреть, удастся ли снять отпечатки. А к обеду, полагаю, мы доберемся до участка и начнем разбираться с твоим «Никоном». — Шала закусила губу, будто раздумывая. Воодушевленный, Скай продолжил: — Останься. Пожалуйста.

Она вздохнула:

— Обещай, что это только на несколько дней.

— Сделаю все, что в моих силах.

Это была первая откровенная ложь, которую он сказал ей — или кому-либо вообще — за долгое время. Просто Скай сомневался, что прямо сейчас Шала готова принять правду. Он сам-то только начал с ней примиряться. А состояла правда в том, что Шала Уинтерс чертовски его заинтересовала. И не только в сексуальном плане. Она пробуждала в нем инстинкт «служить и защищать», лежавший гораздо глубже, чем тот, что когда-то привел Скай в органы правопорядка. Нет, он ни на секунду не купился на всю эту муть о вторых половинках, но нескольких дней всегда будет недостаточно, если дело касается Шалы.

— Готова? — Скай протянул руку.

Поколебавшись, Шала вложила свою неповрежденную ладонь в его и встала. Скай не отступил, и она сама не отстранилась. Прикосновение женской ладошки придало ему уверенности.

Их взгляды встретились.

— Зачем тебе это?

— Что?

— Делать мою безопасность своим личным проектом.

«Ага, зачем, интересно?»

Скай чувствовал, что ответ требует самокопания, но задвинул это ощущение подальше и сказал то, во что хотел верить:

— Я шеф полиции. Это моя работа. И ты мне вроде как симпатична, когда не угрожаешь мне арестом, не целишься в меня из баллончика и не талдычишь о кастрации.

Шала улыбнулась. Затем глянула вниз, на их сомкнутые руки, стерла с лица улыбку и отдернула ладонь. Вот тогда Скай вспомнил, что им необходимо прояснить еще кое-что.

— Насчет сегодняшнего утра.

— Я пытаюсь об этом забыть. — Шала шагнула вперед, но тут же с воинственным видом развернулась: — И, кстати, такого больше не повторится. Ты не останешься в моем номере.

Скай кивнул, лелея надежду, что она переберется к нему домой. Решив, что юмор поможет сгладить ситуацию, он спросил:

— Все правда было так ужасно?

Шала одарила его испепеляющим взглядом. Эти голубые глаза прямо кричали «Не подходи!», но вместе с тем явно призывали «Иди сюда, возьми меня». Скай задумался: она вообще знает, чего хочет? Вот он, к примеру, знал. И действовал.

Он поднял руки:

— Я правда не пытался ничего сделать. — Шалу это, казалось, не убедило, и тогда он продолжил: — Ну же, ты ведь была замужем. Должна знать, что у мужчин по утрам... кое-что «просыпается» до того, как они сами проснулись.

— Ты не должен был ложиться ко мне в кровать, — отозвалась Шала. — И раздеваться...

— Ладно, признаю. Возможно, я пересек черту. Я не подумал.

— Правда? — В ее голосе появились дразнящие нотки, которые так радовали Скай. — Всемогущий шеф Гомес признает, что не подумал?

— Я совершил ошибку, — согласился он. — И я умею признавать свою неправоту. Хотя такое нечасто случается.

Скай усмехнулся. Что может быть лучше, чем находиться рядом с красивой остроумной женщиной? Ну, разве что находиться рядом с красивой, остроумной и голой женщиной. Но дайте время.

— Ну да. — Шала подхватила сумочку и направилась к выходу. — За исключением грибка стопы и неумения опускать сиденье унитаза, ты идеален.

— Что?

— Ой, подожди-ка. — Она обернулась, сверкнув голубыми глазами. — Совсем забыла о твоей проблемке с эрекцией. — И выскользнула за дверь.

Схватив телефон, Скай ринулся следом.

— О моей... О, дьявол! Нет у меня эректильной дисфункции!

Через секунду Скай готов был на что угодно — да хоть станцевать на улице голышом с праздничным колпаком на причиндалах, — лишь бы забрать свои слова назад. Джесси, жена Сэла, королева сплетен Совершенства, стояла прямо перед дверью, улыбаясь от уха до уха. Скай прямо-таки видел, как она мысленно счастливо потирает ручки, жаждая поведать каждому мужчине, женщине и ребенку в городе — а также их братьям, сестрам и, вероятно, морским свинкам, — что Скай Гомес обсуждал свою неспособность достичь эрекции.

* * *

Очнувшись словно от толчка, Рэдфут попытался сосредоточиться. Где он, черт возьми? Мысленно оценил белую комнату. Его забрали духи? Нет, он в больнице. В голове мелькали обрывки сновидения.

Старик закрыл глаза, вспоминая. Бульдог снова явился: больше, сильнее, чем прежде. Но дальше — только нечеткие образы. Очевидно, снотворное помешало видению отложиться в памяти. Рэдфут видел Марию и Хосе, а еще этого бледнолицего. Причем тут Мэтт?

Индеец не помнил достаточно, чтобы полностью понять послание духов, но вторая часть сна была совершенно ясна: река крови и стоящая неподалеку Шала Уинтерс. Голубые Глаза по-прежнему в беде. И она стояла у реки не одна. Кому-то еще грозит опасность. Но кому?

* * *

Пытаясь стереть с лица улыбку, Шала наблюдала, как по дороге к грузовику Скай

оглядывает парковку. Он что, правда думает, будто мужик в лыжной маске может объявиться среди бела дня?

Не улыбаться вдруг стало гораздо проще.

— Ты ведь этим наслаждаешься, — обвинил Скай, когда они уселись в машину.

— Чем? — невинно переспросила Шала, хотя прекрасно понимала, о чем он.

— Сама знаешь, — буркнул Скай.

— Этим неловким моментом, когда ты рассуждал о своей эректильной дисфункции перед хозяйкой отеля?

Она снова улыбнулась. Черные волосы Скай блестели на солнце, а в темных глазах виднелось разочарование, но также в них плясали смешинки. Проклятье, его улыбка была из тех, что способны сорваться с лица мужчины и свернуться калачиком в женском сердце. Из тех, которые вызывали желание прикоснуться к губам искусителя, от которых казалось, будто он так улыбается лишь для тебя одной. Глядя на такую улыбку, хотелось ответить «*Да, черт возьми, да!*», и неважно, о чем тебя спрашивали.

— Надеюсь, ты счастлива, потому что мне это еще аукнется. — Скай покачал головой. — К обеду весь город будет думать, будто я не могу... проявить себя во всей красе, когда хочу. Джесси не распускает слухи, лишь когда спит или когда ее рот занят едой. Ой, нет. Беру свои слова назад. На общественном пикнике она сплетничала, при этом поедая ход-дог.

Шала опустила взгляд на его грудь, оценив, как прекрасно ее обтягивает эта белая рубашка. И тут же вспомнила, как он выглядел без нее — растянувшись на кровати, словно любовник. Шала не забыла и ту долю секунды, когда хотела забраться сверху, почувствовать тепло его тела на своей коже. Внутри себя.

Сердце в груди уже отбивало чечетку, намекая, мол, хозяйка ступила на путь к настоящему полноценному влечению. Она сто лет не испытывала ничего подобного, и сомневалась, что готова испытать. Но и прекратить все это тоже была не готова. Шала, конечно, не собиралась оставаться здесь достаточно долго для длительной связи. И уж точно не планировала терять голову, сердце или даже одежду. Однако разве плохо просто насладиться флиртом? Почувствовать себя живой?

Скай вздохнул:

— Эта женщина может разнести информацию по городу быстрее, чем пятиминутные новости.

— Тогда почему ты не объяснил ей, что это таблетки Рэдфута?

Он открыл рот, собираясь ответить, но тут же его захлопнул.

— Ты с самого начала знала, что это пилюли Рэдфута? Тогда зачем осложнила мне жизнь?

— Я не в ответе за твои сложности. Сам во всем виноват.

— Ты поняла, о чем я!

Конечно, поняла, но так веселее. Шала пожала плечами:

— Я видела имя Рэдфута на этикетке, но то, что таблетки прописали ему, не значит, будто ты их не принимал... — Скай бросил на нее косой взгляд и зарычал, напомнив очнувшегося после долгой зимы медведя. Шала едва не расхохоталась. — Ладно, возможно, я так поступила, потому что это забавно. К тому же, ты заслужил небольшую подначку, стянув штаны и забравшись ко мне в кровать. Ну признай же...

— Ничего я признавать не буду. Рэдфут вчера сунул мне пузырек и попросил унести

домой. Черт, я понятия не имел, что там! Я даже не знал, что... что ему требуется... подобный допинг. И я не могу все объяснить Джесси, потому что она растрезвонит об этом по всему миру. А зная Рэдфута, он ее убьет, и мне придется его арестовать.

— Значит, ты позволишь людям думать, что у тебя проблемы с эрекцией, лишь бы защитить Рэдфута? — Вопрос был полон иронии, но такая привязанность к приемному отцу показалась Шале очень трогательной.

Скай стрельнул взглядом на окна офиса отеля:

— Боже, бьюсь об заклад, она уже висит на телефоне. — Он покачал головой. — Может, метод Рэдфута не так уж плох? Я б ее убил, а ты помогла бы закопать тело. — Скай провел рукой по лицу и включил зажигание. — Я правда не понимаю, что Сэл нашел в этой женщине.

— Она хорошенькая, — усмехнулась Шала.

— Она угроза для общества.

— Она кажется милой.

— Так и есть, — признал Скай. — И я буду чувствовать себя ужасно виноватым, если убью ее, но все еще на это готов.

Шала искренне рассмеялась. Развернувшись, Скай уставился на нее, и из глаз его исчезло это горькое выражение.

— Черт, ты так прекрасна, когда смеешься.

Она действительно столь отчаянно нуждается во внимании мужчины, от одного крошечного замечания которого готова взлететь в облака? Да. От комплимента вкупе с теплотой во взгляде и голосе Скай сердце Шалы воспарило. Но если сейчас это светлое и легкое чувство вызывало радость, то падение может причинить адскую боль. В голове замигала тревожная лампочка. Шала и правда должна очень-очень постараться остаться на земле.

* * *

Мария сидела на кровати, постукивая ногой по ковру и ожидая. Она хотела покинуть дом прежде, чем придется снова столкнуться с Хосе. Прежде, чем сделает что-нибудь, на что не имеет права — например, обвинит его в потере малыша, о котором он даже не знал.

Умом Мария понимала: Хосе не виноват в смерти ребенка. А вот душа, подвластная эмоциям, не фактам, полагала, что, если бы он не уехал в Нью-Йорк, у Марии не случился бы выкидыш. Но теперь она не могла доверять своим чувствам. Взять хотя бы Мэтта. Все инстинкты Марии кричали, мол, это нечто особенное, пока вчера он просто не ушел. Он даже не попытался оправдаться за свои длительные поездки в Даллас — вероятно, потому, что правда непростительна.

Конечно, Мэтт тоже требовал, чтобы Мария рассказала о Хосе. И она смолчала, ибо сочла неправильным говорить о сводном брате в его присутствии. Мэтт, наверное, предположил самое худшее, но он ведь неправ! Хотя... не совсем. Истина в том, что когда-то у Марии действительно была связь с Хосе. Однако это не значит, что ей плевать на Мэтта, или что она ему изменяет.

Внезапно Мария засомневалась. А вдруг и она ошиблась? Вдруг поездки Мэтта в Даллас не связаны ни с чем постыдным? Сердце воскликнуло «Да!», и она позволила этой мысли покрутиться в голове, пока не поняла, что вновь взялась за старое. Вновь позволяет чувствам управлять собой.

Зазвонил телефон. Надеясь, что это Скай, Мария глянула на номер и почти решила не отвечать. Она была не в настроении для очередной порции сплетен от Джесси. Впрочем, сидеть и думать о Мэтте хотелось еще меньше.

— Алло.

— Никогда не отгадаешь! — хихикая, начала Джесси.

— Что? — спросила Мария.

Она бы и правда не отгадала, но Джесси в любом случае ей расскажет. Джесси любит говорить. Единственный способ заставить ее хранить секрет — это клятва на мизинчиках. Хотя Мария не прибегала к этому способу уже давно — со времен тайного романа с Хосе и выкидыша. А вот ее отношения с Мэттом никогда не были секретом. Марии было плевать, даже если весь мир узнает, что они вместе.

— Он остался с ней в отеле на ночь, — сообщила Джесси.

Сердце Марии сжалось.

— Мэтт остановился в твоём отеле с какой-то женщиной?

— Мэтт? — переспросила подруга. — Нет, не Мэтт. Скай остался в номере с... О, Dios Между тобой и Мэттом что-то произошло.

Мария испустила глубокий вздох:

— Я не готова об этом говорить. — Но слова все равно вырвались: — Хосе приехал домой.

Джесси сглотнула:

— Он знает о ребенке?

— Нет, но... Это было какое-то безумие! И я, наверное, выглядела виноватой, потому что Мэтт как-то догадался, что Хосе больше, чем просто мой сводный брат.

— Ты должна все рассказать, — объявила Джесси.

— Кому?

— Обоим, *chica*. Расскажи Хосе, и тогда сможешь двигаться дальше. А объяснившись с Мэттом, сможешь избавиться от чувства, будто обманываешь его.

Мария закрыла глаза.

— Ты ведь понимаешь, что это только между нами?

— Клянусь, на мизинчике. Ты в порядке?

— Нет, не в порядке, — прорычала Мария; глаза ее наполнились слезами. — Я почти уверена, что все кончено.

— Но вчера ты сказала, мол, думаешь, что он тот самый! Если он любит тебя, то...

— Полагаю, я ошиблась. — Мария вытерла слезы и попыталась взять себя в руки. — Я правда пока не готова это обсуждать.

— Ладно. Но знай, что, когда будешь готова, я рядом.

— Ты всегда рядом, — произнесла Мария. — И за это я тебя люблю.

Повисла пауза.

— Ну а теперь, хочешь услышать о выходках Ская?

— Конечно. Что он сделал?

Джесси начала со взлома отеля и почти смертельного столкновения ее мужа с черным

седаном. А закончила вестью об эректильной дисфункции Ская. Мария в это не верила, но сплетня оказалось забавной, и она вдруг поняла, что смеется вместе с подругой, а все проблемы отошли на задний план.

— Я сейчас убираю их комнату. Постельное белье скомкано...

— Скай уехал? — спросила Мария.

— Буквально несколько минут назад.

Она вздохнула с облегчением:

— Хорошо. Прости, мне пора собирать вещи для Рэдфута.

Перекинувшись с Джесси еще парой слов, Мария нажала отбой и на цыпочках двинулась по коридору к спальне отца. Если повезет, она успеет уехать в больницу прежде, чем Хосе очнется.

Скай не объяснил, куда они направляются или что за «семейную проблему» ему предстоит решить, а Шала не спрашивала. Она хотела, но в голове по-прежнему мигала тревожная лампочка. Рядом с заботливым и остроумным Скаем Гомесом, его аппетитным телом и сексуальной улыбкой, приходилось пахать сверхурочно, выстраивая защитные барьеры.

Странно, но прежде Шала не волновалась о барьерах. Она вообще в них не нуждалась. Не то чтобы на ее пороге не появлялись мужчины, но отправить их восвояси было проще простого. Так что защитная броня казалась ненужной. До сих пор.

— Ты как? — спросил Скай.

Шала покосилась на него:

— Прекрасно.

— Ты вдруг притихла. О чем задумалась?

— У меня много тем для размышлений, — ответила она неопределенно.

— Рука не болит?

— Это всего лишь порез. — Шала посмотрела на свою перевязанную ладонь, вспоминая, сколько страху натерпелась, пока сидела съезжившись на полу в чужом доме. — Каковы шансы, что этот урод остановится?

Скай вскинул бровь:

— Трудно предположить, не зная подробностей. Но он уже зашел слишком далеко, чтобы вдруг признать свое поражение.

В животе разочарованно заурчало.

— Что ж я за фигню сфотографировала, если из-за нее нападают на людей?

— Не знаю, — отозвался Скай. — Но мы вместе просмотрим твои снимки и, может, что-нибудь найдем.

— А если нет?

Скай нахмурился:

— Тогда мы схватим его, когда он попытается сделать следующий шаг. — Взгляд его смягчился; Скай протянул руку и убрал прядь волос со щеки Шалы. — Я не допущу, чтобы с тобой что-то случилось. Обещаю.

Его слова звучали так искренне, а прикосновение было столь нежным, что Шала едва не растаяла. Но, почувствовав это, тут же вернулась к выстраиванию барьера.

Они миновали арену, где проходил пау-вау, и оказались в резервации читива. Вчера Шала кружила по округе, пытаясь прочувствовать атмосферу. В основном здесь располагались ухоженные дома среднего класса, но имелось и несколько пустующих или ветхих зданий — первые признаки упадка города. По словам мэра, все больше и больше молодых коренных американцев покидало родные края. Племя теряло чувство принадлежности к сообществу, собственную культуру, и в этом винили проблемную экономику. Шала полагала, что молодежь просто манил большой мир, а плохая финансовая ситуация едва ли служила хорошей приманкой, чтобы остаться.

Но с небольшой поддержкой местных Совершенство могло все изменить. Городу есть, что предложить отдыхающим. Озера, река, изящный центр, исторические здания — все это сулило успех. Добавьте сюда очарование истории племени — и понадобится совсем чуть-

чуть усилий, чтобы Совершенство стало излюбленным местом для отдыха на выходных наравне с Фредериксбургом.

Шала вспомнила, о чем хотела спросить мэра, и вопрос помимо воли сорвался с языка:

— А в Совершенстве есть художественное сообщество?

— Сообщество?

— Местные художники, галереи, студии?

— Художников у нас много, галерей нет, а вот студий... Зависит от того, что ты имеешь в виду. Большинство местных работает на дому. Эстелла, жена Рэдфута, при жизни славилась своей керамикой. Она выставилась везде, включая Нью-Йорк. Даже в Париже. А еще проводила мастер-классы в офисе племени. Мария до сих пор каждое лето дает уроки.

В голосе Ская явственно слышались горестные нотки.

— Давно Эстелла умерла?

— Десять лет назад. — Он помолчал. — А кажется, будто вчера. Она была чудесной женщиной. Умеет же Рэдфут выбирать.

Шала улыбнулась:

— Совершенство может это использовать, к примеру, открыть несколько студий для туристов. Художественные классы выходного дня. В память о ней.

Скай обернулся, на губах его играла довольная улыбка.

— Отличная идея. Мария все еще делает какие-то фигурки и рисует. По мне, она так же хороша, как Эстелла, но она не пытается ничего продать. Хочешь, попрошу Марию собрать всех местных художников, чтобы ты с ними поговорила?

Вопрос напомнил, что Шала вроде как собралась уезжать. Она ведь серьезно относится к своему решению, да?

— Кто такая Мария?

Мария звонила вчера, когда ранили Рэдфута. Подружка Ская? Мысль ужалила, но лишь потому, что он флиртовал с Шалой, а не потому, что он ее интересуется.

«Повторяй себе это почаще», — прошептал внутренний голосок.

— Рэдфут и Эстелла удочерили ее, когда Марии было шестнадцать. Она до сих пор живет с Рэдфутом.

Шала кивнула — с облегчением, хоть и отказывалась это признавать. В голову полезли другие вопросы. Личные. Однако если Шала переборщит, Скай может догадаться, что информацию она почерпнула, обыскивая его дом. И тут она кое-что вспомнила:

— Медсестра в больнице назвала Рэдфута твоим приемным отцом. Значит...

— Да. — Скай посмотрел в боковое окно, будто хотел избежать дальнейших расспросов. А минуту спустя уже парковался перед белым кирпичным домом. — Собственно, ты можешь сама расспросить Марию о местных художниках.

* * *

— Мария? — позвал Скай, когда они с Шалой шагнули в дом. Здесь сильно пахло освежителем воздуха и ароматическими свечами.

— Я в комнате Рэдфута, собираю для него вещи, — послышался очень тихий ответ из

коридора. — Буду готова через секунду.

Скай посмотрел в огромное зеркало, висящее в прихожей, изучая свое отражение. Шала стояла рядом. Черт, а они отлично смотрятся. Он — тьма, она — свет. Его прочные мышцы контрастировали с ее мягкими изгибами. И хотя Скай возвышался над спутницей сантиметров на тридцать — ее макушка находилась где-то на уровне его плеча, — она прекрасно ему подходила, словно была вылеплена специально, чтобы соответствовать его телу. Скай никогда прежде не обращал внимания на размеры женщины, но теперь задумался: а может, его всегда тянуло на миниатюрных?

Их глаза в зеркале встретились. Скай вспомнил, как быстро Шала отгородилась там, в машине, когда он сделал ей комплимент. Именно тогда он понял, что их сближению — или раздеванию — препятствует нечто большее, чем просто ее камера.

Скай опустил взгляд на женскую грудь, обтянутую розовым хлопком футболки. А вот здесь и речи не шло о миниатюрности. Посмотрев Шале в глаза, он увидел в них предупреждение: «Не приближайся». Что ж, мисс Уинтерс любит закрываться, но Скай наловчился взламывать замки.

Их гляделки достигли стадии неловкости, и Скай отвернулся от зеркала, посмотрев на настоящую Шалу. Их глаза встретились вновь.

— Почему бы тебе не подождать в гостиной, пока я поговорю с Марией, — предложил Скай, указав в нужном направлении. — На полках стоят поделки Эстеллы и Марии. Не стесняйся их разглядывать.

Кивнув, Шала ушла.

А он еще какое-то время наслаждался видом дерзкой попки. Шорты обтягивали ее в нужных местах... Почувствовав реакцию собственного тела, Скай с трудом отвернулся и двинулся в коридор. С чего это он вдруг вновь стал мгновенно возбуждаться? «С того, что сто лет не занимался сексом», — напомнил он себе, не желая думать, что причина исключительно в Шале.

Миновав коридор, Скай обнаружил Марию, складывающую в сумку чистую одежду.

— Эй.

Сестра развернулась, и едва увидев ее лицо, Скай понял: все гораздо серьезнее, чем он полагал.

— Ты ведь его не разбудил? — спросила Мария.

— Кого?

Она закатила глаза:

— Хосе.

— Нет. — Скай подошел поближе. — Что происходит, Мария?

— Он все еще воняет, — отозвалась она.

И тогда он почувствовал еще один запах, прежде прятанный под ароматом освежителя.

— Это что, скунс?

— Чудесно, не правда ли? — буркнула Мария. — Разбираться с ним будешь сам, я просто не в силах.

— Что, черт возьми, случилось?

— Стоит Хосе вернуться, и все вверх дном.

— Что вверх дном? — Скай действительно никогда не считал Хосе дебоширом.

— Все! — Глаза Марии наполнились слезами. — Он испортил абсолютно все.

Сжимая в руке нижнее белье Рэдфута, она кинулась к брату и обняла его. Если Мария нуждалась в объятиях, она не спрашивала — просто действовала. Если думала, что в объятиях нуждается кто-то другой — тоже. Сопrotивляться этому было так же бессмысленно, как бороться с матушкой природой. Так что Скай просто терпел.

— Я не могу оставаться дома, пока он здесь, — всхлипнула Мария. — Прошу, позволь мне побыть у тебя.

— Естественно. — В голове плясали образы Шалы, но Скай не мог отказать сестре.

Конечно, в его дом вломился идиот с пушкой. Сейчас там небезопасно и для Марии, и для Шалы. А еще у Скай очень много работы, чтобы со всем этим разобраться, ему совершенно некогда стоять и обниматься с сестрой в провонявшей скунсом спальне.

Скай только открыл рот, чтобы заговорить, как воздух прорезал вопль из другой комнаты.

Любуясь расставленной вдоль стены керамикой, Шала обо что-то запнулась, но едва обратила на это внимание, слишком увлеченная разглядыванием изделий. Великолепные произведения искусства — изящная и тонкая работа. Приемная мать Ская и правда была замечательной художницей. Или здесь есть и поделки Марии? Тут Шала вновь ударилась обо что-то ногой. Точнее это «что-то» схватило ее за лодыжку. Посмотрев вниз, Шала обнаружила растянувшегося на полу темноволосого мужчину. Глаза закрыты, а из одежды — только женский розовый халатик. И...

— Обалдеть!

Второй раз за день ей посчастливилось лицезреть стояк. Проблем с мужской анатомией у Шалы не было, но она достаточно долго жила без единого члена в пределах видимости, и такое внезапное богатство фаллосов стало ощутимым ударом для ее нервной системы.

Шала дернула ногой — незнакомец усилил хватку. Затем распахнул глаза и посмотрел прямо на пленницу. Та завопила и ринулась прочь — задачка не из легких, когда кто-то крепко держит тебя за лодыжку. Шала и моргнуть не успела, как уже уткнулась лицом в ковер. Незнакомец по-прежнему сжимал ее ногу, и Шала лягнулась. Сильно. Удар достиг цели.

Мужчина убрал руку и пробухтел ей в спину несколько ругательств, но Шала решила не оглядываться. И на четвереньках, словно ребенок, быстренько поползла по полу гостиной. Да развила такую скорость, что с размаху впечаталась в пару ног, обтянутых джинсами. Даже не потрудившись глянуть, кто это, Шала проскользнула между колен и резко взяла влево — в сторону прихожей.

Вот уже и входная дверь видна! Беглянка вскочила на ноги и рванула к свободе. Безрезультатно. Кто-то удержал ее за руку.

— Что случилось?

Скай. Затрепетавшее в горле сердце помешало ответить. Развернувшись, Шала указала на гостиную.

— Что? — спросил Скай.

Из-за дивана было не видно почти голого ногохвата в розовом.

— О, ну просто охренеть! — воскликнула темноволосая женщина — скорее всего, Мария.

Она стояла за спиной Ская, оперев руки в боки и хмуро глядя в сторону гостиной. Судя по выражению лица, она знала, что так напугало гостью.

— Пожалуйста, хватит вопить. — Ногохват встал, зажимая уши ладонями. Из его носа текла кровь.

К несчастью, так как обе его руки сейчас использовались в качестве наушников, извращенец не мог прикрывать чересчур маленьким халатом свое хозяйство. По крайней мере, стояк, кажется, пропал.

— Ради бога, Хосе! — простонал Скай. — Прикройся!

Парень вздрогнул, затем опустил руку и натянул розовую ткань на свои причиндалы.

— Просто не кричите больше и, — он указал на Шалу, — держите ее от меня подальше.

Свободной рукой он вытер кровь под носом, после чего медленно проковылял мимо них по коридору.

Это сложно было назвать «изысканным уходом». Не только потому, что каждый шаг, казалось, причинял бедняге боль, но и потому, что натянув халат спереди, он успешно оголил свой зад. И, прежде чем исчезнуть из поля зрения, пробормотал:

— Добро пожаловать в гребанное Совершенство.

Скай хмуро взглянул на Шалу, и та поспешила объяснить:

— Он схватил меня за лодыжку и не отпускал. Я пыталась уйти. Я вовсе не хотела...

— Перестань, я ни в чем тебя не обвиняю. — Он положил руку ей на плечо. — Ты как?

— Нормально. — Шала отметила, с какой легкостью он ее коснулся, и засомневалась, не стоит ли отойти. — Не мне же нос расквасили.

— Ага, но он до жути тебя напугал. — Скай уставился в коридор. — Какого дьявола он разгуливает в таком виде?

Шала бросила на него осуждающий взгляд:

— А теперь нагота у нас преступление, да?

— Да. Непристойное обнажение. Но вообще-то я имел в виду розовый халат... — Тут до него дошло, о чем она: — Это не то же самое, что в отеле! — Потерев ладонью лицо, Скай посмотрел на сестру. — Мария, что, черт возьми, происходит?

— Ты мне расскажи — тогда будем знать оба. Он уже был таким, когда я нашла его в своей ванной, опрыскивающимся из спринцовки.

— Спринцовки? — ахнула Шала, уверенная, что не так расслышала.

— Да. Прошу прощения. Меня зовут Мария, и уверяю, обычно по моему дому не бегают полуголые похмельные мужики, размахивая своим достоинством. И тут не всегда воняет скунсом.

— Скунсом... — повторила гостья. Затем вдохнула и под ароматом освежителя уловила вонь. — О боже!

— Ужас, да? — Глаза Марии наполнились слезами. — Это была тяжелая ночь.

Шала кивнула. Неловкая тишина окутала комнату, но тут вновь заговорила хозяйка:

— Ребята, а вы слышали, что горчица помогает при ожогах?

— Желтая горчица? — уточнила Шала, не зная, что еще сказать.

— Да. Я прочла об этом в газете пару дней назад.

— При чем тут чертова горчица? — влез Скай.

— Ни при чем, — огрызнулась Мария. — Я просто пыталась развеять неловкое молчание.

Шала усмехнулась:

— А ты не догадался?

— Нет, но я позволю вам двоим вдоволь пообсуждать горчицу. — Скай обошел женщин. — Я на минутку. — И, пройдя по коридору, исчез в той же комнате, где прежде скрылся ногохват.

* * *

Голова Хосе пульсировала в унисон с доносившимися из коридора шагами. Звуки походили на отбойный молоток, дробящий бетон. Хосе едва успел натянуть переднюю часть

халата на член, как двери распахнулись.

Страдалец моргнул, так что аж глазные яблоки заболели — кто знал, что они могут болеть? — и уставился на застывшего в проеме Ская.

— Даю двадцатку, если не хлопнешь дверью, — сказал Хосе.

Его сводный брат, очевидно, уже не испытывал тех же финансовых трудностей, что в детстве, потому что со всей дури захлопнул дверь и заорал:

— Что, мать твою, происходит?

Хосе поднял руку:

— Кажется, я переборщил с выпивкой.

— Да неужели? И что навело тебя на эту гениальную мысль в первую очередь? Головная боль, вонь, будто ты искупался в бочонке с виски, или пробуждение в розовом халатике и нападение на невинную женщину?

— Я на нее не нападаю. Я думал, это Мария, и как раз собирался... Я хотел... Ох проклятье, была авария, муравьи, шипы, и скунс появился из ниоткуда. А потом я узнал, что Мария спит с каким-то бледнолицым парнем с большим членом. Затем Член и Мария пришли, а я был голый и почти пьяный. Видимо, в тот момент останавливаться на «почти» мне показалось бессмысленным.

Скай просто пялился на брата. Хосе его не винил. Не испытай он все это сам, тоже бы решил, что вся история — выдумка.

Он нахмурился:

— Черт, на моих яйцах до сих пор видны укусы муравьев. Проверь, если хочешь! Бьюсь об заклад, ты даже сможешь найти несколько колючек в моем носу. Да и весь гребанный дом провонял скунсом. А еще машина. Ты найдешь ее обнимающей дерево недалеко от жилища Старика Джейкобса.

— Ты сел за руль пьяным?

Хосе заскрипел зубами. Скай выглядел так, будто готов сию секунду нацепить на него наручники и утащить в тюрьму — это чертовски бесило! Конечно, Хосе не носил значок и не защищал жителей Совершенства, а еще не остался, чтобы быть Рэдфуту сыном, но он проектировал долбаные здания, каждое из которых может вместить больше народу, чем все население этого городишки! Это что-нибудь да значит? Почему Хосе всегда чувствует себя так, словно живет в тени брата?

— Я не был пьян, когда врезался в дерево. Я мчался домой, чтобы навестить отца.

Скай покачал головой:

— Что ж, если ты собираешься навестить Рэдфута сегодня утром, то лучше приведи себя в порядок, да поскорее. Даже с сотрясением мозга он заметит, что ты в розовом халате, и сначала надерет тебе зад, а потом уж будет задавать вопросы.

Хосе стиснул кулаки. Возможно, в нем все еще говорил виски, но, проклятье, как же ему хотелось съездить Скаю Гомесу по физиономии. Как он смеет являться сюда и что-то рассказывать Хосе про его же отца? *«То, что у нас с ним нет ничего общего, не значит, будто я не знаю собственного старика!»*

— Просто проваливай, — рыкнул Хосе; его плечи понуро опустились.

Из глаз Ская исчезло напряжение.

— Хосе, я не хочу ругаться, но, дьявол, ты... Разве ты не хочешь поехать в больницу? Мария, кажется, говорила, что у Рэдфута только один ключ от его машины.

— Как-нибудь доберусь.

Скай не двигался с места, словно собирался спорить, но тут загревозил его мобильник, и он вынул его из футляра, тут же проверив номер. На лице его вновь отразилось беспокойство.

— Что на сей раз, Марта?

Напряженная поза брата заставила Хосе прислушаться.

— Нет! — Скай прислонился к стене. — Насколько все серьезно? — И после паузы: — Проклятье, все из-за меня... Я уже в пути. Позвони Питу и Рикардо, пусть подъезжают.

Он отнял трубку от уха.

Сердце Хосе едва не выскочило из груди.

— Что такое? Отец?

Скай повернул к брату мрачное лицо:

— Не Рэдфут. Джесси.

— Джесси Лопес? Подруга Марии?

Скай кивнул и двинулся к двери.

— Что случилось?

Он оглянулся:

— В нее стреляли. И это, черт возьми, моя вина. Не стоило оставлять там камеру.

* * *

Шала сидела между Марией и Скаем, чьи плескавшиеся через край напряжение и беспокойство буквально заполнили каждый уголок грузовика так, что аж дышать было трудно. В Джесси стреляли.

Вообще-то Шала ее не знала — виделись они лишь пару раз, и то мельком, — но прекрасно помнила, как женщина улыбалась этим утром, когда Скай кричал о своих проблемах с эрекцией. Он еще расстроился, мол, теперь сплетен не оберешься, но даже тогда в его голосе слышалась искренняя привязанность, будто Джесси — сводящая с ума родня, но Скай терпит, потому что в глубине души она ему дорога.

Да, Шала точно это слышала. И почти завидовала. Слишком давно ей не доводилось быть в кругу семьи и друзей. *«Но ведь ты сама выбрала одиночество»*. После развода общение с друзьями свелось на нет: одни были более близки с Брайаном, а другие... Что ж, другие сами женатики, и наличие подруги, разочаровавшейся в мужчинах, не очень-то полезно для их собственных отношений. Потом умерла бабушка, а затем Шала открыла свое дело. Ей казалось, что проще сосредоточиться на работе, чем на связях с людьми. *«Проще, но как же одиноко...»*

Переведя взгляд с хмурого Ская на встревоженную Марию, Шала почувствовала укол вины. Близкие Ская страдают из-за нее?

— Мне очень жаль, — пробормотала она. — Клянусь, я понятия не имею, из-за чего все это.

— Ты ни при чем, — отозвался Скай, прорываясь через поток машин со скоростью не меньше сотни. — Если кто и виноват, так это я. Нельзя было оставлять камеру в отеле.

— Виноват только тот, кто стрелял, — вмешалась Мария. Брат коротко пересказал ей

все, что знал. — Мы просто должны верить, что все будет хорошо. Джесси поправится.

Она сложила ладони вместе, и глаза ее наполнились слезами.

Шала повернулась к Скаю, и до нее наконец дошли его слова.

— Моя камера была в отеле?

— В сейфе Сэла.

Она чувствовала себя ужасно от необходимости задать следующий вопрос, но «Никон» действительно служил некой связью с бабушкой...

— Значит, ее украли? То есть... я знаю, сейчас это неважно, но...

— Без понятия. По словам Марты, Джесси ранили, когда она убирала твою комнату.

Потому не думаю, что до камеры добрались.

— Мою комнату...

Шала уставилась на свои колени. Она тайно надеялась, что причина окажется в чем-то другом, но теперь надежда рухнула.

— Боже, сначала Рэдфут, теперь это. — Шала зажмурилась. — Мне стоит просто забрать оборудование и вернуться в Хьюстон. Пусть тамошняя полиция со всем разбирается.

— Черта с два, — буркнул Скай.

— Я не хочу, чтобы пострадал еще кто-то!

— Значит, ты хочешь свалить и позволить себя убить? — спросил он.

— До меня не доберутся, я пойду напрямиком в...

— Проклятье, да! До тебя не доберутся, потому что ты никуда не поедешь.

Из целой бури эмоций в груди Шала наконец определила главную: гнев. Гнев на Ская.

— Ты не можешь меня застав...

— Еще как могу. Я уже сказал, ты задержана. Попытаешься смыться — я тебя арестую.

Шала нахмурилась и посмотрела на Марию:

— Он всегда такой абсолютно, бесповоротно, невыносимо и безнадежно упрямый?

— Черт, а можешь добавить еще парочку наречий? — спросил Скай.

Мария вскинула брови, оценивающе глянув сначала на него, а затем на Шалу.

— Нет, не всегда. Только с теми, кто ему на самом деле небезразличен.

* * *

Следующие пять минут они ехали в тишине. Скай переваривал все, что узнал о стрельбе в отеле, и все, чего он не знал. Чтобы принять решение, ему нужна дополнительная информация.

Мария подалась вперед и посмотрела на брата:

— Я думала, мы едем в больницу.

Скай остановился перед отелем Сэла. При виде черно-белого «круизера» и красной «шеви» Рикардо дышать стало гораздо легче.

Покосившись на Марию, Скай заметил в ее глазах беспокойство. И, черт, он прекрасно понимал ее чувства. Казалось, прямо сейчас весь мир давит на грудь. «Все это большей частью моя вина». Скай облажался по всем пунктам, оставив здесь камеру.

— Мне нужна буквально пара минут. Вы обе можете не высовываться?

Он не хотел выпускать их из поля зрения. Не дай бог, стрелявший в Джесси мудака еще где-то поблизости. Желудок сжался, подсказывая, что, не обнаружив камеру, следующим шагом преступник отправится за фотографом.

— Ты не мог высадить меня у больницы? — спросила Мария.

— Мне нужно кое-что сделать. Я не...

— Сейчас нет ничего важнее Джесси. — В ее глазах блестели слезы.

— Это лишь на несколько минут.

— Так срочно?

— Это моя работа, — осторожно и терпеливо пояснил Скай.

Он уже сорвался с Шалой. Позже, когда давление ослабнет, он извинится за свою грубую реакцию на ее желание уехать. *«Но ее защита — моя работа, черт возьми!»*

— Обещайте, что останетесь здесь.

Шала и Мария кивнули. Последняя — с глубокой скорбью, но у Ская не было ни времени, ни слов, чтобы ее утешить. Однако, выбравшись из грузовика, он заметил, как Шала потянулась и сжала руки соседки. Скай так и застыл, глядя в окно, совсем не готовый к эмоциям, что сейчас бурлили внутри. *«Не позволю этому психу до нее добраться».*

— Скай? — позвал Пит, один из патрульных.

Скай направился к нему через стоянку и, не тратя время на бесполезную болтовню, начал:

— Ты все перекрыл? Где Рикардо?

— Осматривает место преступления. Там кошмар, много крови. Но да, я все огородил.

Кровь Джесси по всему номеру. Внутренности скрутило узлом. Скай глубоко вздохнул:

— Сделай мне одолжение: присмотри за грузовиком. Там Мария и Шала Уинтерс. Если этот гад еще поблизости, он может нацелиться на нее.

— Без проблем.

Едва он отвернулся, Пит добавил:

— Эй, думаешь, это в конце концов станет делом об убийстве?

В его голосе и правда звучало волнение?

Скай стиснул кулаки. Было бы чертовски здорово спустить всех собак на Пита, но он знал, что единственный, кто заслуживает стать мишенью для его ярости, — стрелявший урод. К тому же Пит из соседнего городка. Он не знал Джесси. Для него это просто очередное дело.

— Я не знаю.

— Будешь вызывать на место преступления рейнджеров?

— Да.

Идея паршивая, даже несмотря на то, что рейнджер был другом, но Скай сознавал собственные пределы. Он не сможет и обеспечить круглосуточную охрану Шале, и со всей отдачей заняться расследованием. А гада нужно поймать. Не то чтобы Скай совсем не собирался работать над делом...

— Слушай, — опять позвал Пит, — а правда, что у этой Уинтерс есть на что посмотреть?

— Смотри за долбаным грузовиком!

Скай поспешил уйти, пока кое-кто не заработал себе фингал под глазом.

Ступив в номер, он достал сотовый и набрал Лукаса.

— Привет. Мне нужно, чтобы ты приехал в отель, — сказал Скай, когда сосед

ответил. — Желательно, прямо сейчас.

— Что происходит?

— Хочу отдать тебе кое-что на хранение.

Он вывалил на Лукаса всю историю с камерой и ранением Джесси, нажал отбой и набрал следующий номер. Скай всей душой противился этой необходимости, ведь тогда он потеряет контроль над делом, но, проклятье, умный мужчина знает, когда ему нужна помощь. И Скай в ней нуждался.

Филлип Фримен, капитан подразделения тexasских рейнджеров в Сан-Антонио, ответил после третьего гудка:

— Как удачно твой номер высветился на моем экране. Планируешь игру в покер?

— Я по делу.

— Проклятье. Ты же знаешь, как я ненавижу «дела».

— У нас в городе проблемы.

— Неужто кто-то на красный проехал? — поддразнил Фримен.

— Была стрельба, — совершенно серьезно отозвался Скай.

— Ладно, давай я облегчу тебе задачу. Если подстреленный женат, обрати внимание на его вторую половинку. Брак пробуждает в людях желание прикончить друг друга. Если б я знал, что смогу выйти сухим из воды, то убил бы свою бывшую.

— Тут другое. — Обойдя Рикардо, Скай шагнул в комнату Шалы. От вида крови на стенах его желудок опять сжался. — Это тот, кого я знаю.

— Мне жаль. Убийство?

Скай закрыл глаза.

— По тому, что я слышал, может им стать. Жертва в операционной.

Столько крови... Он боялся надеяться.

— Подозреваемые есть?

— А вот здесь начинаются странности.

Скай в очередной раз рассказал о Шале и ее камере.

— Блин, да у тебя там настоящая детективная загадка! — Судя по голосу, Филлип был рад помочь. — Только скажи, что тебе нужно, и я все устрою.

— Для начала нужны эксперты на место преступления.

— Мне потребуется несколько часов, чтобы собрать людей и пригнать фургон. Я позвоню, как буду подъезжать, встретишь.

— Ага. Я буду в больнице.

— Скай... Ты там поосторожнее. Парень, выстреливший в одного, не постесняется пальнуть и в другого.

Кажется, друг «из большого города» переживал за Ская.

— Верить или нет, Фил, я и сам об этом догадался.

— Открой глаза и скажи мне, что ты в порядке, упрямый старый индеец.

Рэдфут почувствовал прикосновение нежной женской ладони к лицу и первым делом подумал об Эстелле. А подняв веки, обнаружил рядом Веронику.

— О боже, вот это фингалы!

Гордость всколыхнулась было: «Ты бы видела второго парня!», но ведь это явная ложь, так что Рэдфут просто молча смотрел на гостью. В ее блестящих карих глазах плескалось беспокойство, и тогда он понял: место Эстеллы Вероника никогда не займет, но каким-то образом для нее в его сердце нашлось собственное. Она прочно там поселилась. И принадлежала Рэдфуту. Осталось только убедить в этом упрямыцу.

Да, она потеряла мужа всего два года назад, но и это достаточно долгий срок для одиночества. И хотя Вероника клялась, что таится только из-за детей, порой Рэдфут сомневался. Если слухи правдивы, у нее были веские причины никогда больше не отдаваться полностью другому мужчине. Но ведь она уже несколько месяцев дарила Рэдфуту свое тело! Теперь он хотел большего. Хотел, чтобы она встала рядом с ним, а не ограничивалась лежанием в постели несколько вечеров в неделю. Хотел ее сердце. И устал скрывать их отношения от семьи и друзей.

— Ты в порядке? — спросила Вероника.

— Нет, не в порядке. Прошлую ночь я планировал провести с прекрасной женщиной, а вместо этого провалялся в одиночестве на холодной больничной койке.

Она улыбнулась, но тут же посерьезнела:

— Я только утром узнала. И ждала тебя вчера.

Но не позвонила. Рэдфут точно знал, потому что, едва дочь вышла за порог палаты, проверил свои сообщения. Скорее всего, Вероника просто боялась, что ответит Мария. Боялась, что кто-то узнает об их встречах.

Рэдфут похлопал по кровати:

— Приляг рядом и покажи, что я потерял.

Даже дернул строптивицу за рукав, но она уперлась:

— Тут мало места.

— Я подвинусь.

Вероника усмехнулась, будто школьница. В этой ярко-синей блузке она выглядела такой молодой... Ну и округлое декольте, намекавшее на скрытые под одеждой формы, тоже играло свою роль. Для женщины ее возраста у нее отличная грудь. Рэдфут посмотрел на крошечные пуговицы на блузке — штук десять, не меньше. И мысленно оторвал их все.

— Сумасшедший. Что, если кто-то войдет и застучает нас в постели?

— Тогда я ослепительно улыбнусь и скажу, что мы просто отдыхали.

Вероника закрыла глаза:

— Ты же знаешь, я не могу.

— Еще немного, — нахмурился Рэдфут, — и я начну подозревать, что тебе просто стыдно появляться со мной рядом.

— Неправда!

— Тогда почему ты не хочешь, чтобы кто-то о нас узнал?

Она отступила на шаг:

— Мы это уже обсуждали. Я просто... не могу.

— Я ничего для тебя не значу.

Вероника вновь подошла к кровати:

— Нет! Значишь. Больше, чем стоило бы... Все дело в детях.

— Твоих детей нет в этой больнице, Вероника, — заметил Рэдфут. — Вообще-то, оглядываясь вокруг, я вижу только нас.

И он снова похлопал по койке.

* * *

Стиснув руки на коленях, Шала сидела в комнате ожидания и наблюдала за вышагивающими вокруг людьми. Более дюжины человек — семья и друзья. Джесси, очевидно, всеми любимая, находилась в хирургии. Шала слышала, как кто-то сказал, что положение критическое, и глаза окружающих наполнились слезами. Даже ее собственные глаза горели.

Она отогнала печаль подальше и попыталась дышать через рот, чтобы больничный запах не проник под кожу, захлестнув с головой и вновь унеся в прошлое. И всякий раз, чувствуя приближение паники, приказывала себе не быть ребенком. *«Ты сейчас не важна. Важна только женщина, в которую стреляли — в какой-то мере из-за тебя. Даже если ты всего лишь случайно сфотографировала нечто незаконное... Все равно это твоя вина».*

А еще Шала знала, что, останься она в отеле, сама бы сейчас лежала в операционной. Вот только в комнате ожидания не было бы никого — ни друзей, ни родственников, живущих достаточно близко, чтобы приехать. Оглядывая толпу, Шала гадала: каково это, когда в твоей жизни так много людей?

И тут услышала свое имя. Подняла голову и увидела, как Мария махнула в ее сторону. Видимо, кто-то спросил, кто она такая. Шала почувствовала неловкость. Она здесь чужая. Незнакомка для всех, кроме Ская. Зажмурившись, Шала вспомнила, как спорила с ним с том, что останется в отеле. Упрямство копа, вероятно, спасло ей жизнь.

Шала открыла глаза и посмотрела на него. Вернувшись с места преступления, он не произнес ни слова. Наверное, с трудом справлялся с эмоциями. Ведь даже просто приехать сюда — уже нелегко.

Шала наблюдала, как Скай переходит от человека к человеку. Приближается к наиболее встревоженным, прикасается к ним, говорит что-то утешительное. Но отстраняется, стоит кому-нибудь ответить той же любезностью. Да, шеф Гомес может поддержать, но сам поддержку не принимает. Это потому, что он здесь по работе, или причина в другом?

Шала вспомнила, как он подошел к Сэлу, когда они только приехали в больницу. Вина облепила Ская, точно вторая кожа. Сэл, со слезами на глазах, покачал головой, и хотя Шала не знала наверняка, она не сомневалась: он ни в чем не винил друга. Тут же всплыли воспоминания о газетной вырезке, найденной в доме: десятилетний мальчишка вырывается из рук пожарного... Наверное, потому Скай так хотел спасти других, что не сумел спасти собственных родителей. Винил ли он себя в их смерти?

Прошлое Шалы тоже оставило ей вагон и маленькую тележку эмоциональных проблем,

но среди них не было чувства вины. Все случилось из-за пьяного водителя. И бабушка убедилась, что Шала с братом это понимают: не прошло и недели после похорон, как она привела их в зал суда. Тот самый водитель, судья... Вина доказана. Но если бы не бабушка, кто знает, какой еще груз свалился бы на плечи детей.

А Скай попал в программу усыновления — у него не было такой бабушки. Не было никого, кто сгладил бы переход от любимого ребенка к сироте. Шала не представляла, каково это, еще не оправившись от смерти родителей, переселиться в дом к незнакомцам. В груди заболело от сочувствия, и Шала вновь принялась оглядывать толпу в поисках Ская, желая убедиться, что он в порядке. Его нигде не было. Вероятно, вышел ответить на очередной звонок. С тех пор, как они сюда приехали, его телефон пиликал уже раза четыре.

Откинувшись на спинку стула, Шала потянула шею, пытаясь снять охватившее плечи напряжение. По интеркому раздался голос, вызывающий врача. Шала закрыла глаза и вместо того, чтобы думать о своем прошлом — или прошлом Ская, — попробовала вспомнить все фотографии, которые сделала за последние дни. Что такого страшного она могла заснять?

Чья-то рука втиснулась между ее сжатыми ладонями. Шала распахнула глаза — на соседнем стуле сидел Скай. Сердце забило быстрее, и пришлось сдерживаться изо всех сил, чтобы не обнять его. Не упрямого невыносимого мужчину, а мальчика, которым, как Шала знала, он когда-то был.

Он посмотрел на нее, и выглядел при этом почти таким же виноватым, как во время разговора с Сэлом.

— Прости, — пробормотал Скай. — Боже, я совсем забыл...

Он взял Шалу за руку.

— О чем забыл?

— О твоей ненависти к больницам. Ты как?

— Нормально.

Он провел пальцем по ее щеке:

— Нет, не нормально. Давай-ка прогуляемся.

Потянув Шалу вверх, Скай переплел их пальцы и повел ее через комнату. Отвергать его прикосновения не хотелось. Не только потому, что Шала в них нуждалась, но и потому, что чувствовала: ему это тоже необходимо.

* * *

Лежа в постели и страдая от головной боли, Хосе ругал себя на чем свет стоит за все, что сделал, едва пересек границу Совершенства. Но, услышав, как за Скаем и остальными закрылась дверь, встал и направился на поиски обезболивающего и одежды.

Аспирин обнаружился в кабинете, а коробка со старыми штотками Хосе — в шкафу. Джинсы немного болтались, видимо, он похудел, пока жил в ритме большого города. В любом случае свободные штаны это даже хорошо, ибо нижнего белья у Хосе не было. Трусов в коробке не нашлось, что тоже неплохо ввиду как минимум восьми волдырей от укусов огненных муравьев на главном мужском достоинстве.

Наконец облачившись в вещи, которые не были розовыми, женскими, и не пахли

Марией, Хосе почувствовал себя почти человеком. Почти. Он сел, чтобы сделать несколько звонков. Сначала в больницу, узнать у медсестер, как там отец. Потом в свою страховую фирму, а затем в «Автосервис Рамона». Рамон был старым школьным приятелем Хосе, живущим по соседству, а теперь еще и владельцем двух местных автомастерских.

Скай уже звонил туда и попросил забрать машину брата. «Скай всегда обо всем позаботится». Хосе знал, что должен бы испытывать благодарность, но, черт возьми, эта способность братца к правильным поступкам заставляла его чувствовать собственную ущербность.

— Кто поведет эвакуатор? — спросил Хосе.

Рамон помолчал.

— Я сам, как только мой другой сотрудник вернется.

— А ты можешь заскочить к дому моего отца и подбросить меня в больницу?

— Разумеется. Как там Рэдфут? Мама утром сказала, что он пострадал, когда застукал какого-то парня за взломом.

— Ага. Но, по словам медсестер, он в норме. Вроде как сегодня уже выпишут.

Все же Хосе стоило поговорить с самим отцом, лицом к лицу. Он знал, что оттягивает неизбежное, но Рэдфут неизменно настаивал на его возвращении домой, а Хосе неизменно чувствовал себя виноватым. Раненый Рэдфут возведет это чувство вины на новые высоты.

— Рад, что все хорошо. Уверен, Скай поймает ублюдка.

Хосе надавил пальцами на пульсирующий висок:

— Да, Скай незаменим.

— Ты слышал, что в Джесси стреляли? — спросил Рамон. — Знаешь ведь Сэла? Они поженились в прошлом году. Он по ней с ума сходит. Представляю, каково ему сейчас.

Хосе помнил Джесси. Она всегда была полна жизни.

— Не знал, что они женаты, но о стрельбе слышал. Надеюсь, она выкарабкается.

— Я тоже. Просто не верится, что такое дерьмо происходит здесь. Ты притащил на хвосте преступника из мегаполиса?

— Надеюсь, нет.

Мысли сменили направление, и Хосе подумал о блондинке — спутнице Ская. Кто она? Он выставил себя перед ней полным придурком. Хосе дотронулся до носа. Черт, а у дамочки отличный удар.

— А Скай с кем-то встречается? Утром он заходил сюда с блондинкой.

В трубке послышался залиvistый смех.

— Забавно, что ты спросил. Недавно явилась моя сестрица с дикой историей, де он остановился в отеле Сэла вместе со специалисткой по туризму — той самой, что, по словам Рэдфута, является второй половинкой Ская. Нет, я вовсе не виню Ская, что он за ней ухлестывает. Штучка что надо. Я видел ее на пау-вау. Она пронесла камеру и сделала снимок, а Скай выдернул ее прямо из рук дамочки. А затем пошел и завалил ее!

— Вторая половинка Ская? — насмешливо уточнил Хосе. — Он укладывает их в койку, а затем бросает.

— Ну да. Хотя, если верить моей сестре, с частью про койку у него как раз проблемы. Вроде как он говорил с блондинкой об эректильной дисфункции.

— Скай? — гоготнул Хосе.

Слишком ужасно, что он получает удовольствие от проблем всемогущего шефа полиции Гомеса со стояком? Да, это ужасно, но немного успокаивает это.

— Да, Скай. Но ты же знаешь, как тут разлетаются сплетни. Правды в них, наверное, ни на грош. Завтра мы услышим, что он носит женские шмотки.

«Нет, это ты услышишь обо мне», — подавленно подумал Хосе.

— О, Джимми вернулся. Подъеду к тебе минут через десять.

Хосе повесил трубку и пошел собирать вещи Марии, намереваясь засунуть их в стиральную машинку. Хотя бы это он может сделать. Но, проходя мимо ее комнаты, он замер и уставился на кровать. И вспомнил, как Мария выглядела прошлым вечером: нежная, сексуальная, не изменившаяся...

Но нет. Она изменилась. Раньше она смотрела на Хосе с куда большей любовью. Проклятье, а он ведь до сих пор любил Марию. Насколько серьезны ее отношения с новым парнем? Есть ли шанс ее отвоевать? Черт, правильно ли хотя бы попытаться это сделать? Два года что-нибудь изменили? Мария все еще планирует остаться в Совершенстве? Потому что Хосе все еще хотел уехать.

Ведь так?

* * *

Занятый самобичеванием, Скай завел Шалу в лифт. Как, черт возьми, он мог забыть о ее проблеме с больницами? Конечно, у него и без того было о чем думать, но если кто и мог понять, каково ей сейчас, то это Скай. По сей день от запаха дыма его выворачивало наизнанку.

Двери закрылись, и лифт наполнила тихая классическая музыка. Скай вспомнил, как увидел Шалу, сидящую отдельно от остальных, и в который раз поразился ее уязвимостью. И собственной потребностью это исправить.

Он сжал ее ладошку, как бы говоря «Ты не одна».

— Нет, правда, я сожалею. Я должен был вспомнить.

Шала встала перед Скаем и положила руку ему на грудь. Невинное прикосновение вызвало ощущения, граничащие с болью.

— Не стоит. Тебе лучше остаться с друзьями. Я в порядке. И могу с этим справиться.

Не задумываясь, он схватил ее за затылок и притянул к себе. Их губы едва соприкоснулись, и Шала тут же отстранилась, уставившись на Ская своими огромными голубыми глазами.

— Сомневаюсь, что это хорошая идея.

— А я не сомневаюсь, — отозвался он, сознавая, что ее рука так и осталась на его груди.

Боль растаяла; теперь прикосновение было просто теплым, утешительным, и Скай поймал себя на том, что мечтает почувствовать эти женские пальчики на своей коже.

Шала покачала головой:

— Я могу назвать десять причин, почему идея плохая. Для начала, я в этом городе лишь на время и...

Она тараторила что-то еще, но после слов о бывшем муже, Скай перестал слушать. Если женщина начинает говорить о бывшем, это надо прекращать.

— Тс-с-с. — Он прижал палец к ее губам.

Шала продолжала говорить. Эти сладкие губы шевелились под пальцем Ская. Боже, она и правда болтушка. Ему не нравились болтливые женщины. Но это не мешало желать одну конкретную.

— Шала?

— Что? — Она глубоко втянула воздух, будто до этого забывала дышать.

— Замолчи.

Она не впечатлилась и снова принялась что-то вещать. А когда в очередной раз упомянула бывшего, слушать о котором у Ская не было ну никакого желания, он заметил две вещи. Во-первых, лифт не двигался. Очевидно, никто из них не догадался нажать кнопку. Не то чтобы Скай возражал — это даже в его интересах. А во-вторых, в то время как Шала всеми силами пыталась донести до него, что им нельзя целоваться, глаза ее говорили об обратном. Добавьте сюда прижатую к груди Ская ладонь.

— Шала? — Он постучал пальцем по ее непрерывно шевелящимся губам.

— Что? — спросила она, но ответа не дождалась и опять принялась лепетать.

— Пожалуйста, просто... заткнись и поцелуй меня.

Наклонившись, Скай снова прижался к губам Шалы. Чувствуя вкус зубной пасты, которой она пользовалась этим утром. Чувствую ее вкус. Пьянящий. Как хорошее вино или спелый экзотический фрукт. Как что-то, обещающее наслаждение.

На сей раз Шала не сопротивлялась. Поцелуй не подразумевался как полный лишь страсти, и так и вышло. Он был нежным. Скай скорее давал, чем брал. И все получилось гораздо интимнее, чем ему хотелось признать.

Но страсть тоже нуждалась в выходе.

Скай просунул язык Шале в рот, и она застонала. Мягкие холмики ее груди прижались к его прямо над тем местом, где она держала руку. Соски Шалы затвердели, умоляя о внимании. Скай почувствовал напряжение собственной плоти. Однако страсть в происходящем все равно оставалась на втором месте. Он еще и сам не до конца разобрался, но все это имело отношение, скорее, к желанию помочь, утешить, избавить от кошмара, который, несомненно, терзал Шалу воспоминаниями о ее родителях и больницах.

Кто-то громко откашлялся. Рот Шалы был занят, как, собственно, и Ская, так что это явно кто-то еще. Непонятно, как они проворонили звук открытия дверей. Но теперь они не одни, так что надо отстраниться. Прямо сейчас. Вот только... еще... одну... секунду...

Ладно, две.

Шагнув назад, Скай был вознагражден приятным весом навалившейся на него Шалы. Он улыбнулся. Ничто не сравнится с осознанием того, что от тебя у женщины подгибаются колени. Скай удержал ее за плечи, не давая упасть, и только потом воззрился на незваного гостя.

Это оказался лысеющий мужчина с суровым лицом, хмуро глядевший на них через открытые двери лифта. Потрясенный, но решивший не давать себя запугать, Скай кивнул:

— Мэр Джонсон.

А вот Шале не удалось справиться с собой так же быстро. Она в панике распахнула глаза и приоткрыла распухшие от поцелуев губы, но, не сумев выдавить ни звука, снова закрыла рот. Потом опять открыла. И закрыла.

Слова наконец выплеснулись наружу, но смысла в них было немного:

— Здрассти... Я... Мы со Скаем... То есть, с мистером Гомесом... Мы... это...

Зная, что Шала может вот так лепетать добрых десять минут, и не представляя, какие

оправдания она способна придумать для их поцелуя, Скай вмешался:

— Вы и мисс Уинтерс уже были официально представлены друг другу?

Мэр впился в него взглядом, но затем, кажется, взял себя в руки:

— Только по телефону.

Скай наблюдал, как они с Шалой пожимают руки, после чего полный неодобрения взгляд мэра вновь сосредоточился на нем.

— Можно вас на минутку, мистер Гомес?

— Только на одну, — не уступил Скай.

* * *

— Ты что, мать твою, творишь? — вскипел мэр на первой же секунде отведенной ему минуты.

Скай эту минуту даже засек.

Он оторвался от часов и посмотрел на Шалу, которая стояла возле лифтов метрах в десяти за его спиной и выглядела так, будто мечтает слиться с белой больничной стеной. Нужно вывести ее отсюда. Или снова поцеловать. Тогда она забудет о своих проблемах. Второй вариант, безусловно, куда привлекательнее.

Конечно, кому-то их поцелуй может показаться неуместным, но Скай делал это по той же причине, по которой обнимал Марию — пытаюсь поддержать.

— Вы хотите сказать еще что-то, господин мэр? А то ваше время истекает.

Скай постучал по циферблату. Совсем скоро позвонит Филлип.

— Хочу ли я что-нибудь сказать? — рявкнул мэр, но тут же понизил голос: — У тебя есть покушение на убийство, три взлома с проникновением, попытка ограбления, попытка наезда, важный спец по туризму — которая, кстати, является последним шансом на спасение этого города, — а ты что творишь? Устраиваешь с ней чмоки-чмоки в лифте?

Скай нахмурился:

— Как я уже сказал вам по телефону, место преступления охраняют Пит и Рикардо. Техасские рейнджеры уже в пути. И найденный вчера пистолет ждет, когда мы снимем отпечатки. — Он махнул в сторону комнаты ожидания. — Женщина в операционной — мой друг. И как только я получу известия о ее состоянии, сразу же отправлюсь вновь просматривать снимки Шалы, чтобы узнать причину происходящего.

Мэр собрался было снова орать, но Скай продолжил:

— Я обеспечил место, где Шала может остановиться, на случай, если этот урод будет ее преследовать. Последние двадцать часов я только и бегал по городу, пытаюсь разгрести все перечисленное вами дерьмо, и при этом охранял нашу гостью. В отличие от вас, я не играл в гольф с кучкой приятелей, ссылаясь на чрезвычайные семейные обстоятельства, в то время как, предположительно, должен бы работать. Если у вас есть претензии к тому, как я выполняю свои обязанности, буду счастлив выслушать их позже. Но моя личная жизнь, она... личная.

— Ты не можешь... встречаться с жертвой. Это против правил.

— Вообще-то, мы познакомились раньше, чем она стала жертвой. Впрочем, если вы

хотите, чтобы я подал в отставку?...

— Познакомились раньше? Она здесь всего пару дней!

— А я очень быстр. Но, как я уже сказал, если вы хотите...

— Нет, — простонал мэр, однако Скай знал его достаточно хорошо и понимал: так легко он не сдастся. — Работаешь ты отлично, потому я тебя и нанял. Но мисс Уинтерс... Проклятье, Скай, ты же нам все испоганишь! Твое «полюбил и бросил» превратит Совершенство в город-призрак. Нам только ее разбитого сердца не хватало, и...

— Ваша минута истекла. Я веду Шалу на свежий воздух. Буду прямо возле больницы, если вдруг понадобится.

Скай направился к лифту, а в голове эхом раздавались предупреждения мэра — а заодно и свои собственные. Но стоило только взглянуть на Шалу, и все это выветрилось вон. Они же взрослые люди, черт возьми!

— Я уволена? — спросила Шала, когда они зашли в лифт.

— Дьявол, нет. — Скай нажал на кнопку. — Мэр просто завидует, что это не он тут с тобой. Он пускал слюни на ту фотку в купальнике из твоего эссе о каякинге с тех пор, как тебя нанял.

— Ты шутишь! — ужаснулась Шала.

— Не-а, — честно ответил Скай. — Он ее даже распечатал. Не то чтобы я его осуждал... Мой принтер сломался, а то бы я сделал то же самое.

Она схватила его за руку:

— Даже не думай снова меня целовать.

Двери открылись.

Скай подтолкнул спутницу в спину.

— Сомневаюсь, что любой из нас сможет об этом забыть.

— Смотри на меня и учись.

— Непременно. — Он положил ладонь на мягкий изгиб ее талии. — Смотреть на тебя — одно из моих любимых занятий.

Шала замедлила шаг, и Скай вновь ее легонько подтолкнул, выводя на улицу через автоматические двери больницы. Хотя было только девять утра, исходящий от асфальта жар уже обещал рекордно высокую температуру. Скай мельком оглядел парковку в поисках черных седанов. Ни одного.

Зазвонил его мобильник, и Скай проверил номер, опасаясь, что это мэр.

— Мария, — сообщил он Шале. Желудок сжался в комок. По-прежнему обнимая ее одной рукой, Скай ответил на звонок: — Прошу, скажи, что новости хорошие.

— Операция закончилась. Доктор говорит, все прошло отлично, перспективы прекрасные.

— Слава богу!

Давление на грудь ослабло. Он улыбнулся Шале, и та ответила улыбкой.

— Я собираюсь заскочить за сэндвичами, — сказал Скай сестре. — Узнай, нужно ли кому-нибудь еще что-то, я все принесу.

— Как насчет дюжины пончиков? Ох... Ты еще не говорил Рэдфуту о Джесси?

— Нет. Не хотел его тревожить. Кстати, о Рэдфуте. Мне надо кое-кого встретить, так что можешь сама отвезти его домой?

— Конечно. Увидимся через несколько минут.

— Так Джесси поправится? — спросила Шала, едва Скай нажал отбой.

— Врач говорит, перспективы прекрасные. — Он снова подтолкнул ее в спину. — Пойдем, в закусочной через дорогу продают отличные сэндвичи. Вчера ты почти не ела. Уверен, голодна как волк. — Он посмотрел на часы. — К сожалению, кормить волка придется быстро. Мне нужно спрятать тебя и дать просмотреть все сделанные снимки, пока я встречаю техасских рейнджеров. Они захотят забрать камеру, значит, надо перекачать фото на мой компьютер до их приезда.

— Спрятать меня? Где?

— У друга. Он военный и бывший коп. Живет в паре миль от моего дома. Он присмотрит за тобой, пока я работаю.

Шала нахмурилась:

— Ты правда думаешь, что это необходимо?

Скай вскинул бровь:

— Даже не начинай. — И хотя Шала продолжала хмуриться, он видел, что мысленно она уже сдалась, так что заверил: — Он отличный парень.

Шагая по переходу, где-то среди пения птиц и людских голосов Скай расслышал рев автомобильного двигателя. А обернувшись, увидел, что прямо на них несется серебристый внедорожник.

Шала увидела, как Скай обернулся, а затем почувствовала, как он обхватывает ее — жестко и быстро. Его плечо, мощное и мускулистое, ударило ей прямо в живот, вышибая воздух из легких и отбрасывая ее на несколько метров — вверх и в сторону. Шала шлепнулась спиной на землю; сверху приземлилось что-то тяжелое, но тут же скатилось. Подождите-ка... Не «что-то», а «кто-то». С нее скатился Скай.

В ушах зазвенело от рева двигателя в сопровождении визга шин. Вонь выхлопных газов подсказала Шале, насколько близко от нее пронесся автомобиль. Она хватала воздух ртом, но кислород в горло не поступал.

Скай вскочил на ноги и вытянул что-то из-под рубашки. Пистолет. Он прицелился, но не выстрелил.

— Что б тебя, сукин ты сын!

Эти слова так и крутились в голове. А затем пришло озарение: «*Кто-то пытался раздавить меня в лепешку!*» Все еще задыхаясь словно рыба, вытасченная из воды, Шала посмотрела на нависшего над ней Ская. Наконец легкие заработали и втянули необходимый кислород. Звучало, наверное, будто тут слона душили.

— Ты цела? Эн джей шесть три два восемь. Эн джей шесть три два восемь...

Дышать стало легче, но речевые функции еще не восстановились, так что Шала просто кивнула.

— Эн джей шесть три два восемь, — повторил Скай. — Номерной знак «эн джей шесть три два восемь». Встать можешь?

— Кажется, да, — выдавила она.

Он помог ей подняться и, притянув к себе, обнял. Крепко. Шала чувствовала, что вокруг собирается толпа. Да и плевать! Ей хотелось просто стоять вот так и впитывать силу Ская.

— Все хорошо, — сказал он.

— Я знаю, — прошептала Шала и тут поняла, что обращаются не к ней.

— Я этим займусь, — сообщил Скай толпе. — Расходитесь, мы разберемся.

Он казался спокойным, но Шала знала правду. Чувствовала, насколько напряжено его тело. Слышала, как под прижатой к его груди щекой, колотится сердце. Скай по-прежнему ее обнимал, а Шала позволяла. Затем ощутила, как сдвинулась его рука, и раздался звук набора номера.

— Марта, это Скай. Мне нужно знать, на кого зарегистрирован автомобиль. Номер — Эн джей шесть три два восемь. Позвони, как только выяснишь... Просто сделай это! И свяжись с Рикардо и Питом, пусть один из них летит к больнице и ищет серебристый внедорожник с этим номером... Просто сделай! — повторил он, нажал отбой и, осторожно отстранив голову Шалы от своей груди, сердито нахмурился: — Проклятье, у тебя кровь.

Рот наполнился привкусом меди, и Шала вспомнила:

— Я прикусила губу, когда приземлилась.

— Пойдем, пусть тебя осмотрит врач. — В голосе Ская вновь послышались властные стальные нотки.

Она высвободилась из его объятий:

— Я в порядке. Смотри. — И оттянула губу, демонстрируя повреждение.

Скай привычно потер лицо ладонью и потащил упрямыцу в больницу.

— Я сильно тебя ударил. — Он снова, словно плащ, нацепил вину.

— Ты сбил меня с пути мчащейся машины. Прокушенная губа — маленькая цена. И уж точно не причина идти к врачу.

Скай не остановился, пока за ними со свистом не закрылись больничные двери.

— Можешь поклясться, что не пострадала?

— Клянусь.

Он посмотрел на выход.

— Тебе нужно его догнать? — спросила Шала.

— Нет, гаденыш смылся. И я уже отправил на поиски патрульного.

— Какое разочарование, — вздохнула она, надеясь, что немного юмора снимет напряжение.

— В смысле?

Шала усмехнулась:

— Просто полицейские в кино — ну, знаешь, голливудские копы — преследовали бы негодяя пешком, потом конфисковали бы мотоцикл или какой-нибудь «порше», а после будоражащей скоростной погони прыгнули бы на крышу движущейся машины и схватили бы гада.

В глазах Скай заискрился смех.

— Ага, я так и собирался, но не хотел красоваться. Мы же только начали встречаться.

— Смешно.

Легкомысленное настроение исчезло столь же внезапно, как появилось. Пока Скай вел Шалу к лифту, в ушах все еще звучали его слова, по телу расплзалась дрожь — начиная от талии, где лежали его руки, — и воспоминания об их поцелуе проигрывались в голове, словно медленная музыка.

Которая с визгом остановилась, когда рухнул очередной эмоциональный барьер Шалы. «Я не могу». Она отстранилась.

— А еще смешна эта ложь, мол, мы встречаемся.

— Чего это ложь? — удивился Скай.

— Я уже говорила.

Шала уставилась на закрывшиеся двери лифта, желая вот так же закрыть свое сердце.

— Я, видимо, прослушал. Это было прямо перед тем, как ты меня поцеловала?

Она впиалась в Скай взглядом, чувствуя, как эмоции выходят из-под контроля.

— Это ты меня поцеловал. Не я тебя.

— Семантика. — Скай подошел ближе, прикоснулся. Наклонился и прижался губами к виску Шалы. — Ведь тебе это понравилось не меньше, чем мне.

— Это кто такое сказал? — огрызнулась она.

Чистая правда, но ему Шала в этом никогда не признается. Как и себе.

Ага, самообман рекомендован врачом. Или, по крайней мере, не запрещен, в отличие от сигарет.

— Я. Я говорю. — Скай рассмеялся. — И, бьюсь об заклад, если спросишь мэра, он тоже подтвердит.

— Видишь, не так уж это и сложно, женщина.

Рэдфут вытянул шею, встретившись глазами с Вероникой.

Потребовался почти час, чтобы заманить ее к себе в койку.

— Только на минутку. И клянусь, если нас застукают, я скажу, что ты меня принудил.

— Не скажешь.

Рэдфут улыбнулся и прижался губами к ее губам. Поцелуй затянулся — это ли не показатель, что женщина хочет мужчину? Нуждается в нем?

Он переместил руку к округлой груди. Насладившись сладкими, как и положено женским, губами, Рэдфут начал целовать ее шею. И, черт, его «часовой» тут же встал по стойке смирно! Может, таблетки больше не нужны? Может, теперь, когда одной страстью чувства не ограничиваются, тело согласно сотрудничать?

Рэдфут начал играть пальцами с сосками любимой, и тут она отодвинула его руку:

— Кажется, твоя минута истекла, вьехо.

Индеец засмеялся и чмокнул ее меж грудей. Вероника обхватила его за шею и крепко прижала к себе:

— Ты ужасный человек, но благодаря тебе я чувствую себя молодой и дерзкой.

— Ты и так молодая и дерзкая. — Рэдфут попытался отстраниться, но его волосы запутались в крошечных пуговицах на ее блузке.

— Рэдфут, мне нужно встать, пока кто-нибудь не пришел.

— Я б с радостью помог, но мои молодые и дерзкие волосы зацепились за твои пуговицы.

Вероника толкнула его, и индеец почувствовал, как выдираются пряди.

— погоди. Дай я заберусь сверху, и ты посмотришь, как все это распутать.

Он перевернулся, взгромоздившись на свою женщину, простыня соскользнула, и голые ягодицы обдало прохладным ветерком.

— Подними голову, — хихикая, попросила Вероника.

— Я тут задом свечу, — сквозь смех пожаловался Рэдфут.

— Зад не так уж плох, — поддразнила она. — Ну приподними голову хоть чуть-чуть.

Он попытался, но волосы зацепились намертво. Тогда индеец опустил лицо к груди Вероники и вновь попробовал подняться.

— Не сейчас. — Ее пальцы ковырялись в его вихрах. — Только попробуй.

Она легонько толкнула Рэдфута — вспышка боли, и его нос опять уткнулся в женское декольте. Вероника потянула его вверх — он снова рухнул. Кабы не подозрения, что эта игра сделает его лысым, Рэдфуту бы даже понравилось. Так они и развлекались — голозадый индеец двигается вверх-вниз, оба что-то бормочут и хихикают, а иногда и стонут, — когда позади с шумом распахнулась дверь.

Рэдфут дернулся, чтобы прикрыться простыней. К сожалению, движение принесло лишь вспышку боли в голове, и он в очередной раз уткнулся в Веронику. Та попыталась вывернуться, но куда сбежишь, когда к твоей груди прицепилась добрая половина чужой шевелюры.

— Ма-а-ам? — Голос эхом разлетелся по палате. Вероника застыла, и Рэдфут услышал такие слова, каких ее уста никогда прежде не извергали.

— Па-а-ап? — Раздался другой голос, и индеец узнал собственного сына.

— Убирайтесь! — рывкнул он.

Послышался звук отступающих шагов.

С помощью того, что можно описать только как «материнскую силушку», Вероника оттолкнула от себя Рэдфута, лишив его большей части скальпа, и соскочила с койки.

— Мой сын! — обвиняюще закричала она. — Ты сказал, он не явится в больницу. А теперь он видел меня и... он знает. О боже! Что ты сотворил со мной, Рэдфут?

* * *

Хосе смотрел на Рамона, ошеломленно застывшего возле палаты Рэдфута.

— Скажи, что мы этого не видели. Скажи, что этого не было.

Бедняга прижал ладони к глазам, будто ребенок, вынужденный смотреть ужастик.

— Не знаю, что это было. Но могу поклясться, что ничего не видел.

Хосе зажмурился, надеясь, что это поможет. Но картинка, словно плохой порно-ролик, снова и снова проигрывалась в голове: вот задница его старика двигается вверх-вниз, вверх-вниз. И тогда весь комизм ситуации смехом забурлил в груди.

— Предлагаю сделку. Ты выткнешь глаза мне, я — тебе.

— Выткнешь глаза? Я уже ослеп! И никогда не стану зрячим.

Хосе расхохотался:

— Говорю тебе... здорово знать, что мы все еще сможем делать это в таком возрасте. Видел, как они наяривали?

— Не смешно.

— Очень даже смешно, — продолжал развлекаться Хосе. — Как кролики!

И только сейчас заметил, что во взгляде друга веселья не наблюдается.

— Это моя мать, черт возьми! И я убью твоего отца. — Он шагнул к двери.

— Нет. Оставь их в покое. — Хосе схватил Рамона за руку.

Тот обернулся, и выражение его лица не предвещало ничего хорошего.

* * *

Скай только закончил говорить по телефону с Лукасом, который ждал их на выходе из отделения неотложки, когда позвонила Марта. Серебристый внедорожник принадлежал доктору Генри Майклзу. Скай ни на секунду не поверил, что приятель к этому причастен.

— Засранец, видимо, угнал машину Генри.

— Не хотелось бы, чтобы это прозвучало не по-христиански, — сказала Марта, — но если он тронет мой «Кадиллак», я лично отправлю его к Иисусу для вразумительной беседы.

Оставив Шалу с Лукасом, Скай прочесал больничную парковку. И нашел черный седан. Согласно полученным данным, машину вчера украли в Сан-Антонио. Установить личность преступника это не поможет, а вот временные рамки... Парень не мог приехать в город раньше вчерашнего утра. Значит, снимок, вызвавший весь этот дурдом, Шала сделала уже

после... Если на снимке именно этот человек. А то его могли просто нанять. Дерьмо, все без толку. Остается надеяться, что в машине есть отпечатки, которые хоть куда-нибудь приведут.

Скай позвонил Рамону. Механик слонялся где-то в больнице, так как его эвакуатор — вместе с тем, что, предположительно, являлось разбитой тачкой Хосе, — был припаркован в паре мест от черного седана.

Рамон не ответил, но Скай наткнулся на него, когда возвращался в здание.

— Привет. Я как раз пытался тебе дозвониться.

— А я не ответил, и на то есть причины. — Рамон даже не остановился.

Скай двинулся за ним к стоянке:

— Что случилось?

— Твой гребанный папаша случился. И запомни, если этот старик считает, что может творить с моей мамой всякие непотребства, ему лучше хорошенько подумать.

Скай открыл было рот, но понятия не имел, что сказать:

— Я... Что?

— Твой старикашка кувыркается с моей мамой, вот что! И мы с Хосе только что стали этому свидетелями!

— Тпру. — Скай поднял руку. Его мозг не хотел вникать в смысл этих слов, а уж тем более их визуализировать. — Что?!

— Ты слышал. Он кувыркался с моей мамой в своей больничной койке! У твоего старика, видимо, нет тех же проблем со стояком, что у тебя.

— Что? Нет у меня проб... — Тут до него дошла остальная часть фразы. — Рэдфут никогда не стал бы...

Голос снова подвел, но Скай продолжал идти рядом с Рамоном.

— Слушай, наверняка произошла какая-то ошибка. Но прямо сейчас мне нужно, чтобы ты кое-что сделал.

— Ну да. Вот только прямо сейчас я не слишком-то готов к сотрудничеству. — Рамон достал из кармана ключи. — Можешь у Хосе спросить.

— Нет. Нужно, чтобы ты оставил машину, которую эвакуируешь, и доставил другую, — Скай указал на черный седан, — к полицейскому участку. За этой вернешься позже.

— Как я уже сказал, я не готов к сотрудничеству, — повторил механик.

— Это важно. Речь о стрелявшем в Джесси.

Ярость исчезла из глаз Рамона.

— Ладно. Но клянусь богом, Скай, при следующей встрече я навалю твоему старику.

— С этим разберемся позже, — отмахнулся Скай.

Да он сам выбьет дерьмо из любого, кто тронет Рэдфута — Рамон не исключение. Однако что за громадная неразбериха там произошла?

Скай вдруг вспомнил таблетки, которые отец всучил ему прошлым вечером. Ну, допустим, мать Рамона и Рэдфут спят вместе. Но ничто в мире не заставило бы старика заняться сексом прямо в палате, куда может войти любой. Он слишком ценил личную жизнь.

Рамон завел эвакуатор и начал сбрасывать машину. Когда он вышел, чтобы отцепить «Мустанг», Скай спросил:

— Это арендованная тачка Хосе?

— Угу. И, когда увидишь его, скажи, я сожалею, что ему вмазал. Он не в ответе за

Рэдфута.

Скай покачал головой. У Хосе выдался чертовски плохой денек.

— Сукин сын! — пробормотал Хосе, разглядывая себя в зеркале больничного туалета.

На лбу красовалась огромная шишка, глаза радовали чернеющими вокруг фингалами, из носа все еще торчали колючки — к тому же блондинка неслабо вдарила по нему «Рибоком», — а теперь еще и губа распухла. А в мозгу засела картинка, как папа имеет свою соседку.

Хосе плеснул в лицо водой:

— Добро пожаловать в гребанное Совершенство.

Утеревшись бумажным полотенцем, он вышел в коридор и уставился на дверь в отцовскую палату. Неизвестно, ушла ли мать Рамона, так что лучше наведаться в хирургию, узнать, как там Джесси, и, возможно, найти Ская. Смотреть на отца Хосе сейчас точно не сможет. Единственный плюс сложившейся ситуации в том, что они могли бы поговорить о чем-то помимо его возвращения в родные пенаты.

«Ну что, папань, как тебе секс со старушкой Клауд на больничной койке?»

В приемной хирургии ни Ская, ни Марии не обнаружилось, зато Хосе заработал несколько странных взглядов. Он знал по имени большинство встреченных здесь людей, но и остальных помнил хотя бы внешне. Он вырос в этом городишке и видел их десятки раз в магазине или закускойной.

Заметив Шерил — еще одну подружку Марии и Джесси, — Хосе спросил о сводной сестре.

— Кажется, она говорила, что хочет сбежать в кафешку на третьем этаже и взять чего-нибудь перекусить, — сообщила Шерил, разглядывая его лицо. — Что с тобой произошло?

— Просто на кое-что наткнулся.

Она усмехнулась:

— Выглядит так, будто ты на много чего наткнулся. — И указала на кровь на его рубашке.

Отмахнувшись, Хосе направился в кафе. А выйдя из лифта на третьем этаже, увидел Марию: она стояла у прозрачной перегородки, прижав нос к стеклу, словно ребенок у витрины кондитерской.

Желая избежать неловкости, Хосе подошел и замер рядом. Мария даже не повернулась, чтобы посмотреть на него. Так и стояла, глядя на спящего в кроватке младенца.

— Это ребенок кого-то из наших знакомых? — спросил Хосе.

Мария отскочила и наконец его заметила. А он заметил отразившиеся в ее глазах эмоции. Уже известно, что с Джесси все хорошо, значит, грустить Марию заставляет что-то еще...

— Ты как?

— Нормально. — Она вытерла щеки. И уперлась взглядом в кровь на его рубашке. — Что с тобой произошло?

Хосе пожал плечами, сомневаясь, что сможет произнести это вслух:

— Ты не поверишь.

Между бровей Марии пролегла глубокая складка.

— Кто знает. После всего, что я видела прошлым вечером и этим утром, меня вряд ли можно удивить.

«Ладно, заслужил».

Вздыхнув, Хосе сунул руку в карман и начал перебирать ключи.

— Кажется, я должен перед тобой извиниться.

— Да ну?

— Я сожалею.

Мария снова мельком глянула в окно детской комнаты, и глаза ее наполнились слезами.

— О чем, Хосе? О чем ты сожалеешь? О прошлой ночи или последней паре лет?

Он затаил дыхание, не уверенный, что готов к этому разговору. Черт, он вообще не знал, что хочет сказать! Стоит ли попросить о втором шансе? Или Хосе обманывает сам себя, полагая, будто этот шанс вообще возможен? Если что-то и прояснилось за последние двенадцать часов, так это его полная несовместимость с Совершенством. И все же этот разговор необходим.

— Ты бы поехала со мной, если бы я попросил? — выпалил Хосе.

Мария молчала, будто вопрос не имел никакого смысла.

— Не знаю, — наконец произнесла она. — Но мне казалось, ты сказал, что твоя работа важнее меня.

Хосе покачал головой:

— Я такого не говорил.

— Но ведь это правда, да? Ты предпочел мне Нью-Йорк.

— Я предпочел Нью-Йорк Совершенству. Дело не только в работе, Мария. А именно в месте. Я ненавижу Совершенство. Ненавижу его миниатюрность, здешнюю жару. Ненавижу всеобщие ожидания, что я стану точной копией отца, напялю этот маскарадный костюм и буду выполнять дурацкие ритуалы, в которые не верю. Ненавижу разочаровывать своего старика, когда рядом вы со Скаем — такие правильные.

Слеза скатилась по щеке Марии.

— Не смей винить нас в своих отношениях с отцом.

Она развернулась, собираясь уйти, но Хосе схватил ее за руку:

— Подожди. Я не в том смысле... Я вас не виню. Лишь себя, и этот город просто постоянно мне об этом напоминает.

Он притянул Марию к себе и обнял. И плевать, что не имел на это никакого права. Хосе зарылся носом в ее мягкие черные волосы.

— Мария, ты не представляешь, сколько раз я поднимал трубку, чтобы позвонить и позвать тебя к себе. Но это было бы нечестно. Просить тебя отказаться от этого места, когда я знаю, как много оно для тебя значит. Потому я ждал, а вдруг ты приедешь сама...

— Это ты свинтил, — ответила она, не отстраняясь. — Почему я должна была бежать следом?

Хосе сглотнул ком в горле, чувствуя, как ответ вибрирует в голове. «Потому что тогда бы я понял, что значу для тебя больше, чем Совершенство». Но он не мог произнести этого вслух. Хосе положил руку на затылок Марии. Сказать было нечего, но одно он знал наверняка: обнимать ее чертовски приятно. Раздался звонок открывающегося лифта. Послышались шаги, но Хосе не был готов отпустить Марию.

Она вырвалась сама. Подняв глаза, он увидел застывшего неподалеку мужчину и в тоже время услышал испуганный вздох Марии. Потребовалась еще пара секунд, чтобы сообразить: парень с песочными волосами, в данный момент убивающий Хосе взглядом, — тот самый, кто застучал его прошлой ночью голым, пьяным, принимающим спринцовочный душ.

Не говоря ни слова, новоприбывший повернулся, чтобы уйти. Мария смотрела, как он сделал шаг, второй... Сердце Хосе пело от счастья. Она не пошла за ним! Ага, слишком рано обрадовался. Через мгновение Мария сорвалась.

— Мэтт? — окликнула она.

«*Это ты свинтил. Почему я должна была бежать следом?*» Видимо, к Мэтту это не относилось, потому как за ним она бежать готова.

Лифт снова открылся. Пожилой мужчина вышел, Мэтт зашел. А за ним и Мария. Двери закрылись, Хосе остался в одиночестве. И второй раз за утро почувствовал себя оглушенным.

* * *

Сердце бешено колотилось о ребра. «*Что я делаю?*» Мария уверила себя, что с Мэттом покончено. Очевидно же, в Далласе у него другая. Дура. Но как же хотелось надеяться... Мария видела, как Мэтт смотрел на них с Хосе. Видела боль в его глазах. Но он все не так понял! Может, и она ошиблась насчет Далласа?

— Я слышал о Джесси, — сказал Мэтт, глядя в сторону. — Подумал, что нужен тебе. Совсем забыл, что у тебя есть кое-кто другой.

— Все не так.

— А как же? — Он хмуро уставился на двери лифта.

«Почему ты не смотришь на меня?»

— Было, но прошло, — призналась Мария. — Давным-давно.

И сама почувствовала лживость этих слов. Потому что не «прошло». Ничего не кончено. Прежде чем двигаться дальше, нужно рассказать Хосе правду.

Джесси была права — он должен знать о ребенке. Последняя точка, так необходимая Марии. Но тогда придется признаться и Мэтту. Рассказать, что потеряла малыша Хосе и потому не сможет больше родить.

Мария вдруг поняла, что Мэтт наконец-то на нее посмотрел. Словно пытался прочесть ее мысли.

— Ты права. Все совсем не так, как мне почудилось. Все гораздо серьезнее.

— Он обнял меня. Вот и все.

Что ж, почти правда.

Мэтт покачал головой:

— Я уже однажды с таким сталкивался. Любил женщину, которая любила другого. Я заплатил высокую цену. До сих пор плачу, и отказываюсь проходить через это снова.

— Все не так, — повторила Мария.

— Да ну? Посмотри мне в глаза и скажи, что больше его не любишь. Скажи, что он больше ничего для тебя не значит.

Она открыла рот, но слова отказывались выходить наружу. Хосе ей не безразличен. Мария не влюблена в него, но можно ли сказать, что она его не любит? Чувства к нему такие спутанные... В сердце Марии целых два Хосе: Хосе-мужчина и Хосе-сын-Рэдфута. Но как объяснить это Мэтту, когда она и сама толком не может разобраться?

Время истекло. Двери лифта разъехались, Мэтт вышел, и Мария почувствовала, что он

никогда не вернется.

* * *

Хосе добрался до этажа отца в тот же момент, когда открылся другой лифт, и оттуда появилась Мария. Она снова плакала.

— Все хорошо?

Она посмотрела на него со смесью ярости и отчаяния:

— Нет, все плохо. И, вероятно, уже никогда не будет хорошо.

Это она о Мэтте? Хосе не знал, испытывает ли радость от того, что они, возможно, расстались, или вину, потому что стал тому причиной. Он двинулся за Марией по коридору.

— Я не хотел вызывать проблемы.

Они добрались до палаты Рэдфута, и Мария собралась было толкнуть дверь, но Хосе схватил ее за руку:

— Сначала постучи.

Она закатила глаза:

— И что он сделает? Скажет: «Входите»?

— М-м-м... просто на всякий случай, — промямлил Хосе и постучал.

— Входите, — отозвался Рэдфут.

Они шагнули в палату. Старик кивнул. Хосе кивнул в ответ. Повисло молчание.

— Выглядишь, как застарелое дерьмо, — наконец произнес Рэдфут.

— Ты тоже, — отозвался Хосе.

— Обожаю, как вы демонстрируете свою привязанность. Мужики... — Мария подтолкнула его к койке. — Иди и обними своего отца.

Хосе так и сделал. Рэдфут обхватил его руками и неловко сжал:

— Не знал, что ты приедешь.

— Я услышал о случившемся и заволновался.

— А жил бы здесь, и волноваться бы не пришлось.

Ага. Проклятье! Хосе надеялся, что, застукав отца кувыркающимся с соседкой, получит хотя бы несколько минут передышку. Размечтался.

— Тебе сказали, когда можно домой? — спросила Мария.

— Доктор только ушел. Могу выписываться. Говорит, я в отличной форме. Для чего угодно.

— Я бы мог ему об этом многое поведать, — вставил Хосе.

Мария непонимающе на него глянула и снова повернулась к отцу:

— Он тебя в чем-нибудь ограничил?

— Если и да, то слишком поздно, — пробормотал Хосе и пожал плечами, когда Мария снова на него посмотрела. — Ну просто он выглядит так, будто может прямо сейчас... с мечом в бой.

— Ты только что сказал, что он выглядит, как дерьмо.

Хосе уставился в окно:

— Угу, но лишь после того, как он сказал мне то же самое.

— Не ходил я «с мечом в бой», — высказался в свою защиту Рэдфут. — Я застрял. Хосе поперхнулся.

Мария переводила взгляд с него на отца и обратно:

— Где застрял?

— Никогда не слышал, чтоб вот так застревали, — с трудом выдавил Хосе.

— Да о чем вы? — не выдержала Мария.

Рэдфут хлопнул ладонью по матрасу:

— Кто-нибудь даст мне штаны, или мне по дороге сверкать голым задом?

— Несколько минут назад ты об этом не беспокоился, — заметил Хосе.

Скай скинул фотографии с камеры на флешку, после чего перевез Шалу вместе со своим ноутбуком в дом Лукаса, чтобы она могла просмотреть снимки. Скай не сомневался, там она в безопасности. Но это не помешало ему четырежды позвонить и проверить.

— Что, боишься, я буду подбивать к ней клинья? — пошутил Лукас.

До этих слов Скай не боялся, а тут вдруг почувствовал собственнические порывы. Что-то новенькое. Конечно, никто не захочет, чтобы другой парень подкатывал к его женщине, но ревность? Скай никогда не ревновал.

И сейчас не собирался. Просто их отношения с Шалой едва начались, и другой мужчина может легко вмешаться и все оборвать раньше, чем это сделает сам Скай. Оборвать? Мысли в голове закружились, в ушах громыкнуло предупреждение мэра:

«Нам только ее разбитого сердца не хватало».

Скай не разбивал чужьи сердца. Большинство женщин с самого начала понимали, на что идут. Знали, что с ним не стоит рассчитывать на что-то долгосрочное и серьезное. Он и дамы наслаждались компанией друг друга, а когда веселье заканчивалось — кто-нибудь уходил. И то, что обычно это был Скай, ничего не значит.

«Боишься, я буду подбивать к ней клинья?»

Он снова набрал номер Лукаса.

— Привет.

— Ну? — отозвался друг. На заднем фоне послышался смех.

— Что вы там делаете?

— Играем в «Скрэбл».

— Ты наконец нашел себе соперника? — Прежде чем завязать, Лукас всякий раз, как напивался, просил Ская сыграть с ним. Этот парень обожал игры в слова.

— Хочу тебе сказать — твоя женщина жульничает.

«Твоя женщина». Собственнические инстинкты чуть поутихли.

— И как же она жульничает?

Скай решил, что такая информация пригодится в дальнейшем, но, дьявол, как же хотелось узнать это не из вторых рук. Он хотел сам выяснить о Шале все эти мелочи.

— Она пытается меня убедить, мол, «дерьмовенький» — это слово. Ну я ей сказал, что дерьмовенькое из него слово.

— Что только подтверждает: это слово есть, — издали вклинилась Шала и снова рассмеялась, а Скай вспомнил, как она при этом выглядит.

Муки ревности, возможно, испарились, но завидовал он до чертиков. Хотелось быть там, видеть, как она смеется, заставлять ее смеяться... Нутро подсказывало, что в последнее время Шала этим не часто грешила. И Скай мечтал стать тем, кто исправит подобную несправедливость.

— Она уже просматривала фото? — В голосе послышалась досада. Проклятье.

— Весь чертов день. Изучила снимков пятьсот, не меньше. Я заставил ее сделать перерыв.

Скай хотел сам заботиться о Шале, настаивать на перерывах, быть ее героем, несмотря на ее замечание, мол, он не чета голливудским копам. Кто ж знал, что вытолкнуть ее из-под колес окажется недостаточно? Конечно, сразу было ясно, что это шутка, но эго-то все равно

задело.

— И пока ты не спросил: да, я накормил ее ужином.

— Хорошо.

«Хватит вести себя как идиот!»

— Я уже скоро закончу. До встречи.

Скай едва не попросил передать Шале, чтоб не ложилась спать, дождалась, но вовремя спохватился. Еще глупее было бы позвонить ей самой, будто втюрившийся подросток.

Лукас отключился, и Скай сунул мобильник в карман. *«Да что с тобой за фигня творится?!»* Наверное, все из-за дела. Да. Вот уже восемь часов Скай работал с Филлипом и рейнджерами, и что? А ничего. Восемь часов в попытках не думать о Шале, об их поцелуе, о том, как же хочется вновь ее поцеловать. Как хочется большего. Когда в последний раз Скай так безумно желал женщину? Когда желал чего-то большего, чем просто секс?

Конечно, он тоже на повестке дня, но Скай мечтал просто узнать Шалу поближе, выяснить, какие блюда она любит, и приготовить их для нее. Прежде весь этот «узнать поближе» период лишь помогал добиться секса, или сохранить секс. Теперь же Скай ждал процесса *узнавания с нетерпением. Что вновь возвращало к вопросу: «Да что с тобой за фигня творится?!»*

— Ты в норме? — спросил Филлип.

Скай кивнул:

— Поздно вчера лег.

— Женщина? — догадался приятель.

— Не в том смысле, о котором ты подумал.

Настроения делиться не было.

— Может, отправишься на боковую? Думаю, здесь мы тоже уже ничего не найдем.

Они вернулись в отель, чтобы еще раз осмотреть номер. Но после десяти минут топтания на месте, даже два энергичных криминалиста заскучали.

Единственная сегодняшняя находка — машина Генри. Без отпечатков. В черном седане и на пистолете тоже ничего. Значит, парень либо профессионал, либо везунчик. А так как обе его тачки теперь у полиции, он или бегают пешочком, или угнал что-то еще. Или же у него есть сообщник.

Вопросы. Много чертовых вопросов и ни одного ответа.

Скай посмотрел на окровавленную стену. От одного взгляда на нее внутренности по-прежнему сжимались, хотя теперь, когда Джесси вне опасности, уже не так сильно. Затем переключился на чемодан Шалы. Филлип точно не позволит ничего забрать с места преступления, значит, ей придется пробежаться по магазинам. Скай представил, как будет ходить с ней, узнавать ее вкусы...

Господи, помилуй! Захотеть шляться по магазинам с женщиной?

А ведь у нее даже зубной щетки нет. И чего-нибудь, в чем спать. В голове тут же вспыхнула потрясающая картинка: Шала, нежная и сексуальная, в постели, в живописной позе на простынях...

— Завтра мы хотим поговорить с Уинтерс, — сказал Филлип, выдергивая товарища из грез. — Я кое-кому поручил просмотреть снимки в поисках очевидного. Пока ничего. Завтра гляну сам, а потом свяжусь с тобой, договоримся о встрече.

— Ладно. Мне привезти ее в участок, или сам к ней приедешь?

— Где, говоришь, она остановилась? — спросил Филлип, хмуро глядя на кровь.

— У моего друга.

— Он в состоянии ее защитить, если потребуется?

— Он бывший военный и бывший коп, — пояснил Скай.

Хотя не стал упоминать о нынешней работе — что-то для правительства; предположительно, подготовка спецопераций, но Лукас в подробности не вдавался. Чем бы он ни занимался несколько недель каждые полгода, это позволяло ему покупать отличные игрушки. Однако помимо лодок и машин появился еще и алкоголизм. Пока в прошлом году Лукас наконец не взял себя в руки.

— Давай все же приведешь ее в участок, — предложил Филлип. — Если не боишься, что ее будут преследовать.

— Договорились.

К тому времени Шала уже, наверное, будет крайне раздражена сидением взаперти. Нельзя же продержат ее в доме вечно. «Пока я или Лукас рядом, она в безопасности».

Скай глянул на часы — почти девять. А ведь нужно еще заскочить к Рэдфуту и к себе домой, прежде чем отправиться к Шале.

— Я, пожалуй, пойду.

Кивнув на прощание, он вышел к грузовику, одолженному Лукасом на случай, если преступник решит последить за шефом полиции. Едва он уселся, зазвонил телефон. Скай проверил номер. На одно безумное мгновение вспыхнула надежда, что это Шала, что ей нужно — а еще лучше, она хочет — с ним поговорить, но нет. Мария. Она сегодня уже звонила пару раз. И Скай уже огорошил ее новостью, что остановиться у него не получится — слишком опасно. Сестра не жаловалась, но сообщила, что в доме отца царит жуткое напряжение, хоть ложкой ешь. И ни Рэдфут, ни Хосе не хотели объясняться.

Очевидно, Марии трудно находиться рядом с Хосе. Вот вам и главный пример того, почему Скай не стремился к «вечной любви», которой так жаждала сестра. Ладно, не главный пример. Эти лавры отошли его родителям.

* * *

Шала наблюдала, как соперник подставляет свои последние две буквы и объявляет себя победителем.

— Не можешь сделать девушке поблажку, да?

— Просто потому, что ты женщина?

Лукас был примерно того же роста, веса и лишь немногим старше Скай — то есть лет тридцать пять, под метр девяносто, и за девяносто килограммов сухой мышечной массы, — однако мужчины очень отличались. Телосложение Лукаса подходило для полузащитника в американском футболе, а Скай ассоциировался, скорее, с бейсболом или футболом классическим.

— Я перестал давать девушкам поблажки, когда они начали зарабатывать столько же. К тому же, я ненавижу проигрывать в «Скрэбл». — Лукас рассмеялся и провел рукой по густым волосам — коротким и каштановым.

Глаза у него были карие (у Скай черные), а очаровательная чуть кривоватая ухмылка,

несомненно, лишь добавляла негоднику привлекательности.

— Никогда бы не догадалась, — поддразнила Шала.

Ей нравился Лукас. С ним она чувствовала себя уютно. В безопасности. В отличие от того же Ская.

Речь не о физической безопасности. Блин, да он ведь дважды ей жизнь спас! Сначала вытащил из гостиничного номера, когда туда явился фотоаппаратный вор, а затем из-под колес внедорожника. Нет, рядом со Скаем грозила иная опасность — страсть. Поцелуи, прикосновения... жажда вновь погрузиться в романтику, в любовь. А значит, открыться для возможной боли. «Ты к этому готова?»

В сумочке забренчал мобильник. Сердце подпрыгнуло и сжалось в надежде — а вдруг Скай? Он несколько раз звонил Лукасу, а Шале ни разу, хотя и взял перед уходом ее номер.

И вовсе она не ждала и не хотела, чтобы этот упрямец позвонил. Ладно, хотела. Так же, как его поцелуев и всего того, что испытываешь, когда влюбляешься в парня. Проклятье, ведь Шала влюблялась. Влюблялась в Ская Гомеса. Несмотря на все опасности, несмотря на то, что знакомы они всего ничего, она никак не могла это остановить. И понятия не имела, желает ли останавливаться.

— Да? — Шала не стала смотреть на номер. Если звонит Скай, возможно, это знак, что ей стоит совершить прыжок веры...

— Какой у тебя размер нижнего белья, Голубые Глаза?

От голоса Ская на лице расцвела улыбка. А потом до Шалы дошло, что он сказал.

— Чего?

— Я и не знал, что существует так много видов трусиков.

— Чем ты там, черт возьми, занимаешься? — Она увидела, как Лукас встал и направился на выход, очевидно, давая ей немного пространства для приватной беседы.

— Я в «Уол-Март». Пока они не закрылись, пытаюсь выбрать для тебя кое-какие предметы первой необходимости.

— А не можешь просто принести мой чемодан?

— Это улика. И пробудет ею еще как минимум несколько дней, прежде чем его разрешат забрать. — Скай помолчал. — Ты носишь бикини? Стринги? — Голос его охрип.

Шала улыбнулась, представив смущенного шефа Гомеса в универмаге.

— Только не говори, что никогда прежде не покупал женщинам нижнее белье?

— Конечно, покупал. Просто не в «Уол-Март».

— Предпочитаешь «Виктория Сикрет»? — поддела она.

— Это которые продают всякие ароматизированные штучки?

Оба расхохотались. Шала подтянула колени к груди и обхватила их рукой. В голову полезли неожиданные и крайне эротические образы, пульс разогнался, щеки запылали.

Шала попыталась сосредоточиться:

— У меня четвертый размер.

— А фасон? Тут есть высокие, низкие, шортики...

— Я не привередлива.

— И стринги наденешь? — Голос Ская вновь стал хриплым.

Она ненавидела стринги. Они вызывали лишь шок и осуждение.

— Ну так? — Теперь голос буквально пыхал жаром.

— Конечно, — отозвалась Шала и тут же стукнула себя ладонью по лбу.

Из трубки послышалось низкое рычание, отчего улыбка стала шире, а все тело охватила

головокружительная легкость.

— Ладно. Следующая проблема. Размер бюстгалтера?

— Ты переходишь границу, — весело заметила Шала.

— Хорошо, я сам угадаю. Наверное... — Повисло молчание. — Ух ты! Есть один обалденный. Красное носишь?

Она снова усмехнулась:

— Красный подойдет, но только не со светлой одеждой.

— Я возьму разные. И размер выглядит подходящим. Тридцать четыре Си. Правильно?

— Потрясающе. Ты и правда в этом хорош, — честно ответила Шала. — А день рождения угадаешь?

— Легко. Пятнадцатое ноября. Но это я вычитал в интернете. О, и я уже нашел, в чем ты будешь спать.

Она намотала на палец прядь волос.

— Даже боюсь спросить.

— Ну да, мне тут кое-что приглянулось, но я хороший — взял нечто похожее не другие твои пижамы. Только эта голубая, под цвет глаз.

— Лукас сказал, что одолжит мне свою рубашку, — сообщила Шала, помня, что ее финансы несколько истощились.

— Ты не будешь спать в его рубашке. Я принесу тебе другую, если так хочешь.

Это что, ревность? Хоть какая-то справедливость, ибо на Шалу тоже уже накатывали приступы. Сколько женщин надевали для Ская ароматизированное белье?

— Также возьму тебе шорты и футболку, мало ли что. Надеюсь, завтра получится захватить тебя с собой, чтоб сама выбрала все необходимое на ближайшие несколько дней.

Несколько дней? Шала вернулась к реальности. Она здесь лишь на несколько дней. У них со Скаем несколько дней. До ее дома отсюда больше трехсот километров. «Ты готова нырнуть с головой в увлечение Скаем Гомесом? Поддерживать отношения на расстоянии? А что, если нырнешь, и ничего не получится?»

— Тут есть какие-то шорты цвета хаки и майка вроде той, что была на тебе вчера. Пойдет?

— Да, нормально, если не слишком дорого. Я экономлю.

— Это подарки.

— Ты не должен покупать мне подарков.

— Ты всегда такая упрямая? — спросил Скай.

— А ты? — парировала Шала.

— Возможно, — признал он.

— Я тоже.

Скай усмехнулся:

— Мне нужно заскочить к Рэдфуту и к себе домой, но я постараюсь управиться побыстрее. — И тишина. — Если ты уже будешь в кровати, когда я приду, мне... входить?

— Чтобы поговорить? — уточнила Шала.

— Я ж не лез к тебе прошлой ночью?

— Мне напомнить, что произошло?

— Я прослежу, чтобы такого не повторилось, — хмыкнул Скай.

— Хорошо, — сказала Шала и только потом задумалась, на что же согласилась.

Повисло неловкое молчание, будто должно быть сказано еще что-то. Вроде «Я скучаю»,

«Поспешి домой» или «Люблю тебя», но ничего из этого не подходило случаю. Очевидно, их отношения на каком-то странном этапе. Если это вообще отношения. «А ты решила, что так и есть, да?»

— Пока, — пробормотал Скай, словно ощутив повисшее напряжение.

— Пока, — ответила Шала.

Затем нажала отбой и посильнее обхватила ноги. Неловкость исчезла, осталось только легкое головокружение. И вот тогда до нее дошла абсурдность всей ситуации: ее преследовали, обворовывали, дважды едва не убили, зашивали, заставили торчать в больнице, и все же сейчас Шала чувствовала себя счастливее, чем когда-либо прежде. Удивительно, как небольшое человеческое участие способно исцелить душу. Ну, участие и предполагаемый роман. Шала почти забыла, насколько весело флиртовать. Забыла, каково это — чувствовать себя сексуальной.

Входная дверь распахнулась, и вместе с Лукасом в дом ввалились две собаки Ская. Поправочка: два волка Ская.

Шала поближе подтянула колени. Собаки замерли и уставились на нее.

— Как они тут очутились?

Лукас перевел взгляд с гостыи на животных:

— Весь день тут торчат. Скай, наверное, велел им присматривать за тобой.

Она нервно усмехнулась:

— Ну да. Так и сказал, мол, гоните к дому Лукаса и защищайте Шалу, а они взяли и пришли.

Лукас приподнял брови:

— Сомневаешься, что они понимают по-английски?

Он произнес несколько команд — сидеть, лежать, перевернуться, — и звери все выполнили.

— Они умные собаки.

— То есть волки?

— Частично волки, — согласился он. — Это Сандэнс. — Он указал на зверя посветлее. — А это Буч. И они настолько умные, что прямо сейчас знают: ты боишься.

— По уважительной причине. Они частично хищники.

Лукас опустил на колени рядом с Сандэнсом и похлопал пса по боку:

— Ага. Но разве в каждом из нас нет чего-то от дикого зверя?

— Я весьма ручная. А держать их как домашних животных не противоречит закону?

Дрожь пробежала по спине Шалы, когда ее глаза встретились с золотыми омутами Буча.

— Никогда о таком законе не слышал.

— Готова поспорить, Скай расстарался, — пробормотала Шала. — Чем он думал, когда брал этих метисов?

Лукас встал:

— Может, он их взял, потому что сам такой же?

Она смущенно сглотнула:

— Я не подумала...

— Все нормально, — улыбнулся Лукас. — Не волнуйся. Уверен, большую часть времени Скай держит своего внутреннего волка под контролем.

— Я не имела в виду...

— Да я ж тебя дразню! — Он расхохотался.

Один из псов приблизился к Шале. Лукас явно увидел беспокойство в ее глазах:

— Протяни руку и дай ему обнюхать. Не успеешь оглянуться, а вы уже лучшие друзья.

— В юности меня укусила большая собака, — сказала Шала, чувствуя необходимость объясниться.

— А на меня сегодня на улице птичка накакала, но я все еще собираюсь на улицу завтра.

Она засмеялась и осторожно протянула руку. Сандэнс и Буч медленно подошли. Их носы были мокрыми, а шерсть на ощупь оказалась не такой жесткой, как на вид.

— Видишь? Ты им нравишься.

Сандэнс отпихнул приятеля и сам подставился под ласки. Шала хихикнула.

— Полагаю, они не такие страшные, как я думала.

— Так в жизни обычно и бывает.

Она закусил губу, гадая, станут ли отношения со Скаем пугать меньше, если она позволит ему приблизиться...

— Так вы со Скаем... близки?

Лукас уже был на кухне. Он насыпал в две миски корма для собак, и оба зверя ринулись питаться.

— Мне нравится Скай. Я его уважаю. Без понятия, можно ли нас назвать близкими людьми.

Шала усмехнулась:

— Это из-за него или из-за тебя?

— Хороший вопрос, — кивнул Лукас, но хорошего ответа не предложил.

— И почему мне кажется, что тебе мало кто нравится?

— Мне много кто нравится, — хохотнул Лукас. — Проблемы в основном с пунктом про уважение.

— Но Ская ты уважаешь?

«Я тоже уважаю», — неожиданно пришло в голову.

— Ага, так и есть. — Лукас вдруг уставился на гостью. — Но я парень.

— Это ты к чему?

— А черт его знает. — Он снова отвернулся.

Шала хотела попросить, чтобы он объяснил. Хотела еще порасспрашивать о Скае. Но Лукас не походил на того, кто охотно обсуждает других, и ставить его в неудобное положение не хотелось. Он и так был более чем любезен, разрешив ей остаться здесь.

Шала поднялась:

— Наверное, пойду перед сном просмотрю еще несколько снимков.

— В твоей комнате в ванной я оставил новую зубную щетку и пасту, а еще одну из моих рубашек, в ней можно спать. — Взяв журнал с кроссвордами, Лукас плюхнулся в кожаное кресло.

— Я же не заняла твою спальню? — спросила Шала.

— Нет, у меня их три. Я всегда ночую в дальней.

Три? Значит, когда Скай приедет, он поймет, что не должен делить с ней комнату. Эта мысль вызвала смешанные чувства.

Шала направилась к себе, но оглянулась:

— Лукас?

— Да? — Он поднял взгляд.

— Спасибо, что позволил остаться. И за хорошую компанию. Мне сегодня было весело.

Лукас улыбнулся, и у нее возникло странное ощущение, что он тоже одинок. Как сама Шала. И как Скай. Вспомнилось, что сегодня в больнице его окружало множество людей. А еще у него были Мария и Лукас. Забавно, что даже в присутствии тех, кому он не безразличен, кто не безразличен ему, Скай все равно нес это бремя.

Наверное, одиночество — это состояние души. И возможно, пришло время это изменить.

Скай проскользнул в комнату. Лампа на прикроватной тумбочке горела, но Шала уже отключилась. Даже его ноутбук перешел в спящий режим. Скай бросил сумку с покупками на кресло и просто стоял и смотрел на Шалу.

Она спала в той же одежде, в которой ходила весь день, но он заметил сложенный на другой тумбочке бюстгальтер. В воздухе чувствовался запах мыла, будто Шала недавно вышла из душа. Жаль, что Скай не явился вовремя, чтобы вручить ей пижаму — а может, даже красный лифчик и соответствующие стринги.

Опять же, он намеренно не позволил себе приехать пораньше. Вернувшись домой, Скай обнаружил свет в шкафу и вытасченный ящик с вещами из его детства. Судя по всему, там хорошенько покопались, и он вспомнил, что неугомонная гостья обыскала его жилище. То, что она залезла в коробку, дико взбесило. Ничего секретного там не было — черт, да полгорода в курсе истории Ская, но это его тоже иногда порядком раздражало. К тому же, полгорода не рылись в его вещах.

Скай не любил женщин, сующих во все свой нос. Болтливых тоже не любил. В Шале Уинтерс уместились оба качества, однако ж она ему нравилась. Даже слишком нравилась.

Вместе с этой мыслью пришло понимание: он не столько зол, сколько испуган. От всей этой чуши о вторых половинках, которой его пичкал Рэдфут, у Ская, должно быть, помутился рассудок. Иначе с чего бы ему избегать женщину, с которой они пять минут трепались по телефону о ее нижнем белье? Великолепную женщину, которая спала здесь одна, а еще призналась, что носит стринги.

Упершись коленом в матрас, Скай осторожно закрыл ноутбук и убрал его на тумбочку. Затем стянул ботинки, рубашку и джинсы и посмотрел вниз на свои новые трусы, дабы убедиться, что пуговицы надежно застегнуты. Проклятье, Скай ни за что бы сам себе такой дурацкий фасон не выбрал, но «Уол-Март» особого выбора не предоставлял. Взгляд упал на Шалу — черт, какая же милая! И она практически дала ему разрешение здесь спать. Ну ладно, звучало несколько расплывчато, но если учесть, что Скай не собирался распускать руки, то... Он откинул одеяло и улегся рядом.

Потянувшись, выключил свет, и тьма обострила обоняние. Нос затопил запах женщины, недавно покинувшей душ. До ужаса хотелось притянуть ее к себе поближе. «Я же не лез к тебе прошлой ночью», — так он ей сказал. Подразумевая, что и сегодня не ползет. Скай крепился изо всех сил, чтобы сдержать слово. Но еще совсем чуть-чуть, и он перестанет давать подобные обещания.

* * *

Рэдфут лежал на кровати в собственном доме и пялился в потолок. Вероника не ответила ни на один из его звонков. Хотелось рвануть к ней и заставить признаться себе и всему миру: он дорог ей так же, как она дорога ему. По крайней мере, Рэдфут верил, что так и есть. Любой из его предков просто ввалился бы в ее вигвам и утащил к себе —

сопротивляющуюся, вопящую и, скорее всего, безумно довольную. В былые времена считалось честью, когда тебя похищает влюбленный мужчина. Нынешние женщины подыгрывать не станут.

Но должен же быть способ убедить Веронику открыто признать, что Рэдфут ей не безразличен! Иначе как потом украсть ее из вигвама без того, чтоб не пришел Скай и не заковал собственного старика в наручники?

Мысли вновь перескочили на Скаю и Голубые Глаза. Сегодня вечером, когда сын приходил, его взгляд был красноречивее всяких слов. Любовь уже схватила мальчишку за шиворот, что прекрасно соответствовало предсказанию Рэдфута. А вот остальная часть видения все еще тревожила. Скаю следует внимательнее приглядывать за своей женщиной — пес все еще выжидает.

Сын выслушал предупреждение, как выслушивал всегда. Но слушать и верить — разные вещи. Рэдфут знал, что он не верит в подсказки духов. Однако, в отличие от Хосе, и Скай, и даже Мария в глубине души оставались открыты для неизведанного. Они могли чего-то не принимать, но при этом не отворачивались от своего наследия.

Переключившись на Хосе, Рэдфут закрыл глаза. Сердце ныло от осознания все растущей пропасти между ними. Старик подумал о горестной ноше, что его сын и Мария несут на своих плечах. Как же помочь этим двоим найти путь друг к другу?

Ну хоть Мэтт вроде сбежал. Парень оказался умнее, чем предполагал Рэдфут. Духи не питают теплых чувств к тому, кто пытается встать между двумя половинками. Как бы люди ни старались, любовь не сбросить со счетов. Вот только как убедить этих юнцов (а заодно и Веронику), что романтическая любовь — есть сама жизнь? В одиночестве душа человека стареет и угасает, а обретя любовь — расцветает. Взамен печали приходит смех, взамен вопросов — ответы. Открытость и доверие вместо одиночества. Любовь означает надежду. Без любви жизнь не имеет смысла.

Скрестив руки на груди, Рэдфут воззвал к помощи духов. Попросил видения, что укажет верный путь.

* * *

Мария поднялась с кровати. Сердце и голова разрывались от мук неопределенности. Стоя посреди комнаты, она теребила подол ночной рубашки. Ведь обещала же себе, что скажет Хосе о ребенке. Чтобы поставить финальную точку, в которой так нуждалась. Которой заслуживала.

Но некоторые обещания трудно выполнить. Вечером Мария сидела в гостиной напротив Рэдфута и Хосе — оба потрепанные, с фингалами, оба молчали, погрузившись в собственные надуманные горести. Мария слепо смотрела в экран телевизора. Ее сердце разрывалось из-за Мэтта — мужчины, которого она, кажется, любила. Из-за Ская, что чуть ли не выпрыгивал из кожи при одном упоминании Шалы Уинтерс. Видимо, Рэдфут был прав — Скай уже почти влюбился в эту женщину. Но Мария знала о его прошлом и не сомневалась: брат будет бороться со своими чувствами.

Но в основном сердце ее болело за Рэдфута и Хосе — отца и сына, которые обожали

друг друга, но чьи дороги разошлись.

В голове крутились слова Хосе: *«Я ненавижу Совершенство. Ненавижу его миниатюрность, здешнюю жару. Ненавижу всеобщие ожидания, что я стану точной копией отца, напялю этот маскарадный костюм и буду выполнять дурацкие ритуалы, в которые не верю. Ненавижу разочаровывать своего старика, когда рядом вы со Скаем — такие правильные»*. За все эти годы Мария ни разу не задумывалась, что она и Скай осложняют Хосе жизнь, но теперь его с отцом различия становились все очевиднее.

И все больше бросалось в глаза сходство с матерью. Эстелла любила Рэдфута, свою семью и родной город, но она жаждала большего. Лишь творчество успокаивало ее голод. У Хосе такой отдушины не было. Мать понимала его, но с ее уходом, Хосе лишился того единственного якоря в Совершенстве, что заставлял его чувствовать себя своим. И что еще важнее — потерял мост, связывающий его с отцом.

Положения дел это не меняло, но хотя бы объясняло, почему Мария безумно увлеклась Хосе. Она всегда обожала Эстеллу, восхищалась ее талантом, а Хосе стал воплощением всего этого. Добавьте сюда сексуальное мужское тело — и как такого не захотеть? Все же Хосе сегодня был прав. Мария могла поехать за ним в Нью-Йорк. Но не поехала. Не только потому, что именно Хосе сбежал, но и потому, что, переехав, она покинула бы Совершенство, Рэдфута, дом. Покинула бы место, где впервые в жизни почувствовала себя в безопасности, любимой... Правда ранит. Мария не любила Хосе достаточно сильно.

«Хорошо, что ты наконец все осознала, но сказать ему о ребенке надо». Надев шелковый халат и повязав пояс, Мария отправилась расхлебывать собственные поступки.

Она дошла до комнаты Хосе и замерла. Сердце колотилось в ушах. Он разозлится? Ведь имеет же полное право, да? Руки затряслись, и Мария рванула дальше по коридору. А когда добралась до кухни, в окно ударил свет фар.

Мэтт? Молясь и надеясь, Мария выглянула на улицу. Но вместо Мэтта увидела, как из своего автомобиля вылезает Рамон Клауд. Он вытащил чемодан, поставил его у парадной двери и пошел обратно. Мария вспомнила, что вещи Хосе остались в отбуксированной машине.

Рамон уехал. Мария занесла чемодан в дом и по пути в свою комнату бросила его у двери Хосе.

«Поговорю с ним завтра. Завтра я буду смелее».

* * *

Хосе прижал к лицу подушку. Мария спала на ней? Потому что он чувствовал ее запах. Но как бы сильно он ни любил этот аромат, Хосе пожалел, что сейчас не в Нью-Йорке, не в собственной квартире, не спит на своей подушке, не живет своей жизнью. Он скучал по Марии, однако быть рядом с ней гораздо больше. Когда она смотрела на него, в ее глазах отражались лишь гнев и разочарование. До отъезда Хосе в них светились любовь, страсть, тепло... Принятие.

Он ударил подушку кулаком. Хосе хотел все это вернуть. Хотел вернуть ее. Это вообще возможно? *«Нет, если ты, мать твою, даже не попытаешься»*. Но что делать, если Мария

откажет?

«Когда это ты стал такой размазней?» Ощувив прилив мужества, Хосе решил действовать. Немедленно.

Он вскочил с кровати, рванул через комнату, распахнул дверь и, споткнувшись, полетел. Лицом вперед. Размахивая руками, Хосе попытался за что-нибудь ухватиться, но между ним и стеной обнаружился только воздух. От сильнейшего удара головой мозг содрогнулся, и Хосе ослеп. Секундочку... нет, не ослеп. Поморгав, он почувствовал и увидел, как вокруг ресниц порхают белые крупы. И только тогда осознал, в каком положении оказался: на коленях, с головой, пробившей гипсокартон.

Потребовалось время, чтобы найти опору. Затем Хосе обхватил голову руками, выбрался из стены и, отплевывая известку, глянул по сторонам. И увидел отца, вооруженного бейсбольной битой, и Марию, вскинувшую над головой вазу с цветами, точно готовясь к броску.

— Что за черт? — спросил Рэдфут.

— О боже. — Мари и отец одновременно опустили оружие. — Кажется, твой нос опять кровоточит. — Она включила свет в коридоре.

Хосе уставился вниз:

— Кто поставил перед моей дверью этот клятый чемодан?

— Я, — отозвалась Мария. — Его привез Рамон. Думала, ты утром увидишь...

— Что ж, не увидел.

Она прикрыла рот ладошкой и хихикнула:

— Прости. Это не смешно, но ты бы видел себя с головой в стене. А теперь там вмятина в форме твоего лица...

— Естественно! Ведь мое лицо там побывало! — рявкнул Хосе, не оценив юмора.

Теперь это самое лицо покрыто порошком, даже на зубах чувствуется...

— Ты глянь, — расхохотался Рэдфут и указал на появившиеся в гипсокартоне очертания. — Можно даже его нос различить!

Мария засмеялась и махнула рукой между отцом и сыном:

— Ты б сильно не заливался, въехо. Вы оба выглядите так, будто над вами фея уродства поколдовала.

Хосе хотел рассердиться, но взгляд его то и дело возвращался к дыре в стене, и, проклятье, действительно же его голова, и нос прорисован... Наружу прорвался смех. И все трое так и стояли там, в коридоре, подвывая, пока на глазах не выступили слезы.

Мария ушла первой, но лишь после того, как заставила Хосе подвигать шей и убедилась, что он не пострадал. Так приятно было почувствовать ее нежное прикосновение на подбородке, ее заботу, и Хосе вспомнил, зачем вообще покинул комнату. Но слишком поздно. Они с Рэдфутом уже глядели Марии вслед.

Отец похлопал Хосе по плечу:

— Рад снова тебя увидеть, сынок.

Он накрыл ладонь Рэдфута своей:

— Я тоже.

Несколько секунд они просто смотрели друг на друга. Хосе не помнил, когда в последний раз ощущал такую близость со своим стариком.

Он усмехнулся:

— А знаешь, Мария права. Фея уродства над нами хорошенько потрудилась.

— Нужно сфотографироваться, — предложил Рэдфут. — Потом будет повод посмеяться.

— Обязательно, — согласился Хосе и, погладив отца по руке, собрался уходить.

— Сынок, — позвал тот.

— Да?

— То, что ты сегодня увидел в больнице...

— Не волнуйся, папа. Мамы уже давно нет. Ты взрослый. И сомневаюсь, что миссис Клауд может забеременеть.

— В том и дело, сынок. Ты видел не то, что... было на самом деле.

Старик никогда не лгал, и если б Хосе сам там не присутствовал, точно бы поверил, что отец не занимался сексом с женщиной.

— Как я уже сказал, у меня с этим проблем нет. А вот Рамон... — Хосе потер подбородок. — Я бы какое-то время держался от него подальше. У него отличный хук справа.

— Ты подрался с Рамоном?

— Он был расстроен и сказал, что тебе... Неважно.

— Он угрожал мне? Ты взял удар на себя? — Рэдфут усмехнулся. — Я сожалею, но и горжусь тобой.

Сердце Хосе расширилось. Отец хоть раз говорил такое прежде? Пусть он гордился и не его карьерой, но все равно чертовски приятно.

— Уверен, ты поступил бы так же.

— Конечно, — кивнул старик.

Хосе направился к себе и впервые с момента приезда, почувствовал, что дома хорошо.

* * *

Скай уже час как проснулся, но не вставал. Утро. Шала неподвижно лежала рядом, пристроив голову на его груди, а здоровую руку — на животе. Настоящий рай. И в то же время ад крошечный. Чего бы Скай только ни отдал, лишь бы эта рука скользнула в его застегнутые трусы. Чего бы ни отдал, лишь бы самому сунуть ладонь под майку Шалы, коснуться мягкой плоти и напрягшихся сосков, что сейчас упирались ему в ребра.

Вдруг она вздрогнула. Скай услышал ее сбившееся дыхание, почувствовал, как затрепетали ресницы, пощекотав ему грудь. Затем изогнул шею, пытаясь разглядеть лицо Шалы. Голубые глаза распахнуты и смотрят вниз — на ее руку и, вероятно, на выпуклость под боксерами Ская.

— Без паники, — прошептал он Шале на ухо. — Я купил трусы с пуговицами.

Шала попыталась отодвинуться, но Скай ее удержал.

— Пожалуйста, не надо, — серьезно попросил он. — Дай мне еще пару минут.

По груди скользнул ее теплый выдох, и Шала перестала вырываться.

— У Лукаса есть третья спальня, — хриплым со сна голоса заметила она.

Без напряжения — значит, не сердится.

— Ага, но с ней возникла крошечная проблема.

— Какая?

— Там нет тебя.

— Ты невыносим.

Шала чуть отклонилась, чтобы посмотреть на Скай, и от этого незначительного движения ее грудь еще крепче прижалась к его боку. «Чертовски приятно».

— Невыносим, потому что хочу быть рядом с тобой?

Он заглянул в ее сонные голубые глаза, и внутренности сжались от внезапного осознания: не считая матери, Скай никогда прежде не спал с женщиной просто так, без секса. И никогда прежде этого не хотел.

— Почему ты не разбудил меня, когда пришел?

— Ты выглядела уставшей. И... я боялся, что, хоть ты вроде и дала мне разрешение спать здесь, все равно можешь прогнать.

Шала приподнялась на локте:

— Ты всегда говоришь правду в надежде, что это вытащит тебя из неприятностей?

«Я на это рассчитывал».

— Возможно. — Скай улыбнулся. — Дурная привычка, перенятая у Рэдфута.

Шала усмехнулась в ответ, и это была самая прелестная сонная улыбка, какую ему только доводилось видеть.

— А ты паршивец, да?

— Не такой и паршивец. А ты по утрам нормальная. — Он провел пальцем по ее подбородку.

— Что?

— Нормальная, по утрам. После того случая — ну, помнишь, когда ты угрожала мне баллончиком — я немного опасался, что ты та еще вредина спросонья.

Шала прошла по нему взглядом и уставилась на боксеры:

— Это что?

Скай расхохотался:

— Если сама не знаешь, я говорить не буду.

Она шлепнула его по груди:

— Я имею в виду рисунок на твоих трусах!

— Не-а. — Он притянул ее к себе, перекатился и навис сверху, упершись локтями в койку по обе стороны головы Шалы. — Этого не произойдет.

«Боги, как же хорошо!»

— Чего не произойдет? — спросила она, извиваясь.

«Дьявол, а так еще лучше».

— Ты не будешь высмеивать мое белье.

Ее глаза загорелись, и она снова вытянула шею:

— Это чертики, да?

— Либо чертики, либо сердечки. В «Уол-Март» небольшой выбор трусов с пуговицами. Наверное, остались со дня Святого Валентина. — Шала засмеялась, и Скай посмотрел ей в глаза: — Лучше перестань.

— Что перестать? Умиляться твоему белью с чертятами?

— Нет. Перестань смеяться.

— Почему?

— Потому что из-за твоего смеха я хочу сделать вот это...

Он наклонился и припал к ее губам. Без колебаний Шала приоткрыла рот, и их языки соприкоснулись. Ее поцелуй говорил «да». Говорил «не останавливайся». Скай так и сделал.

Переместив вес тела на одну руку, другую он сунул под майку Шалы, коснулся самой мягкой в мире кожи, скользнул по плоскому животу и, наконец, ощутил в ладони приятную тяжесть ее груди. Скай вздохнул и потер пальцами напрягшийся сосок, а его губы тем временем начали неуклонно двигаться вниз, желая вкусить соковище, обнаруженное под одеждой.

Скай поцеловал изгиб женской шеи — пульс Шалы затрепетал под его губами. Затем провел языком вверх и вниз. Из ее горла вырвался полустон-полувздых, и это придало Скаю смелости. Он схватился за край майки и потянул выше, медленно, дразня их обоих. Вскоре он уже видел свою руку на груди Шалы. По сравнению с его, ее кожа казалась такой светлой... А соски были нежно-розовыми, заостренными, и просто умоляли себя потрогать и попробовать на вкус. Скай наклонился и захватил губами одну из этих чувствительных вершинок, провел по ней языком.

Шала прошлась руками вдоль его спины, затем вернулась к плечам, касаясь нежно, исследуя. Получая и даря удовольствие. Несомненно, приятно, но Скай знал, где желал бы почувствовать эти руки.

Отстранившись, он стянул майку через ее голову и позволил себе секунду полюбоваться открывшейся картиной. «Боже правый!» Большая грудь, идеальной формы... Он поднял взгляд к лицу Шалы. В распахнутых голубых глазах плескались желание, потребность, страсть; губы припухшие и влажные. А что еще стало влажным?

Скай снова наклонился, прижался своими губами к ее и почувствовал, как Шала приподняла бедра, задев его напрягшийся член.

— Да, — пробормотал Скай ей в рот и опустил руку вниз, прямо под пояс ее шорт. Проник пальцами под шелк белья, миновал треугольник волос и, наконец, добрался до влекущей плоти. Коснулся нежных складок и, как и ожидал, ощутил влагу.

Скай зарычал и скользнул пальцами внутрь, в тугое, узкое лоно, в которое мечтал погрузиться.

— Хочу попробовать тебя на вкус. — Вынув ладонь, он оставил на животе Шалы мокрый след. Затем отстегнул застежку, дернул молнию на ее шортах и только начал их стягивать, как вдруг услышал:

— Лягушонок Иеремия! Бом-бом-бом! — Так как пелось это дело глубоким баритоном и фальшиво, Скай почти не сомневался, что Шала тут ни при чем. — Был моим хорошим другом.

Он притворился глухим и сосредоточился на снимании шорт, но мысленно сделал себе пометку: если завывания Лукаса помешают оголить и удовлетворить Шалу, это будет

последняя песня в жизни чувака.

Скай уже схватился за трусики Шалы, собираясь стянуть их вместе с шортами одним быстрым движением, но она удержала его руку:

— Скай...

— Что?

«Надеюсь, Лукас уже подписал и заверил свое завещание».

— Я не могу... Я... Лукас рядом.

— Я от него избавлюсь. — Скай соскочил с кровати и ринулся к выходу.

Шала снова его окликнула, и на сей раз в ее голосе сквозило раздражение:

— Это его дом, Скай. Ты не можешь выкинуть его из собственного дома.

— Еще как могу! — Он сделал еще один шаг.

— Пожалуйста.

Он замер и провел рукой по лицу. От мускусного запаха Шалы член затвердел, словно окаменелое дерево.

— Что пожалуйста?

Скай закрыл глаза. Он точно знал, что она собирается сказать, но должен был услышать это, прежде чем смириться. А смириться будет нелегко.

— Я не могу. Не сейчас.

Он обернулся. Шала прижимала к груди майку и выглядела такой подавленной. Лицо покраснелось, шорты расстегнуты и распахнуты. «А ей идет. Чертовски сексуальна».

— Радуйся, мир! — доносилось снаружи.

«Чему радоваться-то?» — подумал Скай. Его обломали. Хотелось пойти на кухню и на веки вечные лишиться друга голосовых связок. Но вместо этого Скай шагнул к кровати, сел и плюхнулся на спину. Он не двигался. Просто пялился в потолок и ждал, когда утихнет боль в промежности. Потребуется какое-то время...

— Ты не злишься? — спросила Шала. Матрац всколыхнулся — она, видимо, вновь натягивала одежду.

— Злюсь, но не на тебя. — Скай накрыл лицо ладонью, почувствовал женский запах и, застонав, сменил руку.

— Лукас не виноват. Мне стоило остановить тебя еще раньше. Я не совсем готова... То есть, мы же едва знакомы. К чему все это? В смысле, я знаю, мы через многое прошли, но...

Боже, она опять тараторит. Не-а, радоваться определенно нечему. Чтобы не показаться совсем уж придурком, Скай подождал, пока Шала прервется ради вдоха, а затем вскочил:

— Мне нужно в душ.

Десять минут спустя, по-прежнему подставляя лицо под струи воды, Скай в полной мере осознал, какой же он засранец. Он забрался к Шале в кровать, прекрасно понимая, что едва ли не обманом выманил разрешение спать с ней. Убеждал себя, что в этом нет ничего дурного, ведь никаких приставаний не планировалось — он просто ляжет рядом, и этого будет достаточно. Очевидно, совсем недостаточно. Скай воспользовался ее хорошим настроением и превратил совместный сон в нечто большее. Шала подарила ему кусочек рая, а когда их прервали — причем не по ее вине, — он просто встал и ушел без каких-либо объятий или «Мне понравилось, могу я рассчитывать на продолжение?».

«Ага, ты засранец».

Скай ущипнул себя за переносицу, собираясь с мыслями. Черт! Ноль идей о том, как из этого выпутаться. И столько же знаний о том, как вообще разругивать неловкие ситуации с

женщинами, ибо прежде до такого не доходило. Нет, ситуации возникали всякие, но Скай даже не пытался их разрешить, считая, что раз возникли проблемы, значит пора прерывать отношения. Но не с Шалой. Нужно что-нибудь придумать!

Он выключил воду и, отодвинув занавеску, устоял на дверь ванной. Шала ждет его по ту сторону с гневной тирадой наготове? Ох, или она снова начнет болтать? «Ты это заслужил». Да, теперь бы он сидел там и покорно все выслушивал.

Скай вышел из душевой и чуть-чуть приоткрыл дверь в комнату. Шалы там не было. Желудок болезненно сжался. Она так разозлилась, что побежала жаловаться Лукасу? И в эту самую минуту вещает его другу о том, какой же Скай придурок? А может, просит помочь уехать из города? Вашу мать, она не может уехать!

Скай выскочил из ванной, на ходу вытираясь полотенцем, и ринулся к стулу с одеждой. Кто-то прокашлялся, и он обернулся. Шала сидела перед ноутбуком за столиком сбоку от ванной. Одной рукой она прикрывала глаза, но пальцы чуть раздвинула и теперь следила за Скаем через v-образную щель.

Он позволил ей попялиться несколько секунд и только потом опустил полотенце от груди вниз.

— Я выглянул и не увидел тебя. Думал, ты ушла.

Шала убрала руку:

— Не ушла. — Ее щеки очаровательно порозовели.

Скай изучал выражение ее лица, румянец и все остальное. Она не сердится?

Шала вновь повернулась к ноутбуку:

— Я хотела тебе показать, что нашла, когда просматривала фото. Не уверена, что это важно, но... может, что-то да значит.

Скай обмотал полотенце вокруг бедер и подошел ближе:

— Показывай.

Затем наклонился и положил руку ей на плечо. И от одного прикосновения внутренности перевернулись. Адски больно, и в то же время прекрасно, потому что Шала все еще здесь. И, кажется, не злится. Или просто хорошо скрывает?

— Сейчас найду. — Она принялась листать снимки.

Скай наклонился еще ниже и прижался своей щекой к ее:

— Прости.

Пальцы на клавиатуре замерли. Шала озадаченно на него покосилась:

— За что?

— За то, что сейчас повел себя как придурок.

— Да все нормально...

— Нет, не нормально. Я наслаждался произошедшим. — Скай махнул рукой в сторону кровати. — Ты так прекрасна, и я хотел бы наслаждаться этим снова... и снова. Вместо того, чтобы ляпнуть, мол, я зол, и сбежать.

Голубые глаза внимательно его оглядели. Шала закусил губу, словно тщательно обдумывая свои слова.

Больше книг на сайте — Knigolub.net

— Мне тоже понравилось. — Затем подняла неперевязанную руку, оставив крошечный зазор между большим и указательным пальцами. — Мне просто нужно чуточку побольше времени.

— И, наверное, некоторое уединение? — Скай зыркнул на дверь, за которой Лукас

запевал очередную песню.

— Да, это бы могло помочь, — улыбнулась Шала.

И тогда он ее поцеловал. Ее рот был теплым и сладким.

Осторожно, чтобы не довести все до ситуации, когда снова придется извиняться, Скай отстранился.

Шала вернулась к пролистыванию снимков. А ведь до этого он уже дважды просил у нее прощения: когда подначивал за то, что испугалась швов, и позже, когда забыл о ее проблеме с больницами. И все три раза Шала приняла извинения без осуждения, коего Скай явно заслуживал. Значит, Шала Уинтерс не из обидчивых. Редкий тип женщины, и прекрасное качество. Оно даже как-то перевесило болтливость и любопытство.

— Вот. — Она указала на экран. — По пути в Совершенство я останавливалась, чтобы заснять другие гостиницы в окрестностях. Думаю, это фото сделано где-то возле Бьюфорда — потом могу проверить свои заметки и сказать точно. Мне показали несколько домиков, что сдаются в аренду. Внутри снимать не разрешили, так как там уже кто-то жил, но позволили фотографировать снаружи. Посмотри на машину, припаркованную у дороги. Я не заметила ее, когда снимала, но, глянь, в салоне двое, и сомневаюсь, что они просто разговаривают, если ты понимаешь, о чем я.

Скай придвинулся ближе, чтобы рассмотреть фото.

— Ну, то есть, странно же, что они делают это в машине, когда в их распоряжении целый дом, а... — Шала постучала по клавишам. — Давай увеличу, и ты увидишь. — Затем посмотрела на Ская. — Я подумала, что, может, кто-то из них женат и решил, будто я частный детектив или типа того. Мелочь, конечно, но...

Он улыбнулся:

— Как ты и сказала, это уже что-то.

— Есть еще три снимка.

Ее пальцы вновь запорхали по клавиатуре, и на экране возникло фото, сделанное у Кипарисового пруда. Двое мужчин удили рыбу, а справа на пикник расположилась семья. Безмятежный портрет Совершенства...

— Это фото взволновало меня больше всего.

— Оно восхитительно, но я не вижу...

— Вот. — Шала ткнула в маленький участок на заднем плане. Стоянка. — Видишь машину?

Скай наклонился еще сильнее:

— Черный седан? — Он старался контролировать свой тон. Не хотелось ее разочаровывать, но снимок автомобиля вряд ли им поможет.

— Сейчас увеличу. — Теперь стоянка с машиной занимала весь экран. — Не слишком четко, но приглядишься.

— Куда? — Скай предположил, что Шала имеет в виду номерной знак, но ведь он уже сказал ей, что седан у них...

— Парень справа от машины. Я почти уверена, что это он. Он был за рулем седана.

Скай улыбнулся и сжал ее плечо:

— Вы настоящий детектив, мисс Уинтерс!

Потуже затянув полотенце на талии, он направился за сотовым, но тут вспомнил, что Шала говорила о еще каких-то снимках.

— Что еще ты узнала? — Скай вернулся к столу, чтобы при разговоре с Филлипом

владеть всей информацией.

На экране появилось очередное фото.

— Возможно, это ничего не значит, но я обнаружила его на двух других кадрах, снятых в разные дни. Меня от этого в дрожь бросает... — Шала указала на маленькую фигуру на фоне Железнодорожного музея.

— Можешь приблизить?

— Да. Думаю, именно на этом фото лучше всего видно лицо. На другом он стоит в тени, но я почти не сомневаюсь, что это тот же парень.

Она стукнула по клавишам, и картинка увеличилась, являя взгляду мужчину в джинсах и темно-синей футболке-поло.

Скай промолчал, и Шала оглянулась:

— Ты его знаешь?

— Да. — И ему это не нравилось.

— Кто он?

— Чарли Рейнмейкер. — Скай схватил телефон и начал набирать номер Филлипа. — Он возглавляет движение против туризма. Даже петицию составил.

— Думаешь, он за всем стоит?

— Думаю, ему придется многое объяснить.

На том конце линии отозвались, и Скай заговорил в трубку:

— Филлип, это Скай. Шала изучила снимки и нашла кое-что, что может оказаться полезным.

— Я просматриваю их прямо сейчас, — ответил рейнджер. — Она чертовски хороший фотограф.

— Знаю, она великолепна, — согласился Скай, чувствуя, как его распирает от гордости. Странно, но он не помнил, чтобы вот так гордился хоть одной женщиной, с которой встречался. Ну, была одна, что попала на разворот «Плейбоя», но это другое.

— Назови номера кадров, — попросил Филлип.

— Секунду. — Скай повернулся к Шале: — Можешь написать номера снимков?

— Уже. — Она протянула ему листок и быстро отвела взгляд, будто не хотела подслушивать.

Надеясь дать понять, что она не лезет не в свое дело, Скай положил руку Шале на плечо, пока говорил:

— Итак, что у нас имеется... — Он рассказал приятелю все, что они выяснили, и продиктовал номера. А когда Филлип предложил послать кого-нибудь за Рейнмейкером, возразил: — Нет, я сам наведу к Чарли.

Прежде чем повесить трубку, Скай договорился о времени допроса Шалы.

Затем бросил сотовый на стол рядом с ноутбуком и посмотрел на нее: сидит, уставившись в стенку...

— Все нормально? Ты же сможешь поехать и поговорить с Филлипом? — Скай оперся на край стола, и Шала повернула голову:

— Без проблем.

— Эй... — Он поднял ее со стула и прижался к ее лбу своим. — Ты как, Голубые Глаза?

Шала слегка кивнула, и на ее губах медленно расцвела ухмылка.

— Что? — спросил Скай.

Улыбка стала шире.

Рэдфут лежал в кровати, пялясь в потолок. В голове проносились образы из сна. Индеец просил духов подсказать ему, что делать. До сих пор он не понимал значения выражения «Неведение — благо». Если бы Рэдфут мог вернуться назад и не просить совета духов, он бы так и поступил.

К сожалению, ему предоставили план. Рэдфуту он не нравился, но духи, несомненно, придут в ярость, если он проигнорирует их послание. А рассерженные духи — это плохо. Проще подоить быка, чем успокоить злого духа. Рэдфут как-то попытался — подоить, — когда был моложе, перебрал виски до оупения и попался на подначки друзей. Шрамы, дарованные быком, до сих пор никуда не делись. И иногда на собраниях старейшин племени, они все еще рассказывали эту историю.

Рэдфут хотел бы иметь побольше времени, чтобы поваляться в постели, предаваясь воспоминаниям о прошлом, но он должен направить будущее в правильное русло.

Индеец закрыл глаза и подумал обо всем, что хотел бы увидеть осуществившемся в жизни любимых людей. Обо всем, что считал судьбой. Человеку не нравится оказываться неправым, но принятие собственных ошибок и исправление их — есть неотъемлемая часть бытия. Рэдфут встал и направился к шкафу. Отбросил одну рубашку. Затем другую. Индеец искал одежду, которую не жалко запачкать кровью.

— Отлично смотришься на кухне, — раздался хриплый голос, и Мария оглянулась.

В дверях, наблюдая за ней, стоял Хосе. Она чувствовала, как его пристальный взгляд движется вверх и вниз, изучая ее новое открытое платье, что подчеркивало все нужные изгибы — платье, которое Мария купила, надеясь впечатлить Мэтта. Но и восхищение в глазах Хосе подначивало ее женскую гордость. Сколько она ждала, чтобы он посмотрел на нее с таким желанием? Долгие годы, прежде чем Хосе наконец ее заметил.

— Как шея? — спросила Мария.

От нее не ускользнули ни его идеально подогнанные джинсы, ни дорогая рубашка, что демонстрировали все достоинства мужского тела и отражали личность. Хосе не из тех, кто добровольно стал бы носить потертые джинсы и футболки. Так что даже одежда выделяла его из непринужденного образа жизни их маленького городка.

Хосе повертел головой:

— Удивительно, но не болит.

— Отлично. — Мария указала на стойку: — Кофе там.

— Спасибо.

Он двинулся в ту сторону.

Закрыв глаза, Мария слушала, как он наливает себе кофе, и думала, с чего начать разговор. И стоит ли начинать его сейчас. Скоро появится Рэдфут — не хотелось бы, чтобы он что-нибудь подслушал.

Иногда Марии казалось, что отец и так все знает о них с Хосе, но потом она начинала сомневаться. Рэдфут никогда никого не подталкивал к откровенным беседам. Он просто наблюдал за людьми и давал небольшие советы, но порой Мария думала, что он видит ее насквозь.

Мария обернулась к Хосе. Тот внимательно ее изучал, прислонившись к стойке, и в этот момент сильно напоминал отца. О Рэдфуте им тоже нужно поговорить. Вчера, когда они все вместе смеялись, напряжение спало, но Мария знала, что оно вернется, если только она не поможет мужчинам прозреть и понять: их различия не должны мешать им любить друг друга. Мария обязана восстановить мост, коим для мужа и сына когда-то служила Эстелла. Но как?

— Позже, — начал вдруг Хосе, поглядывая в сторону двери, — когда никто не будет мешать, мы должны поговорить.

Удивленная, Мария смогла лишь кивнуть.

В кухню вошел Рэдфут. Замер у стола, нахмурился и по очереди посмотрел на Хосе и Марию.

Она следила, как упрямыцы здороваются. Кивками.

«И мы опять вернулись к киванию».

— Есть кофе.

Рэдфут вздохнул:

— Я возьму себе по дороге.

— По дороге? Куда? Разве ты не должен отдыхать?

— Док сказал, что я в норме.

— Да, но... Куда ты собрался?

Меж бровями старика пролегла глубокая складка.

— Поговорить кое с кем. О лошади.

«То есть не лезь не в свое дело», — поняла Мария. Она могла бы порасспрашивать, но вытягивать ответы из Рэдфута — все равно что учить камень танцевать танго.

Упрямый старик пересек комнату, схватил с крючка свои ключи и по пути к двери оглянулся к сыну:

— Ты идешь?

— Я? — опешил тот. — Я... должен идти с тобой, чтобы с кем-то говорить о лошади?

— Угу. Ты ведь тоже в кашу соли подсыпал.

— В какую кашу? — не понял Хосе.

— Зачем подсыпал? — влезла Мария, но Рэдфут уже шагнул за порог.

— Что происходит? — уставился на нее Хосе.

— А мне, блин, откуда знать? Но за ним лучше приглядеть.

Хосе поставил чашку в раковину и ринулся вслед за отцом.

* * *

— Кофе готов, — возвестил Лукас, когда Шала и Скай вышли из спальни.

Шалу отнюдь не смущал факт их совместной ночевки. Пока она не столкнулась с хозяином дома. Теперь же вдруг возникло непреодолимое желание во всеуслышание заявить: ничего не было! Но ведь было. Ну, почти... Однако это «почти» чувствовалось как... нечто большее. Нечто прекрасное и жутко неправильное. Хотя первое, безусловно, перевешивало.

— Я пас, — сказал Скай. — Мне нужно поболтать с Чарли Рейнмейкером.

— Я так и подумал, что это он, когда Шала показала мне фото, — заметил Лукас.

Шала пошла наливать себе кофе, по пути прокручивая в голове образы. Вот губы Скай касаются ее груди. Вот его руки в ее трусиках. Вот она говорит, что ей нужно чуть-чуть больше времени. Что, в сущности, означало, мол, в конце концов я все равно с тобой пересплю. А это в свою очередь значит, что Шала решила к чертям разрушить все свои эмоциональные барьеры.

«Боже, о чем ты думала? Погодите-ка... ты вообще не думала».

Она чувствовала.

Поднося кружку к губам, Шала заметила, что Скай внимательно за ней наблюдает. Поймав ее взгляд, он улыбнулся и подмигнул. Щеки тут же запылали.

Ага, Шала чувствовала себя чудесно — сексуальной, желанной, живой и как никогда счастливой. Вопрос лишь в том, сможет ли она через все это пройти и сохранить свое сердце в целостности и сохранности.

— Если что, сливки в холодильнике, — подсказал Лукас. Затем обернулся к другу: — Думаешь, твой приятель сможет что-то нарыть на водителя седана?

— Без понятия. Я только что звонил Филлипу, он как раз смотрит снимки.

— Дай знать, если я могу помочь.

— Я запомню.

— Ты тоже полицейский? — спросила Шала у Лукаса.

Прежде она уже интересовалась, чем он зарабатывает на жизнь, и Лукас сказал, что был военным, но теперь в отставке и перебивается случайными работенками то тут, то там. Армейской зарплаты могло хватить на такой дом и отличную мебель? И не слишком ли Лукас молод для отставки?

— Не, — отмахнулся он, — просто знаю парочку нужных людей. — Затем вновь посмотрел на Ская: — Хочу сгонять в магазин — вчера мы съели все мои запасы. У тебя какие планы?

Тот посмотрел на часы:

— Может, вы двое к двум часам подъедете в закусочную? Буду ждать вас там, как только закончу с Чарли. С меня завтрак. И прямо оттуда я бы отвел Шалу к Филлипу, а потом привез сюда, в зависимости от того, что он и его парни планируют делать.

— А мне точно нужна круглосуточная нянька? — не выдержала Шала.

Скай и Лукас переглянулись, уставились на нее и хором ответили:

— Да.

Шала закатила глаза, а Лукас заверил:

— В два мы будем в закусочной.

Скай направился было прочь, но у двери замер, развернулся и, подойдя к Шале вплотную, прижался к ее губам своими. Проник языком в ее рот, скользнул рукой с талии к бедрам... От этого поцелуя затрепетала каждая клеточка ее тела.

— До встречи.

От его греховно-сексуальной улыбки Шала вмиг позабыла и о Лукасе, и о неприемлемости такого поведения в целом. К черту броню! Она хотела испытать это. Хотела Ская. Конечно, в итоге можно пострадать, ну а вдруг нет? Вдруг Скай тот самый, особенный, каким отец был для мамы? Шала до сих пор помнила, как каждую пятницу они включали музыку, смеялись и танцевали. И бабушка с дедушкой, в болезни и здравии, шестьдесят лет шли по жизни рука об руку. Шала не была идиоткой и прекрасно знала, что истинную любовь трудно найти. Но в последние годы она вообще как-то позабыла о ее существовании. Однако сейчас... если вспомнить, то, возможно, получится поверить, что ради ее поисков стоит рискнуть своим сердцем.

* * *

Направляясь к дому Чарли, Скай мысленно прокручивал все, что знал об этом парне, и старался не думать о том, как, потеряв голову, поцеловал Шалу прямо посреди кухни Лукаса. *«Угу, думай лучше о Чарли».*

Чарли был вспыльчив. И любил изображать из себя бунтаря. На любом собрании — будь то заседание городского совета или открытая встреча старейшин племени — появление Чарли означало надвигающийся хаос. Его бесконечные речи о том, что нельзя допускать в город чужаков, находили отклик у многих местных. И когда после нескольких заседаний город все же проголосовал за наем «Уинтерс-туризм», Чарли счастья явно не испытал и начал агитировать за то, чтобы этому помешать.

Взрывной темперамент у них явно семейное... Брат Чарли отбывал пожизненное за

убийство. Значит ли это, что Чарли тоже способен убить? Скай чертовски надеялся, что нет, ибо в сравнении с его собственным семейством, Рейнмейкеры просто ангелы.

Старик Ская был озлобленным несчастным сукиным сыном. И любил лишь мать Ская. Она, видимо, отвечала взаимностью, потому как сносила от ублюдка больше, чем Скаю хотелось помнить. Конечно, все он помнить и не мог, ведь стоило встать между родителями, папаша вышибал из него дух. По сей день Скай задавался вопросом: что было бы, не останься он тогда ночевать у соседа? Возможно, он помешал бы отцу убить маму. Хотя точно не стал бы мешать старику целиться в себя. Нет, Скай бы для него даже ружье зарядил.

Скай остановился возле старого дома с облупившейся краской и отодвинул личные проблемы подальше. Сейчас есть дела поважнее. Чарли кого-то нанял, чтобы украсть камеру Шалы? У Чарли вообще есть деньги, чтобы кого-то нанять? Если он хотел лишь напугать пиарщицу, прогнать ее из города, зачем заходить так далеко? Это бессмысленно. С другой стороны, он точно за ней следил.

Под навесом для машины не было старой «шевроле» Чарли. Выбравшись из одолженного у Лукаса грузовика, Скай постучал в парадную дверь.

Открыла миссис Рейнмейкер, и он сразу заметил ее покрасневшие глаза, растрепанные волосы и одежду, в которой словно спали. Ее алкоголизм не был секретом, особенно для Ская — он уже дважды арестовывал дамочку и лично убедился, что ее водительские права аннулировали. Печальное состояние. И слишком распространенное среди его народа. Скай убеждал мэра, что Совершенство должно предлагать бесплатные консультации всем нуждающимся. И даже просил Бо и барменов из «Напуганного цыпленка» звонить ему в любое время дня и ночи, если кого-то нужно подвести. Скай не терпел пьяных за рулем, особенно после случая двухлетней давности, когда местный пьянчуга угробил не только себя, но и невинного подростка.

— И почему мне кажется, что ты приперся не просто лясы поточить, шеф? — Миссис Рейнмейкер прислонилась к дверной раме.

— Хотел бы я, чтобы так оно и было.

— Ну на сей раз ты здесь не из-за меня. Я не ездила подшофе.

— И я это ценю. Мне нужно поговорить с Чарли. Он рядом?

— Я бы так не сказала. Что он еще натворил?

— Я просто хочу с ним поговорить. — Тревожить мамашу точно не стоит. — У него есть сотовый?

— Конечно. Но толку-то. Я названивала ему всю ночь, он не ответил. Я решила, что мальчишке повезло, и он сбежал с той шлюхой, которую встретил в «Напуганном цыпленке».

Старое доброе семейное счастье.

— Что ж, если не сложно, дайте мне его номер. Мне нужно с ним поговорить.

Она зашла в дом и вскоре вернулась с клочком бумаги с нацарапанным на нем номером.

— Если отловишь его, скажи, что он все еще должен заплатить за аренду.

Скай пошел прочь.

— Это связано с той специалисткой по туризму? — бросила вслед миссис Рейнмейкер.

Он замер, засунул листок с номером в карман и развернулся к ней:

— Вы что-то об этом знаете?

— Знаю, что он следил за ней. Глаз с нее не спускал. Это что, преступление? — На ее лице расплылась непонятная Скаю ухмылка.

— Это можно рассматривать как преследование.

— Тогда можешь и на себя наручники нацепить. Потому как Чарли говорил, что ты тоже изображал из себя разведчика. — Миссис Рейнмейкер засмеялась. — Конечно, вы с ней родственные души и все такое...

Скай удержался от комментариев, сказав просто:

— Хорошего дня, мэ.м.

А когда сел в грузовик и набрал Чарли, тот не взял трубку. Твою мать! Скай приехал сюда за ответами, а получил лишь еще один длинный список вопросов.

* * *

— А ты не хочешь сказать, куда мы направляемся? — спросил Хосе. Подобные выкрутасы были не в духе его старика.

— Сам увидишь.

Рэдфут зарулил на парковку закусочной — единственного заведения в Совершенстве, открытого по воскресеньям.

Хосе огляделся. И чего было скрывать, куда они едут?

— Ну и где кое-кто и лошадь?

— Здесь. Оба.

Хосе проследил за его взглядом до края стоянки.

— О черт, нет!

Затем снова повернулся к Рэдфуту.

Слишком поздно. Тот уже выбирался из машины.

Потянувшись через сиденье, Хосе схватил отца за руку:

— Неприятностей ищешь?

Рэдфут вздохнул:

— Иногда ты должен встретить неприятность лицом к лицу и плюнуть ей в глаз.

И выбрался из грузовика.

— Папа, вернись!

Но старик хлопнул дверью и зашагал к закусочной.

В дверях Рэдфута встретил жирный запах бекона. Рамон с парой друзей сидел в одной из задних кабинок, а Мэтт — в одиночестве за столом. Парень выглядел несчастным. И будет еще хуже...

— Привет, Понча, — обратился Рэдфут к официантке. — Принеси мне кофе.

Заслышав его голос, Рамон поднял взгляд и нахмурился.

Старик заскочил в кабинку возле столика Мэтта. Колокольчик над дверью звякнул, и даже выглядывать не пришлось, чтобы понять, что это Хосе, потому как лицо бледнолицего исказилось яростью, стоило ему посмотреть вверх.

— Хосе?! — взвизгнула Понча, и Рэдфут вспомнил, что в старших классах они с Хосе встречались. Она бросилась в его объятия. Очевидно, не до конца им переболела.

— Выглядишь отлично, — заметила, когда ее поставили на ноги. — Ну, по большей части. Что случилось с твоим лицом?

— А... случайность. — Хосе не обратил на Пончу внимания, коего она явно жаждала. Вместо этого обвел взглядом зал, заметил Рамона и сказал: — Прошу прощения. — После чего подошел к кабинке Рэдфута. — Сваливаем отсюда.

Тот мотнул головой:

— Сядь.

— Пап.

— Сядь! — скомандовал Рэдфут.

И сын, хоть уже и вырос, все равно шлепнулся на задницу словно пятилетка.

Вновь появилась Понча с двумя чашками.

— Хочешь кофе, Хосе? Я захватила и для тебя. — Она мило улыбнулась.

— Прекрасно. — Хосе, видимо, вспомнив о манерах, посмотрел на подругу юности: — Как поживаешь, Понча?

Ее улыбка стала еще шире.

— Хорошо. Наконец возвращаюсь в колледж. А тебе как в Нью-Йорке?

— Многолюдно.

— Твой отец показывал мне статью о здании в Вегасе, с дизайном которого ты помогал.

— Серьезно? — удивился Хосе.

— Принеси нам, пожалуйста, завтрак дня, — попросил Рэдфут, игнорируя невысказанный вопрос в глазах сына.

Понча кивнула и ушла. Где-то забренчало, и старик увидел, как Мэтт достал свой мобильник.

— Видел его? — уточнил Рэдфут у Хосе, понижая голос.

— Да, видел. Потому и говорю, что надо...

— Не Рамона. Его. — Кивок в сторону Мэтта.

Хосе повернулся и сдвинул брови. Затем взял кофе и уставился на отца поверх чашки.

— Они расстались.

— Сомневаюсь. Там все довольно серьезно. Я о ней беспокоюсь.

— Она сказала мне, что они расстались. — Хосе снова посмотрел на бледнолицего.

— Держу пари, ты ошибаешься. У них проблемы. — Рэдфут помолчал. — Прислушайся, наверняка он сейчас с ней говорит. У него что-то произошло в Далласе. Бедная Мария, она

слишком подозрительна, и это разбивает ей сердце.

— Он изменяет Марии?

Ярость в голосе сына расстраивала. Он определенно переживал.

— Слушай, — велел Рэдфут.

— Я тоже тебя люблю, малышка. — Мэтт говорил тихо, но судя по тому, как задергались мышцы на лице Хосе, он услышал.

Поставил кофе, встал и грохнулся на стул напротив Мэтта:

— Ты кем себя возомнил, мать твою?!

— Одно сделано, беремся за второе, — пробормотал Рэдфут.

И, не отрывая взгляда от кабинки, в которой сидел Рамон, потер подбородок и отправился плевать неприятности в глаз.

* * *

Скай притормозил у закусочной. Лукас с Шалой уже выехали, и он собирался дожидаться их здесь.

Выбираясь из машины, он заметил грузовик Рэдфута. Странно. Как правило, тот посещал закусочную только по средам. До входа оставалось шагов шесть, когда, пробив главную витрину, на улицу вылетел стул и поскакал по тротуару. Ругаясь, на чем свет стоит, Скай ринулся внутрь. А едва миновав дверь, сразу же увидел Хосе, боксировавшего с кем-то... нет, не просто с кем-то, с парнем Марии — Мэттом. Парочка техасских рейнджеров, парни Филлипа, околачивались рядом, пытаясь их разнять.

Из глубины зала донесся грохот. Скай переключился туда. Сердце упало. Рамон Клауд стискивал в кулаке рубашку Рэдфута, а вторую руку отвел назад, словно для удара. Скай рванул через комнату, сбив по пути несколько стульев, и перехватил руку Рамона:

— Даже не думай!

Тот округлил глаза. Пригнулся. Кулак Рэдфута пролетел вперед и впечатался в Филлипа, стоявшего за спиной Рамона. Точнехонько в нос. Застигнутый врасплох рейнджер отлетел назад, приземлившись на стол, за которым трое мужчин наслаждались едой и представлением. В разные стороны полетели чашки кофе и яичница.

— Прекрати! — рявкнул Скай на отца и повернулся, помогая Филлипу встать. Тут же один из рейнджеров схватил Рэдфута за руку и занес кулак. Скай бросился к ним: — Нет! Это мой отец!

Услышав, парень не стал бить, но не успел он полностью расслабиться, как в атаку пошел Хосе. Скай изловчился и поймал брата за руку, а тот, не глядя, ударил его с разворота в челюсть. Скай отшатнулся, вновь сбивая Филлипа с ног — на сей раз на другой столик, прямо в тарелку с овсянкой.

— Прости! — Хосе проскакал мимо, стремясь остановить Рамона, который уже снова заграбастал рубаху Рэдфута.

Краем глаза Скай заметил, как новенькие посетители закусочной спихнули Филлипа со своего стола. Весьма грубо, надо сказать. Челюсть ныла, и Скай не мог решить, где он нужнее всего. В итоге решил помочь другу, раз Хосе оттаскивал от отца Рамона.

Вот только Филлип уже лез под рубашку. Осознав, что он собирается достать пушку, а это ни к чему хорошему не приведет, Скай завопил «*Не стрелять!*» и прыгнул в гущу сражения. Кулаки, ругань, стоны, звон разбитой посуды. И вдруг голос из громкоговорителя:

— Тут горячая штучка собирается раздеваться, парни!

Раздалось еще несколько ударов и звон, а затем повисла такая тишина, что можно было услышать, как мимо пролетает муха. Каждая голова повернулась в направлении голоса, включая Ская. На прилавке, полностью одетая, стояла Шала Уинтерс. Она одарила толпу нервной улыбкой, помахала рукой и скорчила гримасу замершему за ее спиной Лукасу. Тот прижимался губами к микрофону.

— Теперь, когда я привлек ваше внимание, — продолжил Лукас, — я хочу, чтобы вы все сделали глубокий вдох. У нас тут в комнате шеф полиции и как минимум четыре техасских рейнджера. Еще немного, и все закончится весьма паршиво. Никто ведь не хочет, чтобы все закончилось паршиво, верно?

— А она правда собирается раздеваться? — спросил как-то парень.

Его Скай первым схватил за руку и вышвырнул из закуской.

— Ты что делаешь? — поинтересовался Филлип, когда Скай принялся одного за другим отправлять посетителей восвояси.

— Прибираюсь. Пока снова не началось.

— О черт, нет! — Буквально лучась яростью, Филлип вытер окровавленный рот и вытащил из волос кусок яичницы. — Кое-кого из этих ребят стоит официально задержать. Можем начать вот с этого.

И он указал на Рэдфута.

Мария влетела в полицейский участок. Сердце бешено стучало, в голове крутились обрывки информации, полученной от Ская. Рэдфут и Хосе за решеткой. Какого черта Скай посадил своих? Он только и сказал, мол, попытается уговорить рейнджеров их отпустить, но пока парочка оставалась в заключении. О том, как так вышло, — ни слова. Скай лишь велел сестре оставаться дома, а не бежать в участок, словно насадка.

Ага, размечтался. Когда дело касалось семьи, Мария и была насадкой. Это ее родные. В день смерти Эстеллы она добровольно приняла на себя эту роль и никогда не сомневалась в правильности своего решения. А после разговора в больнице с Хосе вдруг осознала, что где-то облажалась. Личные проблемы ослепили ее, но теперь Мария прозрела. И помощи богу тому, кто встанет на ее пути.

За спиной со свистом закрылась дверь. После солнечной улицы приемная казалась мрачной. Когда глаза немного привыкли, Мария увидела слоняющихся по комнате людей, что очень странно для воскресенья. Она узнала двух патрульных с шоссе, которые иногда помогали Скаю, однако еще трое мужчин, что сейчас пялились на нее — причем двое из них выглядели так, словно только вырвались с поля боя, — были незнакомцами. Хотя какая разница? Все равно того, кого Мария искала, тут не оказалось. Наверное, он в своем кабинете.

Стоило сделать шаг в нужном направлении, как перед ней вырос один из незнакомцев:

— Вам помочь?

— Да. Прочь с дороги. Я пришла к Скаю.

Мужчина, видимо, проникся ее решимостью, ибо тут же отступил. Мария миновала коридор и толкнула дверь в кабинет брата. Тот стоял посреди комнаты и спорил с еще одним незнакомцем. Еще одним потрепанным незнакомцем. Лицо самого Ская тоже слегка опухло.

Мария уперла руку в бедро:

— Какого хрена происходит?

Скай нахмурился:

— Филлип, это моя сводная сестра Мария. Мария, познакомься с Филлипом. Он техасский рейнджер.

— Значит, это он держит папу и Хосе за решеткой?

— Так точно, — отозвался Филлип.

— Что они натворили?

Поскольку Мария, гневно сдвинув брови, начала наступать, рейнджер шагнул назад.

— Устроили потасовку в закускойной.

Она вздернула подбородок:

— Рэдфут на такое не способен.

— Мое лицо говорит об обратном.

— Он не хотел тебя бить, — вмешался Скай. — Он целился в Рамона.

— Рамона? — переспросила Мария. — Рамона Клауда?

Брат кивнул.

— Зачем ему драться с Рамоном?

— Это сложно...

— Так упрости! Клянусь, я отсюда не уйду без...

— Рэдфут встречается с матерью Рамона, — выпалил Скай.

Мария закатила глаза:

— Нет, ерунда.

— Он признался.

— Значит, ты неправильно понял. Хочу его увидеть.

Она развернулась, намереваясь пойти к камерам, но Скай схватил ее за руку:

— Я не могу тебя туда пустить.

Мария вырвалась:

— Попробуй останови!

Он встал между ней и дверью.

— Там заперто.

— Так отопри!

Скай потер лицо ладонью:

— Ты не хочешь туда идти.

Сердце Марии замерло.

— О господи, он ранен? Сильно? — Она вперилась взглядом в Филлипа. — Не дай бог, ты причинил ему боль... Ему же почти семьдесят!

— Нет, — перебил Скай, — он не ранен... Просто он там не один. Иди домой.

— Хосе ранен?

— Никто не пострадал! — рявкнул он, затем понуро опустил плечи, сдаваясь. — Твою мать... Мэтт тоже там.

— Мэтт Гудсон? Мой Мэтт?

— Да, твой Мэтт.

Мысли спутались.

— А он каким боком связан с Рамоном и Рэдфутом?

— Никаким. Он связан с Хосе.

И все равно не сходилось.

— Хосе и Мэтт подрались? Почему?

— А мне, блин, откуда знать! Но тебе лучше просто...

Мария посмотрела брату прямо в глаза:

— Ты откроешь эту дверь, Скай Гомес, и позволишь мне разобраться, что к чему. Иначе, клянусь богом и каждым духом, в которого верит Рэдфут, я потрачу остаток своей жизни, чтобы превратить твою в ад.

— Я бы ее пропустил, — заметил Филлип. Скай смерил его злобным взглядом, но рейнджер не впечатлился. — Эй, они заперты в клетках. Что может случиться?

Покачав головой, Скай развернулся и потопал вверх по лестнице. Мария кинулась следом.

* * *

— Даже птицы едят больше.

Шала подняла глаза на Лукаса, сидящего рядом с ней за кухонным столом.

— Прости. Дело не в еде, я просто... Чувство вины и сэндвичи с индейкой не очень сочетаются.

— Позволь спросить: а с чего ты чувствуешь себя виноватой?

— С того. На Рэдфута напали. В Джесси стреляли. А теперь эта драка...

— Тпру. Я, возможно — только возможно! — могу понять твоё самобичевание насчет первых двух пунктов, но не вижу никакой связи с происшествием в закусочной. Почему женщинам вечно хочется взять на себя вину?

Шала выловила из своей тарелки чипсину, разломала на две половинки и скормила собакам Ская, устроившимся по обе стороны от нее. Лукас не ошибся: они стали ее постоянными спутниками.

— Может, в драке я и не виновата, но... мужчина в закусочной заявил, что с моим приездом в городе начались всякие безумства. — Шала нахмурилась. — А потом спросил, нужна ли мне карта, чтобы найти дорогу домой.

Лукас сдвинул брови:

— Стоило сказать мне, пока мы были там. Как он выглядел?

— Не знаю. В синей рубашке... Но он мне не угрожал, и вообще ничего такого. — Шала взяла еще один чипс и сунула в рот. Затем посмотрела на Лукаса: — Скай взбесился, когда увидел меня на стойке.

— Ага, никогда его таким не видел. Но не переживай. Он знает, что это я тебя подбил.

Шала хмыкнула:

— Должна признать, впервые вижу, чтобы потасовка так быстро закончилась. Откуда ты знал, что это работает?

— Этому трюку я научился во время войны в Заливе. Я вызубрил эту фразу на пяти языках. Работает безотказно... Ну, кроме одного случая, но тогда я даже не подозревал, что это гей-бар. — Лукас рассмеялся. — Век живи — век учишься.

— Ты очень интригующая личность, Лукас. — Не дождавшись ответа, Шала спросила: — Ты говорил со Скаем? По-моему, ему довольно сильно досталось.

— Этого мало, чтобы его уложить, — усмехнулся Лукас. — Скай крепкий орешек.

Она подумала о газетной вырезке. Что-то подсказывало, что Скай не так уж невосприимчив к боли, как многие полагают. В ногу ткнулся мокрый нос Сандэнса, и Шала наклонилась погладить пса.

— Не против, если я возьму ноутбук Ская? — спросил Лукас. — Хочу кое-кому отправить несколько твоих снимков для проверки.

— Конечно.

Он уже был на середине комнаты, когда собаки вдруг подскочили и залаяли. Лукас развернулся и замер.

— Что такое? — Шала округлила глаза.

Мужчина и псы, казалось, в любой миг готовы были ринуться в атаку.

Лукас прижал палец к губам и склонил голову набок. Прошла секунда, и тогда Шала тоже услышала.

— Прошу, скажи, что это лишь автомобильный хлопок...

Собаки вновь разразились лаем. Лукас промолчал. Затем шагнул к шкафу, ввел код на панели и вскоре уже доставал гигантскую винтовку, подходящую, скорее, какому-нибудь Рэмбо. Когда же он взглянул на Шалу, жизнерадостный парень, у которого она гостила, пропал без следа. Теперь он выглядел жестким и смертельно серьезным.

— Пережди какое-то время в главной ванной. Бегом!

* * *

Прежде чем отступить в сторону и пустить Марию к камерам, Скай крикнул в дверь:

— Лучше бы вам принять пристойный вид — к вам дама!

Мария шагнула вперед. Она была здесь не впервые — прошлым летом Женский клуб занимался облагораживанием верхнего этажа участка и проводил благотворительный ужин в древних камерах в поддержку творческих классов. «Ужин за решеткой» собрал более пятисот долларов. Но сейчас благотворительность была ни при чем. Под арестом мужчины, которых Мария любила.

Хосе и Рэдфут находились в одной камере, Мэтт и Рамон — в другой, напротив. Последний красовался разбитым носом, кровь из которого заливала рубашку. Мэтт растянулся на койке, пялясь в потолок. Один его глаз распух до того, что казался закрытым.

Мария вгляделась в лица Хосе и Рэдфута, гадая, какие из их синяков новые.

— Тебе здесь не место, — заявил Хосе. — Блин, Скай, убери ее отсюда.

Койка в камере напротив скрипнула. Мэтт сел и осмотрел Марию здоровым глазом.

— Какого черта произошло? — спросила она у всех.

Кто-то снизу позвал Ская, и тот перед уходом окинул присутствующих суровым взглядом:

— Сейчас вернусь. Ведите себя прилично.

— Пожалуйста, кто-нибудь, объясните, что случилось, — попросила Мария.

Шаги Ская застучали по ступеням.

— Твой старик случился, — буркнул Рамон. — С моей мамой.

Мария неверяще уставилась на отца:

— Просто скажи ему, что он ошибся. Ты же не встречаешься с Вероникой.

— О, он с ней не встречается. Он ее лишь трахает! — Голос Рамона отразился от старых каменных стен.

— Не смей так говорить о матери! — приказал Рэдфут.

— Серьезно, старик? Мне говорить нельзя, а тебе делать можно?

— Прояви уважение, черт возьми! — Что-то в тоне отца заставило Марию засомневаться в ранее сделанных выводах.

— Уважение?! — взревел Рамон. — Так вот, чем ты в своей палате занимался — уважал ее?

— Прекратите! — не выдержала Мария.

И почувствовала на себе взгляд Мэтта. Захотелось крикнуть Скаю, чтобы принес ключи и открыл дверь — этот заплывший глаз нуждался в осмотре. На вид — просто ужас. Но как Мэтт воспримет ее заботу? Тогда в больнице он, кажется, предпочел поверить в худшее.

— Мы ничем таким в палате не занимались, — прорычал Рэдфут.

— Я знаю, что видел! — Рамон ударил по решетке. — Не могу поверить, что тебе хватает наглости врать мне в лицо, будто ты с ней не спал!

— Я и не говорил, что не спал с ней.

— То есть, ты признаешь?

— Да. — Рэдфут гордо распрямился. — Признаю.

— Признаешь? — ошеломленно переспросила Мария.

— Высокомерный сукин сын, — проворчал Рамон. — Я заставлю тебя поступить с ней как должно. Вынесу вопрос на совете племени. Ты же вроде как один из почтенных старейшин!

— Папа, сядь и заткнись, — влез Хосе. — А ты, Мария, тащи свою задницу домой!

— Я твоим приказам не подчиняюсь, — оцетинилась Мария.

Мэтт хохотнул:

— Нашла, кому сказать.

Хосе припал к решетке:

— Лучше даже не начинай.

Мария уставилась на обоих:

— С чего, бога ради, вы затеяли драку?

— Ну что, скажешь правду? — обратился Рэдфут к Мэтту. — Открой ей то, что от нее скрывал.

Мария перевела взгляд с одного на другого:

— Что скрывал?

— Что он тебе изменяет, — злобно проговорил Хосе. — Этот гад...

— Чушь собачья, — оборвал Мэтт. — Почему бы тебе самому не рассказать об официанточке, с которой ты миловался все утро?

Мария растерянно пялилась то на одну камеру, то на другую. Сзади послышались шаги. Обернувшись, она увидела одного из патрульных.

— Ская вызвали по срочному делу, — сообщил он Марии, а затем обвел взглядом заключенных. — Кто из вас Мэтт?

— Я.

— Звонила ваша жена, сказала, что адвокат уже в пути.

Мария потрясенно вцепилась в руку полицейского:

— Его жена?!

— Эм-м, ну она так представилась.

— Ах ты скотский кусок дерьма! — завопил Хосе.

Все заговорили одновременно. Рэдфут бормотал что-то невнятное, Рамон кричал что-то о своей матери, а Мэтт просто повторял имя Марии. И все это, казалось, разносилось по всему зданию, эхом отскакивая от камня.

Зажав уши ладонями, Мария развернулась и бросилась прочь.

* * *

Сжимая в руке пистолет, Скай ворвался в дом Лукаса. Друг устроился лицом к двери и обнимку с винтовкой.

— Что нового? — спросил Скай и оглянулся на Шалу. Та сидела на кухне, выкладывая буквы для «Скрэбла».

Их взгляды встретились. Пришлось побороться с собой, чтобы не броситься к ней, не стиснуть в объятиях и не поцеловать. Скай не признавал публичных проявлений чувств. Сегодняшний утренний поцелуй был спонтанным и по-прежнему заставлял сомневаться в собственном здравомыслии. Черт, за последние дни все так запуталось.

— Ничего, — ответил Лукас. — Я же говорил, не стоит тебе приходить. Было всего два выстрела. Может, кто-нибудь змею подстрелил, кто знает.

— Как близко? С какой стороны?

— Предположительно, миля, может, чуть больше. Ветер же. Судя по всему, с северо-востока.

Скай кивнул и вновь пристально посмотрел на Шалу.

— Кто-то угрожал ей в закусочной, — выдал Лукас.

— Что? Кто? Почему ты мне не сказала? — Скай все же направился к ней.

— Ну, это сложно назвать угрозой. Он был в темно-синей рубашке на кнопках, и эмблему какую-то я запомнила. К тому же в тот момент у тебя и без меня дел хватало. — Потянувшись, Шала коснулась его челюсти. — Болит?

— Я в норме. — Скай сжал ее руку и обернулся к другу: — Я отправил Пита прочесать окрестности. Уверен, что Филлип захочет побеседовать с Шалой, но не раньше, чем в участке все успокоится.

— Позвонишь, и я ее привезу.

Скай вновь взглянул на Шалу, борясь с желанием ее поцеловать. Затем отпустил ее ладонь.

— Увидимся, — сказал наконец.

— До скорого, — отозвалась она, и он ринулся прочь, пока не сорвался и не натворил чего-нибудь — вроде повторного поцелуя на глазах у Лукаса.

Надо было разобраться с делами. По-видимому, с чертовой прорвой дел. Вот только мыслям о Шале они не помеха.

Чарли Рейнмейкера отловить так и не удалось, и Скай подал в розыск его грузовик, чтобы все копы в округе были начеку. Еще он поспрашивал народ и выяснил, что единственный, кто сегодня явился в закусочную в синей рубашке с логотипом, — это Донни Чавес, сосед Чарли. Скай знал Донни и сомневался, что тот способен на преступление, но все же отправился и обстоятельно с ним побеседовал. Донни признался, что предлагал Шале убраться восвояси. Однако на последние несколько дней он вместе с женой и детьми уезжал из города, так что не мог быть тем самым преследователем. Велев парню не лезть не в свое дело, Скай ушел.

Дальше он услышал о произошедшем в участке кошмаре и, так как находился рядом, заглянул домой проведать Марию. Она плакала. Сначала утверждала, что говорить не хочет, но стоило ее обнять, сломалась и выдала все насчет жены Мэтта. Объятия оказались единственным, на что Скай был способен — ободряющих речей о проблемных отношениях в голову не приходило.

Затем он навестил Джесси в больнице. Как и следовало ожидать, Сэл не отходил от ее постели.

— Скажи ему, чтоб отправлялся домой и выспался, — велела Джесси.

Скай даже пробовать не стал. Легче прокусить алмаз, чем прогнать Сэла от жены. Эти двое напоминали Рэдфута и Эстеллу, что в свою очередь заставляло задуматься о Рэдфуте и Веронике Клауд. Со смерти Эстеллы минуло уже десять лет, так что Скай не осуждал отца за

тягу к компании, но насколько все серьезно? *«Он заслуживает счастья, так что, как бы там ни было, ты его поддержишь».*

К сожалению, Джесси не смогла сказать о нападавшем ничего нового: большой парень в лыжной маске. И Пит, дежурный патрульный, ничего не выяснил о выстрелах у дома Лукаса. Возможно, кто-то действительно просто прикончил змею. Тупик. Вот и все достижения.

Скай вернулся в участок и только в семь вечера решил, что на сегодня хватит. Филлип наконец уступил и позволил отпустить всех задержанных, не выдвигая обвинений. Разговор с Шалой он перенес на потом. А перед уходом сообщил Скаю, что отослал кому следует снимок предполагаемого водителя седана, но на опознание могут уйти недели.

Поворачивая ключ зажигания, Скай думал о Шале. Он мечтал остаться с ней наедине и едва не позвонил Лукасу, чтобы попросить того переночевать на лодке — друг обычно спал там пару раз в неделю, так что не такое уж это было бы одолжение. Но в то время как мысль о голой Шале в его полном распоряжении дьявольски искушала, эта же необъяснимая тяга к ней приводила в замешательство и настораживала. Наверное, все дело в этом дерьме о вторых половинках.

Телефон затрезвонил, когда Скай выруливал с парковки. Он взял трубку и посмотрел на номер. Снова Марта из службы спасения.

— Что случилось? — со вздохом ответил Скай на звонок.

— Снова Кэнди Питерсон.

Желудок скрутило. Скай ненавидел бытовуху на почве страсти, но выезжать на вызов из дома Питерсонов не любил особенно. Пьяница и раздолбай, муж Кэнди регулярно ее избивал. И Скай не мог взять в толк, почему же она раз за разом это позволяет.

— Черт, Марта. Скажи, что она не пустила этого сукиного сына в дом.

— Скай, там, кажется, все совсем плохо. Звонит ее дочь.

Он задумался, не вызвать ли Пита, но времени не было.

— Я всего в паре кварталов.

Не прошло и минуты, а Скай уже припарковался перед домом. Достал пистолет и пошел к крыльцу. Стучать не пришлось — дверь и без него сорвали с петель. Через проем можно было увидеть Питерсона, стоявшего над окровавленной лежащей на полу Кэнди. Это зрелище вновь отбросило Ская на двадцать два года назад. Чего бы он только ни отдал, чтобы уничтожить ублюдка на месте! Но все же сумел вытянуть себя из бездны и ворвался в комнату.

— Что здесь произошло? — спросил и не удивился, когда Питерсон на него кинулся. Скай схватил его за волосы и впечатал в стену, почти надеясь, что пьяный засранец вновь пойдет в атаку.

И Питерсон не разочаровал. Он замахнулся и промазал. А Скай — нет. Его удар пришелся противнику по подбородку. Сильный удар. Убрав оружие в кобуру, Скай схватил полубессознательного идиота за грудки, перевернул, уперся коленом ему в спину и защелкнул на его руках наручники. Затем оглянулся на Кэнди. Лицо ее было в крови, но выглядела она не так плохо, как в прошлый раз.

— Мама? — раздался детский голосок, низкий и испуганный.

Скай вскинул голову и увидел выглядывающую из спальни восьмилетнюю дочь Кэнди. В полных ужаса глазах стояли слезы.

— Все в порядке, — сказал Скай ребенку, чувствуя, как желудок выворачивается наизнанку. — Возвращайся в комнату. Больше ничего плохого не случится. — А когда девочка послушалась, обратился к все еще лежащей на полу Кэнди: — Что-нибудь сломано?

Она покачала головой:

— Нет. Ты появился вовремя.

— Скорую вызвать? — Скай задавал этот вопрос каждый раз, хоть и знал, что она ответит.

— Нет. Я в норме.

Неправда. Кэнди облажалась не меньше, чем ее муженек. И впервые в жизни Скай ощутил ненависть к собственной матери. Долгие годы он винил лишь своего старика, но мама тоже сыграла немаловажную роль. Как и Кэнди.

— Ты вновь его впустила.

Как и мать Ская. Вновь и вновь позволяла мерзкому папаше возвращаться.

Кэнди вытерла кровь с губы:

— Он сказал, что изменился.

— Он говорил это и в прошлый раз. И до этого. Бога ради, женщина! Иди взгляни на

свою дочь. На ужас, который ты в ней поселила. Называешь себя матерью, но что ты сделала для собственного ребенка?

Рыдая, она потрясла головой:

— Я знаю, что ошиблась.

— Клянусь... если подобное повторится, я прослежу, чтобы девочку кому-нибудь отдали. Сам лично ее у тебя заберу. Поняла? Клянусь богом, женщина, я не шучу. — Глубоко вздохнув, Скай поднялся, схватил Питерсона и рывком поставил его на ноги. После чего задал последний бесполезный вопрос: — Обвинения выдвигать будешь?

* * *

В купленной Скаем голубой пижаме, Шала лежала в постели не в силах заснуть. Вместе с этим она думала о нем. Скай утверждал, мол, эта пижама похожа на ее собственную, но здесь на майке имелось кружево, а шорты были короче и облегали сильнее. Наряд посексуальнее, чем другие.

«Или, может, я просто чувствую себя сексуальнее».

Шала приняла душ... даже позаимствовала у Лукаса станок, чтобы побрить ноги. А еще воспользовалась найденной в сумочке косметикой, чтобы подготовиться. *«Но к чему?»* — вопрошал голос в голове. Она с ним весь вечер протворила, уверяя, что помада и румяна вовсе не означают, будто она собирается спать со Скаем. Теперь же, столкнувшись с разочарованием, Шала осознала собственную ложь: она была готова к этому шагу. Только вот Скай не оказался здесь, чтобы шагнуть вместе с ней. По крайней мере, его не было в ее комнате.

Решив, что срочно нужно что-нибудь выпить, Шала поднялась с кровати и тихонько приоткрыла дверь. Кухня и гостиная выглядели пустыми. Расстроенная, она вышла и налила себе молока. Где Скай? Отдыхает в другой спальне? Мысль заглянуть туда показалась чересчур наглой, так что Шала плотнула молока и направилась к окну — вдруг удастся заметить его грузовик. К сожалению, отсюда проглядывалась лишь часть дороги.

Шала распахнула входную дверь. Услышала стрекотание сверчков и шум ночи и шагнула на крыльцо, чтобы увидеть подъездную дорожку. Темнота заставила вспомнить парня в лыжной маске, и Шала замерла.

— Тебе не стоит...

Голос из ниоткуда. Пораженная, она развернулась, сердце колотилось как бешеное. На крыльце, опершись спиной на грубую внешнюю стену дома, сидел Скай. И вытирал с головы и лица молоко. Неужели она?... Шала уставилась на пустой стакан. Ага, все на него выплеснула.

— ...не стоит здесь находиться. — Скай вытер руку о рубашку и попытался высушить остальное.

Из горла Шалы едва не вырвался смешок.

— Прости! Ты меня напугал.

— Хорошо, что у меня нет непереносимости лактозы.

Шала рассмеялась. Грудь наполнило светлое легкое чувство, то самое, что, кажется,

всегда возникало, когда рядом Скай.

— Что ты здесь делаешь?

Он улыбнулся, но как-то натянуто. Шала приблизилась и заметила затравленное выражение в его глазах.

— Кроме того, что жду молочного душа?

— Ага, кроме этого. — Она перевела взгляд на стоящую рядом бутылку. Уловила запах виски.

— Просто размышляю. А ты? Ты не должна выходить на улицу в одиночку, когда...

— Я не могла заснуть. Решила, что свежий воздух поможет.

Ну ладно, наглая ложь, но не признаваться же, что искала его! Шала пристально посмотрела на Ская, и он отвернулся.

— Лукас сказал, тебя срочно вызвали.

— Угу.

— Это связано со мной или с камерой?

— Нет.

— Случилось что-то... плохое?

— Да.

Голос его был холодным, мрачным, и Шала заколебалась.

— Хочешь об этом поговорить?

— Обыкновенное дело.

Она не поверила. И, попытавшись сказать что-нибудь правильное, спросила:

— Ты не против компании? Или предпочитаешь размышлять в одиночестве? —

Тишина. — Тогда я пойду.

Молчание ведь тоже ответ.

Шала вернулась в дом. Легкое, воздушное чувство испарялось с каждым шагом. Но едва зайдя в спальню, она вспомнила взгляд Ская. И то, как пыталась отстраниться от него в больнице, но он не позволил.

Шала направилась обратно. Она тоже не позволит себя оттолкнуть. Возможно, Скай не желает говорить — мужчины редко желают, — но она знала кое-что, что может помочь.

* * *

Скай пялился на дверь, за которой только что скрылась Шала. Боже всемогущий, в этой пижаме она была великолепна! Образ стройного компактного тела в тоненькой голубой майке и коротких шортах в тон подвигал либидо Ская схватить его за плотку и заставить мчаться за ней. Вместо этого он закрыл глаза, откинул голову на деревянную стену и сделал очередной глоток виски.

Еще не достаточно. Он еще не надрался. И в мыслях по-прежнему слишком много дерьма. Пьянство не входило в его привычки, но сегодня Скаю нужно было отвлечься. А если Шала Уинтерс окажется поблизости, ему чертовски захочется позволить ей стать тем самым отвлекающим фактором. Способом забыть, потеряться. Она заслуживала большего, так что лучше уж алкоголь. «К тому же ты не удосужился попросить Лукаса свалить».

Входная дверь вновь распахнулась, и на крыльце появилась Шала. Она остановилась прямо напротив места, где сидел Скай, и поставила свои босые ноги по обе стороны от его, вытянутых на полу. Взгляд его задержался на накрашенных ноготках, скользнул по идеальным лодыжкам, икрам, вверх, прямо к сладкому местечку, где шорты оказались достаточно свободными, чтобы можно было разглядеть нежную кожу бедер. Скай сглотнул, виски обжег горло. Пришлось бороться с потребностью податься вперед, прижаться губами к манящему месту; бороться с воспоминаниями о том, какой влажной Шала была эти утром.

Она опустила, словно какая-то экзотическая танцовщица.

Скай чуть изменил положение ног, и Шала уселась ему на колени, раздвинув бедра. Руки так и чесались погладить эти бедра, меж них, проникнуть под ее шорты. Ноздри затопил чистый женский аромат с ноткой мяты — кажется, зубная паста.

— Шала...

Скай и сам не знал, что хочет сказать, но Шала сдвинулась, прижалась к его члену, и логика перестала существовать. Он отбросил бутылку и обхватил Шалу руками за талию, притягивая к себе, чувствуя ее вес на своем паху. Она поддалась без колебаний. И не стала ждать поцелуев — сама припала своими губами к его. Слегка лизнув их, скользнула языком Скаю в рот. Затем погладила по груди, одной рукой обвила крепкую шею, погрузила пальцы в волосы.

Поцелуй, влажный и полный желания, все ускорил. Шала расстегнула его рубашку и просунула мягкую ладонь под ткань. Теплое прикосновение послало импульс удовольствия в живот Ская, вызывая покалывание в яичках. Мысленно он просил Шалу замедлиться, но тело явно не соглашалось. Он уже был тверже камня.

К счастью, Скай не совсем потерял рассудок и прекрасно сознавал, что не может взять ее здесь, на крыльце. Подхватив Шалу под ягодицы, он встал. Она, почти невесомая в его руках, обвила ногами его талию. И все не прекращала целовать, да Скай этого и не хотел. Он занес Шалу в дом. Функционирующих клеток головного мозга оказалось достаточно, чтобы не забыть запереть за собой дверь. Они двинулись прямо в спальню. И плевать, если Лукас рядом. Плевать, что всего пару минут назад это не казалось хорошей идеей. Скай желал Шалу Уинтерс. Она желала его, и он нуждался в том, чтобы потерять себя в чем-то прелестном.

Он захлопнул дверь комнаты за спиной. Ночники дарили достаточно света, чтобы насладиться видом. Шагнув к постели, Скай опустил свою ношу на матрац. Пришлось просунуть руку между их телами, чтобы заставить Шалу разжать ноги, ослабить хватку. Затем, упершись одним коленом в кровать, расстегнуть на себе пару пуговиц и сдернуть рубаху через голову. Скай расстегнул джинсы и снял их вместе с трусами одним быстрым движением. Член свободу оценил. Твердый и готовый, он подпрыгнул и устоялся в потолок.

Переступив через одежду, Скай растянулся рядом с Шалой. Она провела рукой по его лицу, потом ниже, по груди. Он взял ее ладонь и переместил. Но в тот момент, когда она мягко сжала его в кулаке, Скай понял свою ошибку: еще немного таких поглаживаний, и все закончится. Он убрал руку Шалы от своего паха и занялся ее оголением.

Тонкая майка легко снялась через голову; больше не сдерживаемая тканью грудь чуть покачнулась. Зацепившись большим пальцем за резинку шорт, Скай потянул их вниз по стройным ногам, наслаждаясь прикосновениями к нежной коже. Мгновение спустя его рука уже поднялась к коленям Шалы, а потом и к жаркому местечку между ее ног. Почувствовав пальцами влагу, Скай застонал. Его тело жаждало разрядки, мечтало погрузиться в нее,

глубоко, и еще глубже, быстрее, сильнее. Да, это гораздо лучше, чем виски.

Вспомнив о презервативе, Скай встал. «*Есть один. В бумажнике*». Но прежде, чем потянуться за ним, оглянулся. Воздух покинул легкие. Скай замер. Просто не мог пошевелиться. Шала его загипнотизировала. Она лежала, раскинувшись на кровати, обнаженная, готовая его принять, и он в жизни не видел женщины красивее.

Ее волосы золотым ореолом обрамляли голову. Голубые глаза не отрывались от Ская, пристальный взор, таивший в себе желание — желание ему угодить. Каким-то образом он почувствовал: Шала преподносит себя в дар. Она догадалась, что ему нужно сбежать. И вот так просто, потребность утолить свою жажду уступила место необходимости удовлетворить ее.

Скай вернулся на кровать, тыльной стороной ладони погладил Шалу по щеке и поцеловал с терпением мужчины, у которого вся ночь впереди. И продолжал. Пять минут. Десять... Скай не знал, как долго они целовались, но, видимо, достаточно, чтобы придвинуться еще ближе друг к другу. Он чувствовал, как Шала растворяется в нем — без возражений и колебаний. Скай оставил в покое ее рот, подхватил губами правый сосок и легонько потянул. А услышав, как участилось дыхание Шалы, просунул руку меж ее бедер.

Она застонала, и этот звук удовольствия завибрировал между ними. Скай мечтал услышать больше: больше стонов, больше крошечных вздохов, которые подсказали бы, что он все делает правильно. Он не спеша исследовал тело Шалы, целуя живот, задержавшись на пупке, опускаясь к влажной сердцевине. Окружавший ее треугольник волос на ощупь оказался таким мягким... Скай скользнул пальцами внутрь, раздвигая нежные складки, входил и выходил, гладил бугорок, что, как известно, сводит женщин с ума.

А когда припал к нему губами, Шала задрожала. Расположившись между ее ног, Скай посмотрел вверх и медленно прошелся ладонями по внешней стороне идеальных бедер.

— Тебе хорошо?

Шала открыла глаза, но не ответила, поэтому он рискнул, вновь опустил голову и лизнул клитор. Она подалась навстречу жаждущему рту — это и стало ответом.

Скай прислушивался к дыханию Шалы, подстраивал темп под легкие движения бедер и ощутил приближение ее оргазма, потому что она вновь начала издавать тихие приятные звуки, попеременно со стонами и вздохами. Как ни странно, от этих звуков внутри все переворачивалось, и Скай понял, что улыбается.

Достигнув пика, Шала напрягла и приподняла ягодицы, упершись пятками в матрац. Скай внимательно смотрел на нее и мог думать лишь о том, как бы снова вознести эту женщину на вершину удовольствия. Он передвинулся и взял ее лицо в ладони:

— Ты прекрасна.

Шала открыла глаза, и на ее губах появилась прелестнейшая улыбка. И вот, здесь и сейчас, Скай почувствовал, что мир изменился. Он не знал точно, как именно и какие будут последствия, но с этим можно разобраться позже.

— Предполагалось, что это я тебя соблазню, — заметила Шала.

Он усмехнулся:

— Ага, и что пошло не так?

Она погладила его по спине и ниже — по заднице. Скай ощутил повязку на ладони Шалы, сделал себе пометку «не забыть» и перехватил ее руки.

Но с помощью какого-то чудесного маневра она вдруг оказалась на боку чуть в стороне. Пробежалась пальцами по его груди к твердокаменному стояку, и Скай почувствовал себя

еще более возбужденным, чем прежде. Ладонь сомкнулась на его члене, движение вверх и вниз, сжатие и ослабление. Скай закрыл глаза и сосредоточился на том, чтобы не взорваться от удовольствия. Наконец, не в силах больше этого выносить, он отстранил руку Шалы и выдохнул:

— Презерватив.

— Я еще не закончила, — ответила она невинным и чертовски сексуальным голосом. — У меня были другие планы.

Поддразнивая, она облизнула губы. Сработало. Член набух, а стоило представить, как этот сладкий ротик вбирает его в себя, и яйца будто узлом завязались. И тогда Скай вспомнил, насколько между ног Шалы влажно и тепло.

— В другой раз, — проворчал он. — Хочу быть внутри тебя.

Он откатился в сторону, в мгновение ока отыскал бумажник, достал презерватив и, разорвав упаковку, натянул его на член. Затем взял подушки и подложил по одной под каждый столбик кровати.

— Зачем ты?... — Шала выглядела так, будто ждала, что Скай сейчас достанет парочку цепей.

Не то чтобы он возражал против наручников, но в его намерения они не входили.

— Так кровать не будет стучать о стену, — пояснил он.

— О...

Шала покраснела и уставилась на дверь, словно только сейчас вспомнила про Лукаса. Вот черт, она ведь не собирается останавливаться, правда?

Она не собиралась.

— Отличная идея, — согласилась Шала, и в горле Ская заклокотал смех — смесь удовлетворения и облегчения. Она не собиралась останавливаться! Одна только возможность подобного приводила в ужас.

Он улегся рядом и притянул Шалу к себе. К его восторгу, в ней удивительным образом сочетались невинность и соблазнительность. Глядя ей в глаза, Скай погладил пальцами прелестные губы. Шала вдруг втянула один палец и принялась посасывать, словно говоря, что то же самое может сделать с его пульсирующим членом. Но влажность ее рта напомнила о другом месте — том самом, куда ему нужно попасть немедленно, пока не взорвался.

Перекатив Шалу на спину, Скай устроился между ее ног и толкнулся внутрь. Погрузился глубже, и в животе разлилось удовольствие. Шала — гладкая, тугая, открытая — приветствовала его. Сдерживая желание резко податься вперед, взять ее всю и сразу, Скай осторожно вышел и медленно вошел до конца. Их взгляды встретились. Шала обвила его ногами за талию, и они начали двигаться вместе.

Мир перевернулся: Скай вдруг оказался на спине, а Шала — на нем верхом. Вот только раскачивалась она недостаточно быстро. Ему нужна скорость. Глубина. Немедленно. Но стоило открыть глаза и увидеть, как Шала поднимается и опускается над ним, как грудь ее колеблется с каждым движением, и как там, ниже, ее мягкое лоно обволакивает его точно бархат — и зрительный образ поднял удовольствие на новые высоты.

Положив здоровую руку на живот Ская, Шала приподнялась так, что его набухший член едва из нее не выскользнул, замерла и вновь опустилась. И вот таким наскоком ей удалось вобрать его в себя гораздо глубже, чем прежде. А затем все повторилось вновь.

Скай схватил ее за бедра, желая разогнать темп. Шала, казалось, не возражала, даже позволила ему вести. Войти. Выйти. Вверх. Вниз. Быстро и яростно — все, в чем Скай нуждался. Шала закрыла глаза и запрокинула голову. Судя по всем тем же тихим звукам — она стояла на обрыве нового оргазма. И Скай стоял рядом.

Перевернув Шалу на спину, он тяжело вонзился в нее, и еще раз, и мгновение спустя воспарил; каждое нервное окончание в его теле вибрировало от сокрушительного удовольствия — удивительного чистого счастья. Оргазм длился небывало долго и вознес Ская куда выше, чем когда-либо. Достигнув же пика, он упал поверх Шалы — девяносто килограммов живого веса.

Опомнившись, перекатился на бок, утягивая ее за собой, и тут же с ужасом осознал, что не совсем уверен, кончила ли она. Да, Скай помнил, что она почти... но... Все еще не в силах отдышаться, он всем своим существом настроился на тело Шалы. Услышал короткие глубокие вздохи, почувствовал спазмы мягкой плоти, в которую все еще был погружен. Она кончила. Он ее не подвел.

Грудь затопило облегчением и счастьем. Скай привлек Шалу еще ближе к себе и крепко стиснул, ощущая, как ее щека прижимается к его плечу, и как воздух вырывается из ее губ и ласкает его кожу.

— Ну разве это не... уф... потрясающе? — выдохнул Скай ей в волосы.

— Не то слово... Как думаешь, Лукас слышал?

А не плевать ли? Конечно, Лукас, скорее всего, все слышал. Скай глянул на кроватьные

столбики. Обе подушки упали. И если вспомнить их яростные движения, будет странно, если стену не придется ремонтировать. Скай на мгновение отстранился, чтобы избавиться от презерватива, но тут же вновь лег рядом с Шалой.

— Это было громко, да? — Она посмотрела на него, чуть приподняв голову. Ее щеки заливал румянец стыда.

— Ты про кровать? Не помню, — честно ответил Скай и, подвинувшись ближе, улыбнулся. — В следующий раз постараюсь обратить внимание. Хотя не уверен, что что-нибудь расслышу за твоими-то криками.

Шала хихикнула. Он снова перекатился на нее и, едва не забыв про перевязанную ладонь, схватил за запястья и завел ей руки за голову. А когда посмотрел вниз, ее глаза загорелись, и он вдруг подумал о тех, кому посчастливилось побывать на его месте, кто знал тело Шалы, ее улыбки, звуки, что она издает, когда кончает... Новое чувство — ревность, эмоция, которой Скай прежде не испытывал — поселилось в груди. Вспомнилось, как Шала рассказывала о бывшем во время одного из своих приступов болтливости, и, черт, Скай бы не отказался о нем послушать.

— Что *этот* тебе сделал? — спросил он прежде, чем успел себя остановить.

— Кто?

— Твой бывший. — Когда Шала не ответила сразу, внутри все сжалось. — Прошу, скажи, что он тебя не бил...

Она потрясла головой:

— Нет. Он не... Обязательно это сейчас обсуждать?

— Нет, — признал Скай, но все же не справился. — Да. Что он сделал?

Затем отпустил руки Шалы и прилег рядом.

Она испустила еще один тяжелый вздох:

— Просто... вот ты кого-то любишь, а он уходит.

Слова звучали непонятно, но Скай видел боль в ее глазах. Это она о бывшем муже? Или о родителях, бабушках и дедушках?

— Ты его бросила? — предположил он. Блин, просто не верилось, что он и правда хочет об этом знать! Прежде Ская никогда не интересовало прошлое подружек. Не всерьез.

— Он изменил мне с моей подругой. На самом деле, он полагал, что все прекрасно. Желал, чтобы мы стали большой счастливой семьей...

Скай едва не рассмеялся и не сказал, мол, это мечта каждого парня... но все же бывший Шалы говнюк, раз посмел так ее ранить. *«Жалел ли он? Пытался ли ее вернуть?»*

— Он с тобой связывался?

— Раньше — часто. Теперь уже реже. Прошло два года. Я не отвечаю на его звонки.

— Тебе без него лучше.

— Знаю.

Скай прижал Шалу к себе, наслаждаясь ее теплом. И ее внезапный приступ смеха застал его врасплох.

— Чего смешного?

Шала закусила нижнюю губу:

— Просто вспомнила выражение твоего лица, когда я обвинила тебя в проблемах с эрекцией.

— И ужасно ошиблась, как теперь смогла убедиться. Признай же! — поддразнил Скай и получил в ответ застенчивую милую улыбку.

— Полагаю, придется отдать тебе должное.

«Ты мне дала не только это», — подумал он и припал к ее губам.

* * *

Лежащая поверх его бедра нога сдвинулась, и Скай проснулся. Гадать, кому эта нога принадлежит, не приходилось. От воспоминаний о прошедшей ночи на губах заиграла улыбка. Они занимались сексом дважды, но член опять салютовал в потолок — ежеутренний ритуал, — напрашиваясь на третий заход. Может, даже на четвертый. Скай призадумался, есть ли у него какие-нибудь неотложные дела, что могут помешать...

Из соседней комнаты донеслось насвистывание, и настроение резко упало. Как-то сомнительно, что Шала пожелает пуститься во все тяжкие, когда за стеной кое-кто горланит «Янки-Дудль — денди».

Перед глазами пронесся вчерашний выезд по вызову. Кэнди Питерсон притащила с собой целый воз ненужных воспоминаний. После стольких лет они по-прежнему разрывали Скаю изнутри, и он никак не мог понять — почему. Секс с Шалой смог прогнать призраков прочь.

От мысли, что он, возможно, только затем Шалу и использовал, грызла совесть, но Скай задвинул ее подальше. Эта ночь — больше, чем просто способ забыться. Море удовольствия и секс. Черт, даже больше, чем секс, это...

Настроение вновь понеслось куда-то вниз. Секс никогда не являлся для Скаю чем-то «большим». Он всегда умел отключать эмоции, оставляя сердце свободным, а разум — чистым. Но воспоминания о прошлой ночи засели в голове, и, черт, вчера эмоции наследили в каждом его действии! Вчера дело было не только в сексе, но и в Шале — в ее улыбке, в желании сделать ее счастливой. Заставить ее забыть о своих демонах. Забыть, что ее родители мертвы, что муж причинил ей боль, что какой-то урод охотится за ней по неизвестной причине. Вчера главным было защитить Шалу, позаботиться о ней. И это гораздо больше, чем просто секс.

Ее рука, лежавшая поперек груди Скаю, вдруг показал ему пятикилограммовой. Нога Шалы обхватывала его слишком сильно. Ее запах проникал в нос, вызывая удушье. Скай хотел сбежать, немедленно.

Он с трудом удержался, чтобы не сигануть с кровати. Вместо этого аккуратно освободился, схватил джинсы и, натянув их в рекордно короткие сроки, рванул из спальни.

— Привет, — поздоровался Лукас.

Скай не ответил и пошел прямо на улицу. Оперся на перила, пытаясь вдохнуть и побороть нечто вроде клаустрофобии, но связанное не с маленькими помещениями, а с маленькой блондинкой, которую он только что оставил в постели. Дверь за спиной распахнулась.

— Ты как? — спросил Лукас.

— Нормально. — Скай не обернулся.

— Поссорились?

— Нет.

Он прощупал карманы на наличие ключей. На месте. За рубашкой можно заскочить домой. Скай глянул вниз и понял, что нужна еще и обувь. Но здесь оставаться нельзя.

— Мне надо... забежать к себе. Можешь к десяти отвезти Шалу на встречу с Филлипом? — *«Не забыть попросить Филлина сказать, что я пошел проверить место преступления»*. — И подожди, чтобы потом ее забрать. Я, скорее всего, не смогу.

Скай обернулся. Друг хмуро кивнул и направился было в дом, но остановился:

— Ай, да хрен с ним. Ты в курсе, чем я зарабатываю на жизнь?

— Спецоперациями? — растерянно пробормотал Скай.

— Ага, иногда. Но в основном слежу, чтоб невинные люди не пострадали.

— И?

Лукас указал себе за спину:

— Шала Уинтерс одна из этих невинных. Не делай ей больно.

Скай инстинктивно рванул вперед:

— Ты сам на нее запал? В этом проблема?

Друг опешил:

— Черт, нет! Ничего подобного.

— Тогда не вмешивайся, — рявкнул Скай и тут же об этом пожалел.

Лукас смерил его жестким взглядом:

— Обычно я так и поступаю. Умею не лезть в чужие дела. Но ты привел ее сюда. Впутал меня. И да, я знаю, что ты не просил совета, но я все же скажу: она отличается от девиц, с которыми ты привык крутить. Помни об этом.

Он скрылся за дверью, а Скай остался, чувствуя себя полным засранцем.

* * *

Все еще в тонких пижамных штанах и футболке, Хосе стоял на пороге кухни и наблюдал, как Мария передвигается от стола к стойке. Судя по усталым глазам, спала она плохо. Когда они с Рэдфуттом вернулись домой из участка, Мария была в своей комнате. Хосе едва не постучал, чтобы узнать, как она, но отец остановил его вопросом: *«Ты любишь боль?»* Хосе ничего не понял и полный переживаний ушел к себе.

— Ты как? — спросил он теперь.

Мария обернулась с кофейником в руке и солгала:

— Прекрасно.

А вот глаза ее сказали правду.

— Угостишь? — Хосе кивнул на кофейник. А когда она молча указала на шкафчик, достал оттуда чашку. Затем огляделся: — Где Рэдфут?

Мария пожала плечами:

— Думаю, пошел на встречу с советом племени. Он сказал, что дело касается «другой лошади».

— Ты ведь понимаешь, что они могут заставить его жениться на Веронике?

Она усмехнулась:

— Не представляю, чтобы хоть кто-нибудь сумел заставить Рэдфута сделать то, чего он

не хочет.

— Наверное... — Хосе придвинулся ближе и через силу выдавил: — Между тобой и Мэттом и правда все кончено?

Мария еще выше задрала подбородок:

— Он женат. Как по-твоему?

— Если тебе от этого полегчает, — Хосе стиснул кулак и рассек ударом воздух, — я врезал ему как следует.

— Дракой ничего не исправишь.

— Ну не знаю, иногда помогает. — Заметив ее хмурый взгляд, он добавил: — Полагаю, это мужские заморочки.

Глаза Марии наполнились слезами.

— Глупые заморочки.

Хосе кивнул:

— Женщины превращают нас в глупцов. — Затем подошел еще ближе и всмотрелся ей в лицо, тоскуя по тому обожанию, что прежде светилось в ее взгляде. — Из-за тебя я совершаю глупости. Ты сводишь меня с ума.

Глаза Марии округлились, рот приоткрылся, словно эти слова ее озадачили.

Хосе сделал последний шаг и оказался прямо перед ней. Он стоял так близко, что мог почувствовать аромат ее шампуня. Хосе протянул чашку. Уставившись на нее, Мария начала наливать кофе. Их окутал горячий пар.

— Кажется, я все еще люблю тебя, Мария.

Она вскинула голову, в глазах цвета корицы кружило смятение.

— Что?

К несчастью, кофейник Мария так и не убрала. Хосе вскрикнул, когда кружка переполнилась, и горячая жидкость выплеснулась на его пальцы. Он выпустил чашку, та полетела ему в живот, и кофе моментально впитался в хлопчатобумажную одежду, едва ли не начисто сжигая кожу. С болезненным стоном Хосе дернул пояс, оттянул штаны и принялся дуть.

Мария повернулась к холодильнику, а в следующий миг уже стояла перед Хосе, оттянув его штаны еще сильнее — на добрых четверть метра — и выдавливая внутрь горчицу из бутылки. Прохладная субстанция успокоила жжение, но мозг отказывался понимать действия сумасшедшей женщины.

Хосе схватил ее за руку:

— Я не чертов хот-дог!

На ее губах заиграла улыбка.

— Горчица помогает при ожогах.

— Не смей смеяться, — прошипел Хосе, но совсем не имел этого в виду. Он бы предпочел видеть смех в ее глазах вместо боли — пусть даже сам от этой боли погибает.

Мария наконец отпустила штаны, захлопнула рот рукой и хихикнула. Хихиканье переросло в сдавленный хохот. И несмотря на полыхающие яйца, Хосе все же заставил себя произнести:

— Дай мне еще один шанс.

Смех оборвался. Мария провела пальцем по его губам:

— Не могу.

— Почему?

— Потому что она любит меня, — заявил голос позади них.

Хосе и Мария резко повернулись. В дверях стояли Мэтт и Рэдфут. Хосе замер. Нижняя часть тела все еще горела, а по ногам стекала желтая горчица. Рэдфут пожал плечами, как бы извиняясь.

Мария подошла к Мэтту. Желудок сжался, и Хосе приготовился узреть, как она бросится в объятия бледнолицего. Но вместо этого Мария замахнулась и со всей силы вмазала ему кулаком.

— Вот черт, — сказал Хосе.

— Вот черт! — Мэтт схватился за нос.

— Вот черт. — Мария встряхнула запястьем.

Мэтт поймал ее за руку:

— Ушиблась?

Нахмурившись, Мария отскочила назад и обернулась к Хосе:

— Возможно, это не только мужские заморочки.

После чего сцапала со стола сумочку и ключи и ринулась прочь.

Задняя дверь распахнулась, и, помешав беглянке скрыться, в комнату ворвалась Вероника Клауд.

— Ты! — ткнула она пальцем в Рэдфута, и во взгляде ее читались всевозможные способы его убийства. — Даже не смей идти в совет племени! Да я скорее соглашусь на клеймо шлюхи, чем насильно вступлю в еще один унылый брак.

И без лишних слов она крутанулась на пятках и вместе с Марией покинула дом.

— Вот черт, — пробормотал Рэдфут.

Яйца Хосе по-прежнему горели. По лодыжкам сочилась горчица.

— Прошу меня извинить, — откланялся он.

И поборов искушение кому-нибудь двинуть, направился в ванную, оставляя за собой желтые следы. В голове эхом отдавалась единственная мысль: *«Добро пожаловать в гребанное Совершенство»*.

Лукас ушел, а Скай, парализованный эмоциями, не двинулся с места. Так и стоял, замерев, и пялился на лес, в пустоту. Абсолютную пустоту. Не пошевелился он, даже когда дверь за спиной вновь распахнулась, хоть и боялся до смерти, что это может оказаться Шала.

Наконец, справившись со ступором, Скай оглянулся и увидел в проеме Лукаса.

— Тот факт, что ты до сих пор не смылся, довольно о многом говорит. — Друг поднес к губам чашку с кофе и устоял на Скай поверх ободка. — Черт. Никогда не думал, что доживу до этого дня.

Скай хотел все отрицать, вот только не знал, что именно. Знал только, что Шала Уинтерс скрутила его по рукам и ногам.

Лукас опустил кружку:

— Вот тебе совет: налей ей чашечку кофе. Она предпочитает со сливками. На столе есть круассаны. Положи на тарелку кусочек масла и какой-нибудь джем. Она больше любит персиковый, чем малиновый. О, и прежде чем идти к ней, сотри со своей физиономии это ухайдаканное выражение. — Усмехнувшись, он вернулся в дом.

Скай еще раз посмотрел на свой грузовик. Он по-прежнему мог свалить отсюда. Лукас позаботится о Шале. *«Вот только Лукас знает, какой ее любимый джем, а ты — нет»*. Это чертовски злило.

Взгляд метнулся к двери дома. Уходить нельзя. Нужно отнести Шале кофе и круассаны, как и предложил друг. Но клаустрофобия, с которой Скай проснулся этим утром, вдруг начала наигрывать в голове странную мелодию: некую смесь «Свадебного марша» с саундтреком к фильму «Челюсти».

Он шагнул к машине.

«Да что с тобой не так?!» Остановившись, Скай провел ладонью по лицу. Дерьмо. Они занимались сексом. Да, отличным сексом, может, даже великолепным. Вероятно, это был самый глубоко интимный момент в его жизни... и все же это просто секс. А значит, следующий шаг?... Просто завтрак. Блин, даже не полноценный завтрак, а чашка кофе и кое-какая выпечка — отличная выпечка, как и секс, но всего лишь выпечка. Скай лично готовил завтрак из трех блюд едва ли не для каждой женщины, с которой спал, так почему же теперь так себя ведет? Чем этот случай отличается от прочих? *«Ничем, мать твою»*.

Скай ринулся в дом и налил кофе. Схватил круассаны. И джем. Но едва шагнув в спальню и увидев сидящую на кровати Шалу с простыней вокруг обнаженного тела, он понял, в чем разница: *во всем*. Шала другая. Секс был другим. С ней и сам Скай менялся.

Она улыбнулась, и он вспомнил все ее стоны, крошечные полувздохи и то, каково было войти в нее первый раз: сильно, потрясающе и так чертовски верно. И именно в этот момент Скай решил, что различия не обязательно предвестники чего-то хренового. Они ничего не изменят. Шала живет в более чем трехстах километрах отсюда, она не станет душить его разговорами об отношениях и обязательствах. Проклятье, неужели наслаждаться этим так уж неправильно? Чем бы это «это» ни было, все пойдет своим чередом и в конечном итоге закончится. Отношения на расстоянии не работают. Скай точно знал.

«Она — твоя родственная душа. Вакои подтвердило».

Слова Рэдфута эхом отзывались в голове, но Скай засунул их в мысленный измельчитель. Он не только не верил в подобную ерунду, но еще и знал себя гораздо лучше,

чем какое-то там пророчество способно предсказать. А Шала? Знала ли она его достаточно, чтобы не ожидать многого? Лукас был прав: она не похожа на его привычный тип. У прежних подружек Ская не наблюдалось даже намека на невинность и ауру уязвимости. Они бы никогда не придали прошлой ночи неверного значения.

С другой стороны, Шала почти прямым текстом сказала, что бывший отбил у нее желание вступать с кем-нибудь в связь. Получается, она не захочет заморочек, обязательных для «серьезных отношений». Значит, остается только убедиться, что они оба понимают свои границы, и тогда все эти «инь-и-янь» чувства исчезнут.

Ведь так?

Шала повыше подтянула простыню и уточнила:

— А кофе мне полагается?

Осознав, что выглядит как идиот, Скай шагнул вперед. Поставил поднос, сел, протянул ей чашку и схватился за свою.

— Как спалось, Голубые Глаза?

— Когда мне наконец удалось уснуть — хорошо.

Сексуальная улыбка Шалы так и притягивала к себе. Черт, она была прекрасна.

— Надеюсь, это не жалоба.

Она усмехнулась:

— Нет, конечно. — Затем, посмотрев на свой кофе, подняла глаза на Ская, и их блеск вновь напомнил ему о «Свадебном марше» и «Челюстях». — Сегодня я должна поговорить с рейнджерами?

— Ага, в десять. — Скай взглянул на часы. — Я, скорее всего, поторчу пока здесь, дождусь и отвезу тебя.

Он потягивал кофе, до боли желая прикоснуться к Шале. Зараза, он мечтал сорвать с нее простыню и повторить прошлую ночь. От одной только мысли вся кровь устремилась к паху.

Шала кивнула:

— А потом мне, наверное, лучше вернуться в Хьюстон.

Скай чуть не подавился.

— Вернуться? Издеваешься? Какой-то придурок пытался переехать тебя и стрелял в Джесси. О чем, бога ради, ты думаешь, женщина?

Она моргнула трогательными голубыми глазами.

— Ты же сказал, это только на пару дней. Они прошли, и...

— Это было до того, как он едва тебя не сбил и почти убил мою подругу. — Когда Шала уставилась на свои прикрытые простыней колени и застонала, он добавил: — Прости, но я никак не могу отпустить тебя прямо сейчас.

Она вскинула голову:

— Я понимаю, что ты прав, но у меня есть жизнь, работа, дом, пропавший компьютер и заявление, которое нужно отнести в полицию — и все это в Хьюстоне. Лукас замечательный, и ты замечательный, но что, по-твоему, мне делать? Поставить свою жизнь на паузу, пока ты не поймаешь преступника?

То, что его назвали «замечательным» в одном предложении с Лукасом, да еще и вторым по счету, задело Ская сильнее, чем он хотел признать. А потом в мозгу засвербела еще одна назойливая мысль: отъезд Шалы раздражал его по множеству причин, и некоторые из них никак не были связаны с грозящей ей опасностью. *«И все это полная чушь, ведь ты минуто*

назад решил, что расстояние между вами тебе только на руку».

Окончательно запутавшись, Скай отбросил свои безумные рассуждения и постарался думать как коп.

— Хорошо, — сказал он, поставив чашку, — давай рассмотрим варианты. Ты можешь продержаться свою жизнь на паузе еще немножко и остаться здесь, где есть люди, готовые за тобой приглядеть, или можешь вернуться домой в одиночку с чертовски высокими шансами быть убитой. Итак, что для тебя предпочтительней?

Ответить Шала не успела — зазвонил телефон. Скай схватил его с тумбочки, увидел номер патрульного Пита Диккенса и ответил на звонок, жестом призывая Шалу помолчать:

— Да?

— Тебе какую новость — хорошую или плохую? — спросил Пит.

— Обе, — рыкнул Скай, не расположенный к играм.

— Думаю, я могу объяснить выстрелы, которые слышал твой приятель.

— И?

— И я нашел Чарли Рейнмейкера. К сожалению, так я и узнал про выстрелы.

— Вот зараза. Он?...

— Мертв? Боюсь, что да.

Скай встал:

— Уже еду.

* * *

Уставившись на дверь, Шала откусила от намазанного маслом круассана и проглотила, не ощущая вкуса. Скай поцеловал ее и ушел, сказав только, мол, это срочно, и он позвонит. Яснее ясного: случилось что-то плохое. А судя по тому, как он посмотрел на Шалу — словно лишний раз уверился, что уезжать ей нельзя, — это «что-то» связано с ее преследователем.

— Очаровательно! Просто очаровательно! — пробормотала она любимую саркастическую присказку бабушки. Затем поставила тарелку на кровать и подтянула колени к груди.

Сейчас Шала отдала бы что угодно, чтобы Нана оказалась жива. Ей так нужно было поговорить с женщиной! С кем-то, кто в силах понять расцветающие внутри эмоции, что грозили превратиться в ураган и поглотить сердце. Шала могла бы позвонить Бет — жене брата, — но с ней они так и не сблизилась. И набрать ее сейчас и сказать: *«Я занималась потрясным сексом, с множеством оргазмов, когда аж пальцы ног поджимаются, и кровать стучит о стенку, и боюсь, что это самая огромная ошибка в моей жизни, так как с бывшим мужем секс был так себе»*... в общем, как-то это неправильно. С другой стороны, Шала сомневалась, что и с бабушкой поделилась бы подобным.

«Прости, но я никак не могу отпустить тебя прямо сейчас», — всплыли в голове слова Скай. Да, он прав, так безопаснее, но, в самом-то деле, сколько ей еще здесь торчать? У Шалы было, чем заняться, на чем сосредоточиться... и самое важное — от чего сбежать. И вовсе не от преступника. Скорее, от потрясного секса, с множеством оргазмов, когда аж пальцы ног поджимаются, и кровать стучит о стенку.

— Все так охренительно паршиво!

Скай поднял взгляд от своего стола и посмотрел на Марию, ворвавшуюся в его кабинет с грацией взбешенного гиппопотама.

— Ага.

Откинувшись на спинку кресла, он всецело согласился с данной оценкой. Последние четыре часа Скай потратил на разглядывание трупа Чарли Рейнмейкера, прочесывание места преступления в компании техасских рейнджеров и попытки прояснить, каким боком покойник замешан во всем, что творится в городе. Рейнмейкер возражал против приезда Шалы, это все знали, и на его телефоне нашлись фотографии, подтвердившие, что он за ней следил.

Филлип допросил людей, которые присутствовали на одной из акций протеста, устроенных Чарли, и они признались, что он намекал, мол, чужачку можно «легко убедить» свалить восвояси, а он-де знаком с человеком, готовым это сделать.

Также плохому настроению Ская весьма поспособствовал только что завершившийся телефонный разговор с Кэнди Питерсон. Тема: какого черта она не выдвигает обвинения против мужа? К счастью, Скаю удалось ее убедить. А завершив звонок, он обнаружил на сотовом несколько сообщений: Хосе желал поговорить о Марии, и Мэтт — бывший Марии, — по-видимому, тоже желал поговорить о ней. В третьем сообщении Рэдфут вопрошал, где его таблетки. И все это происходило в то самое время, когда Скай еще не разобрался с водоворотом эмоций, вызванным Шалой. Да, своим «охренительно паршиво» Мария весьма точно все описала.

Она бросила сумочку на стол и плюхнулась на стул напротив. Слезы в глазах сестры помешали Скаю всучить ей телефон и велеть позвонить тем, кто о ней переживает. Потому что он тоже переживал. О Марии. О Хосе. О Рэдфуте. О жене Чарли Рейнмейкера, которук оставил рыдающей в ее гостиной. Даже о Кэнди Питерсон переживал — ну ладно, скорее, о ее дочурке. И, пропади все пропадом, Скай переживал о Шале Уинтерс. Сильно. Настолько, что она возглавляла его список забот.

— Что стряслось? — Он подтолкнул к сестре коробку салфеток.

— Я ударила Мэтта. Врезала прямо в нос.

— Хорошо, — выдал Скай, не зная, что еще сказать. В отличие от остальных, Мэтт не вызывал в нем ни капли переживаний. — Обвинений он не выдвинул, так что арестовывать тебя мне не придется. Отличная новость, потому что я как-то подустал запирать собственную семью.

Плохая шутка, но сил на что-то другое не осталось. За слезы Марии Скай бы и сам с удовольствием вмазал ее бывшему. Да, он ни черта не знает об отношениях, но вранье о семейном положении явно заслуживает взбучки.

— Это офигенно больно, — всхлипнула сестра. — Но сказочно приятно.

Скай вспомнил ощущения от удара по физиономии мистера Питерсона.

— Пока это не вошло в привычку — все в порядке.

— Нет, не в порядке! Он лгал мне, Скай. Он женат, а теперь вдруг заявляется на мою кухню и объявляет, дескать, я не могу дать Хосе еще один шанс, потому что все еще люблю его самого!

— Что?

— Что я все еще люблю Мэтта — так он заявил Хосе, — повторила Мария, а тот факт, что она ничего не отрицает, сказал куда больше. — Самое ужасное, мне кажется, это Рэдфут привел туда Мэтта. Зачем он так?

Скай покачал головой:

— Он не стал бы.

— А потом ворвалась Вероника с криками, будто совет племени хочет заставить ее выйти замуж за Рэдфута. Мэтт все беспокоился о моей руке, а Хосе просто стоял истуканом с полными штанами горчицы и молчал!

Он снова тряхнул головой:

— Что? Я понял все, кроме части про горчицу.

— Это неважно. — Мария высморкалась в салфетку.

Скай почесал подбородок:

— Ну ладно. Рэдфута никто не заставит делать что-то помимо его воли. И я уверен, миссис Клауд...

— То-то и оно! Почему мы об этом ничего не знали?

Он пожал плечами:

— Рэдфут, очевидно...

— Знаешь, что я думаю? — перебила Мария. — Думаю, мы ничего не замечали, потому что были охрененно заняты, пряча голову в песок. Я прятала голову в песок, стоило появиться мыслям о Мэтте и его выходных в Далласе. А также, когда дело касалось чувств Хосе к нам.

Скай не был уверен, стоит ли слушать дальше или лучше уточнить. Решил все же уточнить:

— Эм-м, и что же Хосе чувствует?

— Он завидует.

— Нам?

— В основном тебе.

— Мне? Да ну брось. Парень зарабатывает несколько сотен тысяч долларов в год, наверняка водит дорогущую тачку, живет в...

— Это тут ни при чем. Ты больше похож на сына Рэдфута, чем Хосе.

— Нет. Я не согласен. Когда Хосе жил здесь, я намеренно не влезал в их совместные затеи. Даже в научных проектах не участвовал, потому что они всегда готовились вдвоем. Я не ходил в походы в стиле «отец-и-сын»...

— Но выступал на пау-вау, — напомнила Мария.

— Лишь потому, что Рэдфут настоял!

Она вздохнула:

— Я ни в чем тебя не обвиняю, Скай. Но, если помнишь, Рэдфут и Хосе подталкивал к тому же, однако тот отказался, потому что ненавидел все это. А ты это обожаешь.

— Не обожаю, а уважаю — есть разница.

Даже теперь Скай участвовал в пау-вау из уважения к культуре. Он не верил... по крайней мере, далеко не во все.

— Правда в том, что с тобой у Рэдфута всегда было больше общего, чем с Хосе. Хосе не дурак. Он это увидел. И я, оглядываясь назад, вижу... Хосе похож на Эстеллу.

Список переживаний пополнился очередным дерьмовым пунктом, и Скай сомневался, что может справиться с этим прямо сейчас.

— Если Хосе хочет быть ближе с отцом, он должен вернуться.

— Он будет несчастен.

— Так это я виноват, что он ненавидит Совершенство?

Мария закатали глаза:

— Ты не слушаешь. Тебя никто не винит. Дело не в тебе, а... в них. Раньше их связывала Эстелла, и с ее смертью ниточка оборвалась. Мне следовало заметить. Следовало давным-давно что-нибудь предпринять.

— Ни ты, ни я не обязаны ничего «предпринимать».

Она скрестила руки на груди.

— Я не в силах ничего исправить между мной и Мэттом, между Вероникой и Рэдфутом, между тобой и Шалой... но между Хосе и Рэдфутом — в силах. Хотя бы попытаюсь.

— Между мной и Шалой? Блин, а мы-то как в этот перечень угодили? — Скай покачал головой. — Ты не можешь позаботиться обо всех и вся.

— Да ладно? Довольно громкое заявление для парня, который только этим и живет. Ты не просто оберегаешь город, ты с ним нянчишься. Пьяницы звонят тебе посреди ночи с просьбой отвезти их домой. Зная, что я расстроена, ты просто приходишь — как, к примеру, вчера. В прошлом году я потеряла клиента и переживала о деньгах, но тут вдруг со мной связался твой приятель из Остина с предложением вести для него бухгалтерию. Если грузовик Рэдфута начинает барахлить, Рамон его чинит, а ты тайком оплачиваешь большую часть счета...

Скай пожал плечами:

— Но в чужие дела я нос не сую.

— Ага, конечно. — Мария поднялась, обошла стол и стиснула Ская в удушающих объятиях. — Спасибо.

— За что? — спросил он озадаченно.

Она отстранилась:

— За то, что помог мне понять: пора перестать думать о себе и начать беспокоиться о других.

— Я это сделал? На меня не похоже.

Мария улыбнулась:

— Ладно, тогда спасибо за то, что выслушал. — И еще одно объятие. — И за заботу.

«Эта забота меня скоро в гроб загонит», — думал Скай, глядя сестре вслед.

Затем посмотрел на настенные часы. Через двадцать минут Лукас привезет Шалу к Филиппу и рейнджерам. Из-за обнаруженного тела Чарли встречу перенесли на вторую половину дня.

Внезапно внимание Ская привлек поднявшийся за дверью шум и разговор на повышенных тонах. Ну что там еще?

Скай подскочил, но тут хлопнула парадная дверь, и шум в участке стих. В коридоре раздались шаги. Он решил, что это Марта бежит поведать о произошедшем, однако на пороге появился Мэтт. Зажимающий рукой окровавленный нос.

— Мне нужно с тобой поговорить, — сказал он и уселся на только что покинутый Марией стул.

— Вновь о моей сестре? — Скай протянул посетителю салфетки.

— Ага. Ей, кажется, понравилось меня бить. Как и Хосе.

Скай откинулся в кресле:

— Если честно, я и сам об этом подумываю. Ты ей солгал.

Мэтт вытянул из коробки сразу несколько салфеток и попробовал остановить кровотечение.

— Я не виноват в том, в чем меня обвиняют, и это меня убивает! Я не могу спать, есть, только о ней и думаю.

Скай скрестил руки на груди:

— А о жене своей не думаешь?

Мэтт мотнул головой:

— Я разведен.

— У тебя кто-то есть в Далласе?

— Ага, есть. — Он достал из кармана рубахи снимок и толкнул по столу. — Она — мой мир.

Скай посмотрел вниз, на лицо маленькой девочки, а затем — на мужчину перед собой.

— Твоя дочь?

Мэтт кивнул:

— Красавица, да? — Он сильно выдохнул ртом. — Утром ко мне явился Рэдфут. Сказал, что я должен открыть Марии правду, и заверил меня, мол, что бы там ни было между ней и Хосе, все уже кончено.

— Рэдфут знает, что ты разведен?

— Угу, говорит, ему это приснилось. Что за ерундовина? В общем, я пошел к ним в дом, чтобы объяснить, а Мария меня ударила. — Мэтт вздрогнул. — Она быстро учится. В этот раз удар получился гораздо сильнее. Следующим она, наверное, меня вырубит.

— Надеюсь, ты приперся не затем, чтобы выдвинуть обвинения, потому как...

— Нет! Рэдфут предложил мне поговорить о Марии с тобой.

Скай рассмеялся:

— Я похож на доктора Филя? Я не тот, к кому идут за советами об отношениях.

«У самого проблемы. Огромные».

Мэтт внимательно его изучал.

— То есть помогать мне ты не собираешься?

Скай подался вперед:

— Могу дать лишь один совет: скажи ей правду.

— Да я б с радостью, но она колотит меня при каждой попытке. — В голосе Мэтта слышалось отчаяние. — Может, поговоришь с ней?

— Я?

— Просто попроси ее выслушать меня. — Он встал и направился к двери, словно сбегал, опасаясь отказа. — Я твой должник.

И ушел.

Скай откинулся в кресле, пытаясь переварить просьбу Мэтта, но тут в участке поднялся очередной переполох. От крика Марты Скай вскочил, однако даже стол обойти не успел, когда в коридоре застучали шаги. Через секунду в дверь ворвался Хосе — тоже с разбитым носом.

Скай кивнул:

— Дай угадаю. Мэтт?

— Угу. Засранец врезал мне и ушел — трусливый кусок дерьма.

Сомнительно, что дело в трусости, скорее, в обозначении территории: Мария принадлежит Мэтту, и Хосе лучше отвалить. Скай вернулся к столу, опустился в кресло и протянул брату салфетки. Затем взглянул на часы.

— У тебя ровно десять минут, а потом у меня встреча.

Хосе сел, но не проронил ни слова.

— Так чего ты хочешь?

Скай посмотрел на его потрепанное лицо и почувствовал жалость к брату. А стоило вспомнить недавние слова Марии, как желудок скрутило еще сильнее.

Да уж, было время, когда Скай завидовал Хосе — родному сыну Рэдфута и Эстеллы. И пусть приемные родители никогда не позволяли ему почувствовать себя второй скрипкой, Скай порой только это и чувствовал. Брат, казалось, всегда знал, чего хочет в жизни, а вот он сомневался и в конце концов пошел в полицию. Не помогала и способность Хосе заполучать самых красивых девчонок в школе. Черт, как-то раз Скай даже позавидовал, что Мария влюбилась именно в Хосе.

Тот по-прежнему молчал, и Скай предупредил:

— Время идет.

— Это насчет Марии... и папы. — Хосе начал с того, что давалось явно легче: — Совет племени собирается заставить его жениться на матери Рамона.

— С каких пор Рэдфут делает то, чего не хочет?

— Когда это касается его ненаглядной культуры — делает, — отрезал Хосе.

— Он предан племени, но если б мне давали доллар всякий раз, как Рэдфут упоминал, что совет никак не связан с культурой, лишь с политикой, я бы уже разбогател. Он не покидает совет как раз потому, что пытается удержать политику в стороне.

Хосе прижал к носу новую салфетку.

— А с Мэттом что будем делать? Парень женат, а так и вьется вокруг Марии.

Скай сомневался, стоит ли раскрывать брату все, но в итоге решил:

— Он не женат. А в Далласе отирается, потому что там у него дочь.

— Дочь? — Когда он кивнул, Хосе со свистом выдохнул. — Мария его любит, да?

Скай пожал плечами:

— Полагаю, да, но я же ни черта не смыслю в отношениях. Я запутался не меньше, чем вы все. Может, даже больше.

— Ты о Шале?

Он начал было отрицать, но в итоге плюнул:

— Да.

— Она горячая, — заметил Хосе.

— Еще как. — Скай вспомнил, как Шала выглядела этим утром — в одной простыне на голое тело.

Брат вновь сменил салфетку.

— Надеюсь, я там тебе ничего не испортил.

— Испортил?

— Ну да, она же видела меня голым. — Хосе хохотнул. — И теперь, узрев лучшее и зная, как выглядит настоящий мужчина...

Скай рассмеялся. Возможно, они с братом не всегда друг друга понимали на протяжении долгих лет, но они связаны.

— Я не беспокоюсь. Я ведь тоже видел тебя голым. Розовый халат был приятным дополнением.

— Прости, что вел себя как придурок тем утром.

— Как я понял, ночь тогда у тебя выдалась тяжелая.

— У меня выдалось целых три тяжелых ночи.

— Ты и правда выглядишь как побитое дерьмо, — заметил Скай, изучив Хосе.

Тот усмехнулся:

— И чувствую себя так же. Отец рассказывал, что я пробил стену? Моя голова вошла прямо в гипсокартон. Можно различить форму моего носа и всего остального.

— Серьезно? — Скай не мог сдержать смех.

— Ага, а утром Мария пролила на меня горячий кофе. Сожгла к чертям мои причиндалы.

Хохот стал громче.

— О, это объясняет горчицу!

Хосе тряхнул головой, с его лица исчезло все веселье.

— Я облажался.

— В смысле?

— С Марией. Надо было хватать ее, когда был шанс. — Он вздохнул. — Что бы ни случилось, Скай, если эта женщина, Шала, тебе дорога, ни в коем случае ее не отпускай. Иначе пожалеешь.

— Тут все не так, — начал Скай, но слова и на слух, и на вкус ощущались ложью.

Брат встал:

— Спасибо... что выслушал.

— В любое время. — А когда он направился к двери, Скай добавил: — Знаешь, что Рэдфут сказал о построенных тобой зданиях? Ну, тех, что в Вегасе и Нью-Йорке? Что он гордится тобой.

В глазах Хосе отразилось удивление.

— Сказал тебе?

— Всем вокруг. Болтал, мол, когда ездил к тебе в Нью-Йорк, ты взял его на экскурсию. А еще он привез с собой журналы со статьей о тебе и раздавал их каждому встречному.

Судя по его лицу, Мария была права: Хосе и Рэдфуту необходимо поговорить.

— Эй. — В кабинет просунулась голова Марты. — Я проводила Филлипа и мисс Уинтерс в комнату для допросов. — Ее взгляд метнулся к Хосе. — Выглядишь так, будто встретился с мистером Уродство, и он решил прилипнуть к твоему лицу.

Он подарил Марте ту самую улыбку, которую когда-то использовал на школьной медсестре:

— Вот же, а я только собирался сказать то же самое о тебе.

Марта хихикнула и погладила его по руке:

— Ты никогда за словом в карман не лез.

— Спасибо, Марта. — Скай оставил парочку общаться, а сам пошел на поиски Шалы.

* * *

Рэдфут колотил в дверь Вероники. Они должны поговорить, черт возьми! Недавно позвонил Рамон, настаивая на встрече с советом племени, но прежде необходимо все обсудить с матерью парня.

Старые пердуны из совета наверняка порекомендуют узаконить их отношения. Честно говоря, Рэдфут не сомневался, что к тому все и идет, учитывая видения. Однако после истерики Вероники уже не был так уверен.

— Убирайся! — раздалось из-за двери.

— Только когда ты со мной поговоришь. Клянусь, если не откроешь, я разобью палатку и останусь здесь ночевать.

Он не лгал, и Вероника об этом знала. Задняя дверь распахнулась, и в проеме появилась она... Прекрасное лицо опухло и покраснело, словно Вероника плакала много часов. Сердце пронзило чувство вины. Рэдфут пришел сюда с единственной целью: убедить ее выйти за него замуж. Он предполагал, что Вероника может колебаться, но если она совсем-совсем этого не хочет...

Рэдфут потянулся к ней, но она отшатнулась. Как же больно.

— Чего ты хочешь? — спросил он. — Скажи, чего хочешь, и я все сделаю.

В карих глазах блеснули слезы.

— Хочу вернуться в прошлое и не лезть к тебе в больничную койку. Хочу встречаться с тобой пару ночей в неделю и отдавать лишь малую часть себя. Ты все разрушил.

— Ничего не разрушено.

— Рамон собирается идти в совет. Ты знаешь, что они скажут. Они потребуют, чтобы ты поступил правильно, или изгонят тебя из своего круга.

Рэдфут стиснул зубы:

— Плевать. Пусть засунут свое решение себе же в задницы.

Вероника вытерла слезы.

— Это ничего не изменит. Как смотреть в глаза собственному сыну, зная, что ты шлюха?

— Не смей себя так называть! — зарычал Рэдфут. — В том, что было между нами, нет ничего постыдного. — Он ударил себя в грудь. — Ты дорога мне. Я хочу разделить с тобой жизнь. Хочу состариться рядом.

— Так вот к чему это? Думаешь силком на мне жениться, чтобы я принадлежала тебе и была вынуждена о тебе заботиться.

Внутри опять заворочалась вина. Да, он хотел на ней жениться.

— Ты никогда не будешь мне принадлежать, Вероника. А забота — она обычно взаимная.

Ее лицо окаменело.

— Я не идиотка, Рэдфут. Я уже в этом плавала.

— Значит, это правда? Ублюдок тебя бил. И меня ты считаешь таким же.

— Все вы одинаковы. — Во взгляде Вероники сверкнула ярость.

— Нет. Не одинаковы. — Рэдфут шагнул ближе, но боль в ее глазах заставила его остановиться. — Я все исправлю.

Вероника покачала головой:

— Слишком поздно. Рамон собирается говорить с советом, и если я не выйду за тебя, он будет думать обо мне плохо. Мой сын будет думать обо мне ужасные вещи! Но не обольщайся, я никогда тебя не прощу.

— Еще не поздно. — Рэдфут мечтал прикоснуться к ней, обнять ее и оставшиеся годы своей жизни доказывать, что не все мужчины козлы. Но если Веронику осчастливит только свобода... что ж, он подарит ей свободу. Осталось только придумать, как это сделать.

* * *

Шала хмуро ерзала на стуле — трусики опять пробрались меж ягодиц. Но едва открылась дверь, сердце в груди подпрыгнуло от радости, граничащей с болью. Скай! Шала предполагала, что он будет здесь, а когда он сразу не пришел, разнервничалась еще сильнее. Кому понравится допрос в исполнении техасского рейнджера?

Ладно, она не сделала ничего дурного, но прямой вопрос о ее участии в чем-нибудь незаконном все равно заставил напрячься. Само присутствие рейнджера уже будто требовало исповеди, и Шала собиралась рассказать, как сжульничала на тесте по истории в шестом классе. Ну а что? Он хочет признания, он его получит.

— Прости, меня задержали в кабинете.

Скай внимательно оглядел Шалу. Затем сел рядом, подsunул свою ладонь под ее и сжал. Это напомнило о том, как он держал ее за руку в больнице, как легко почувствовал, что ее волнует... Его тепло и сила волнами омывали Шалу.

Откинувшись на спинку стула, Скай посмотрел на Филлипа:

— Ты уже представился?

— Да, мы познакомились. Я как раз спрашивал мисс Уинтерс, не участвовала ли она в чем-нибудь противозаконном.

— Вздумал ее пугать?

— Только если ей есть, что скрывать, — отозвался рейнджер.

Скай нахмурился и сильнее сжал руку Шалы.

Чувствуя его гнев, она поспешила успокоить:

— Все хорошо.

— Нет, не хорошо, — прорычал Скай. — Она жертва, Филлип. Мне казалось, я ясно выразился.

— И некоторые жертвы знают больше, чем говорят.

— Чушь собачья. Она рассказала все, что знала. То, что ты большая шишка с причудливым значком, не значит, будто ты можешь запугивать всех подряд. Или вытаскивай

голову из задницы и веди себя как джентльмен, или допрос окончен!

Шала уставилась на мужчин, представляя, что они обмениваются ударами.

— Все нормально, правда.

Филлип расхохотался:

— Будь я проклят! Защитник, да?

Скай веселье друга не оценил.

— Играй по правилам, или она не участвует.

Рейнджер откинулся на стуле и посмотрел на Шалу. На губах его по-прежнему плясала улыбка.

— Мисс Уинтерс, прошу прощения, если перегнул палку. День выдался тяжелый. Убийства всегда так на меня влияют, а это дело становится все хуже и хуже, и мы понятия не имеем, с чего начать. — Он бросил взгляд на Скаю и вновь повернулся к ней. — Но Скай прав: вероятно, я выплеснул свое разочарование на вас. Так может, начнем заново? Меня зовут Филлип, и я знаю Скаю Гомеса уже лет семь. Трижды в год мы играем в покер, и любой его друг автоматически становится моим другом. — Рейнджер снова глянул на Скаю. — Лучше?

— Для начала сойдет.

Беседа длилась минут сорок пять, и Скай радовался, что его друг-рейнджер не задавал вопросов, которых не задал бы он сам.

— Вы смотрели снимки, о которых говорил Скай? — спросила Шала.

— Вы о тех, где Чарли Рейнмейкер и предположительный водитель седана?

Она кивнула.

— Ага. Как раз пытаемся опознать водителя.

— И когда примерно получим результат? — поинтересовался Скай.

— О, этот процесс занимает вечность.

— А другое фото? — опять влезла Шала. — Ну, с парой... эм, занятой кое-какими делами в машине? Как я уже говорила Скаю, один из них, возможно, состоит в браке и решил, что я частный сыщик.

Филлип пожал плечами:

— Рейнмейкер собирал подписи на петиции, в его телефоне ваши фотографии, и он болтал о том, как выгонит вас из города. Потому мы склоняемся к версии, что он нанял какого-нибудь громилу вас спугнуть, а когда не заплатил или начал жаловаться, мол, почему вы еще не уехали, наемник с ним разделался.

Скай понимал, что в этой теории есть свои достоинства, но все равно сомневался.

— Похоже на правду, — согласилась Шала.

Они уже собирались закругляться, когда дверь приоткрылась, и внутрь просунулась голова Марты.

— Скай... Здесь... Ты... Думаю, тебе лучше самому...

Скай встал, почти опасаясь узнать, что же там еще стряслось.

— Извините, — пробормотал он.

Но выйти не успел — в комнату ворвалась Кэнди Питерсон:

— Я решила не выдвигать обвинения.

Скай смотрел на ее лицо и не мог вспомнить, чтобы она когда-нибудь выглядела такой избитой. Он проводил Кэнди в свой кабинет, закрыл дверь и, стиснув зубы, попытался говорить как можно спокойнее:

— Ты свое отражение видела?

— Он был пьян.

— О, так значит, все прекрасно? Стоило сказать мне вчера, и я бы позволил ему и дальше выбивать из тебя дерьмо.

— Он говорит, что твоя угроза забрать у меня Эми — брехня. У тебя не получится.

Итак, Кэнди пообщалась с мудаком. Перед глазами всплыло выражение лица маленькой девочки, и Скай едва не взорвался. Хуже того — ему захотелось солгать, заявив, что он был свидетелем избиения Кэнди. Но он не был. И его вранье ее не остановит. Она должна захотеть положить этому конец.

— Ты же знаешь, Кэнди, впустую я не угрожаю. Еще раз... еще один раз, и клянусь, я натравлю на твою задницу службу опеки так быстро, что оглянуться не успеешь.

— Я хорошая мать! Он никогда ее не обижал!

— Никогда не обижал? Ты видела ее вчера? Видела боль в ее глазах? Думаешь, это никак ее не задевает? Ты когда-нибудь наблюдала, как твою мать избивают до полусмерти?

А? А я наблюдал, Кэнди! Так что не говори мне, что в этом нет вреда! — Осознав, что вышел из себя, Скай указал на выход: — Вали! Если не собираешься выдвигать обвинения, пошла прочь из моего кабинета. Но повторяю еще раз, громко и ясно: это был твой последний шанс.

Затем, распахнув дверь, подождал, пока Кэнди уйдет. Внутри бурлила ярость. Скай рванул к столу и смахнул с него все на пол. И по-прежнему пялился на устроенный бардак, когда за спиной раздались шаги.

Скай развернулся:

— Я сказал, убирайся, Кэнди! — Но это была не Кэнди. — Прости.

Шала шагнула ближе.

— Это по поводу вчерашнего срочного вызова, да?

— Угу. — Она, наверное, услышала все через дверь.

Шала прижала руку к его груди:

— Я сожалею.

— О чем?

— Что тебе пришлось через это пройти.

— Это моя работа.

Она мгновение смотрела вниз и только потом подняла глаза:

— Я... Когда я искала камеру, то нашла...

Скай прижал палец к ее губам:

— Я в курсе.

— Откуда?

— Ты оставила свет в шкафу. — Он сдвинул брови. — Я от этого не в восторге.

— Не в восторге, что я не погасила свет? — уточнила Шала, слегка поддразнивая. Но когда Скай вновь нахмурился, явно не в настроении для шуток, продолжила: — Я знаю, это неправильно, но я не хотела...

Понимая, что выплескивает на нее свою злость, и опасаясь, как бы Шала не начала болтать, он опять прижал палец к ее губам.

— Просто заткнись и поцелуй меня.

Она улыбнулась:

— Ладно.

Губы Шалы были сладкими и мягкими. Скай просунул язык ей в рот, прижался к ее груди. Потерявшись в моменте, скользнул рукой вниз и обхватил одну округлость. Поцелуй становился все жарче, быстрее.

Шала придвинулась ближе, и Скай бедром раздвинул ей ноги. Она вытащила его рубашку из джинсов и провела ладонью по голой коже под тканью, нежно лаская грудь. Член мгновенно затвердел. Открыв глаза, Скай уставился на свой опустошенный стол и решил, что скинуть все на пол в конце концов оказалось не такой уж плохой идеей.

Но стоило шагнуть к столу, как здравомыслие одержало верх над похотью. Взгляд Скай метнулся к распахнутой двери кабинета.

— Твою мать. Где Лукас?

Шала покраснела, будто только поняла, что поцелуй зашел слишком далеко.

— Ждет, когда ты решишь, сам ли повезешь меня домой.

— Филлип?

— Ушел. — Она спрятала голову на его груди, словно смутившись.

Скай отпустил ее и подошел к двери.

— Лукас? — позвал он. — Шала со мной. Я сам ее отвезу.

— Лады, — откликнулся друг. — Увидимся у меня.

— Ага. Мы будем... очень скоро. Ты взял в продуктовом все, о чем я просил?

— Да.

— Отлично. Сегодня ужин готовлю я. И, Марта? — вновь позвал Скай. — Можешь идти.

Он дождался, пока шаги Марты стихнут, и закрыл дверь. А оглянувшись, заметил, что на щеках Шалы по-прежнему играет румянец. Однако Ская не покидало чувство, что он может заставить его исчезнуть. По крайней мере, он на это надеялся.

Взгляд скользнул по всему ее телу, от синей джинсовой юбки до красной блузки с короткими рукавами, что так хорошо подчеркивала пышные формы Шалы. Скай так увлекся расстроившим ее Филлипом, что даже не заметил наряд. И то, насколько она в нем сексуальна.

— Откуда у тебя эта одежда?

— Лукас возил меня за покупками.

Скай нахмурился:

— Я должен был сам.

— Ты был занят.

Он шагнул ближе и обхватил Шалу за талию. А когда она охотно подалась вперед, опустил руку.

— Но ты хотя бы надела белье, которое я купил?

— К сожалению.

— К сожалению? — озадаченно повторил он.

Шала виновато пожала плечами:

— Они продолжали заползать туда, где им не место, на протяжении всего разговора с Филлипом. Стринги. К разговору о неудобном...

Скай рассмеялся:

— Ты говорила, что носишь такие!

— Солгала. Я ненавижу глупые вещи.

— Но эти все равно надела. Для меня? — Его взгляд опустился вниз, и Скай представил ее трусики... и место, куда им нельзя. Джинсы вдруг стали слишком тесными.

— Я забыла купить другие, когда была в магазине. Так что вариантов оставалось немного: надеть стринги, грязное белье или идти с голым задом.

— Нет, мы не хотим, чтобы ты носила грязное... но последний вариант мне нравится. — Он возобновил поцелуй, нащупал молнию на юбке и потянул ее вниз. Возражений не последовало, однако когда Шала подняла голову, на лице ее застыло нерешительное выражение.

— Мы правда собираемся?... Здесь?

— Нет, если ты не хочешь, — ответил Скай, готовый к этому испытанию.

— Нет, все в порядке. — Шала огляделась. — Но где, по-твоему, это... это событие случится?

Скай справился с молнией.

— Ну, самое логичное место — мой стол.

Шала уставилась на стол. Скай отпустил ее юбку, и та скользнула на пол. От вида

красных трусиков сердце забилось чаще. Маленький шелковый треугольник едва прикрывал участок, покрытый светлыми волосами. Тонкие красные тесемки обхватывали бедра.

Скай поднял взгляд на лицо Шалы, борясь с желанием поправить штаны.

— Или мы можем воспользоваться креслом? Ковром?

Она внимательно рассмотрела кресло:

— Сомневаюсь, что мы оба там поместимся.

— Мы бы справились. — Все еще любуясь ее стрингами, Скай обошел Шалу кругом, дабы оценить всю картину. — Просто чудо. — Затем провел пальцем по тонкой полоске, погладил великолепную попку. — На тебе красный лифчик?

Шала закатила глаза:

— Это же комплект в тон. Их нужно носить вместе. Это правило.

— Мило. — Скай поджал губы и взмахнул рукой. — Как думаешь, я могу взглянуть на этот... комплект целиком?

— Полагаю, да. — Шала потянулась к первой пуговице на блузке, но вдруг замерла и с улыбкой склонила голову. — Может, отвернешься?

— Не в этой жизни. — Он прислонился к столу. Член уже был твердым словно дуб.

Шала издала нервный смешок:

— Я не привыкла, чтобы на меня так близко смотрели.

— А если я тоже начну раздеваться, и ты будешь смотреть на меня, а я — на тебя?

Она улыбнулась:

— Это может помочь.

Скай принялся расстегивать рубашу. Медленно, стараясь доставить Шале удовольствие, не отрывая от нее глаз. Она расправилась со второй пуговицей, затем с третьей. Показались прелестные округлости в объятиях красного бюстгальтера, и все потуги устроить шоу были позабыты. Скай сорвал с себя рубашку и расстегнул джинсы.

Шала же спокойно закончила и позволила блузке медленно спорхнуть с плеч на пол. И вот она осталась перед ним лишь в красном лифчике, стрингах и белых босоножках. А на накрашенных ногтях — крошечные ромашки.

— Прелесть, — прошептал Скай.

Он скинул туфли, стянул джинсы и трусы. Член под взглядом Шалы достиг новой степени твердости.

Одна лямка лифчика свисала с плеча. Скай провел по ней пальцем, направляясь к манящей округлости, и замер, достигнув напрягшегося под тканью соска. Шала завела руки за спину, собираясь расстегнуть крючок, но Скай ее остановил:

— Не сейчас.

Он провел ее к столу, чуть приподнял и осторожно усадил. Шала легла на спину. Скай чуть отстранился, наслаждаясь открывшимся видом. Светлые волосы обрамляли голову на фоне темного мореного дуба, а красное белье казалось огненными вспышками на коже цвета слоновой кости.

— Черт, — прошептал Скай, пожирая Шалу взглядом. — Отныне, садясь за стол, я всегда буду видеть тебя.

Она рассмеялась и сжала его предплечья.

— И что мне полагается делать? Это мой первый секс на столе.

Скай с улыбкой посмотрел на нее сверху вниз:

— Не волнуйся. Тебе достаточно просто лежать.

Затем провел ладонями по ее талии. Шала поймала одну из его рук и поднесла к губам. А когда взяла в рот его палец и слегка пососала... Скай не мог оторвать взгляда от этой картины. «Я не вынесу».

Свободной рукой он медленно пробрался под треугольник трусиков и обнаружил сладкую влагу — явное свидетельство желания.

— Кажется, кому-то нравится секс на столе, — прокомментировал он.

— Не жалуюсь, — рассмеялась Шала.

Скай слегка погладил ее клитор, прелестные бедра тут же раскрылись, и Шала, закрыв глаза, издала крошечный стон.

— Обожаю.

— Что?

— Этот звук.

Скай просунул руку под ее выгнутую спину, расстегнул и отбросил лифчик. Не сдерживаемая тканью грудь покачнулась, и он припал к ней губами. А мгновение спустя уже стаскивал с Шалы трусики и доставал из бумажника презерватив, радуясь, что заскочил домой и пополнил запас.

Подтянув ее к краю стола, Скай закинул ноги Шалы себе за спину и вошел в нее. Поначалу двигался медленно, не опускаясь на нее всем весом, но удовольствие оказалось слишком сильным, чтобы сдерживаться. В итоге, подложив руку под голову Шалы, словно подушку, Скай позволил телу действовать самостоятельно. Толчки и удары становились все яростнее, Шала цеплялась за него руками, и вот наконец ее стон удовольствия опалил его ухо. Скай достиг оргазма через секунду. Все как прошлой ночью — и в эмоциональном плане тоже. Одна только неловкость: теперь, когда все кончено, нельзя просто улечься рядом с Шалой, и на ней остаться нельзя. А разорвать объятия — все равно что нырнуть в ледяную воду.

Скай не мог припомнить, чтобы когда-нибудь был озабочен этим «моментом после секса» с любой другой женщиной. Отбросив эту мысль подальше, он подхватил Шалу на руки, опустил на ковер и растянулся рядом.

И только тогда понял, что она так и не открыла глаза, и провел пальцем по ее носу:

— Ты как?

Сердце все никак не унималось.

— Превосходно. — Скорее выдох, чем слово.

Извернувшись в руках Ская, Шала прижалась щекой к его груди. Несколько минут прошли в тишине.

— Это всегда так хлопотно?

— Что? — переспросил Скай.

— Ну, быть шефом полиции маленького городка. Кажется, только за сегодня столько всего произошло.

— Хлопотно лишь в последние дни, — рассмеялся он.

— Значит, я и правда привезла с собой проблемы?

— Ты ни при чем. — Скай какое-то время помолчал, а когда тишина затянулась, продолжил: — В принципе, все как в большом городе — только, слава богу, в меньшем масштабе. Стрельба, взломы, домашнее насилие. — Последнее он произнес с отвращением. — Те же нарушения правил дорожного движения, и чертовски много пьяниц за рулем, чтобы с ними бороться. — Скай мысленно перебрал самые странные свои

«служебные обязанности». — Мне даже приходилось искать собаку миссис Гордон. А однажды меня вызвали, чтобы помочь мистеру Томпсону отыскать зубы. Он был уверен, что их украл сосед.

Шала рассмеялась:

— Ты нашел?

— Собаку или зубы?

— Все.

— Ага. Нашел. — Скай усмехнулся. — Собака была в шкафу. Зубы — в микроволновке.

И не спрашивай, как и почему.

Ближайшие несколько минут они просто держались друг за друга и хохотали.

Потом вновь повисло молчание, но на сей раз оно казалось уютным и правильным. Наконец Скай поймал перевязанную руку Шалы.

— Черт, я же должен был отвезти тебя на снятие швов.

— Доктор сказал, три-четыре дня. Уверена, завтра — тоже нормально. — Скай поднес ее ладонь к губам, а Шала, приподнявшись на локте, внимательно его оглядела. — Могу я кое о чем тебя спросить?

Желудок нервно сжался.

— Вообще-то я ненавижу вопросы, которые начинаются подобным образом, но дерзай.

— Сколько... сколько тебе было, когда умерли твои родители?

Ну и? Скай знал, что ему это не понравится. Но поборол желание просто отмахнуться и ответил:

— Десять.

— И ты попал к Рэдфуту?

— Нет. Еще года полтора кочевал из семьи в семью.

Шала закусила нижнюю губу и прижала руку к его груди:

— Наверное, это было ужасно...

Да.

— Я справился.

Скай понял, что сейчас, вероятно, наилучшее время, чтобы внести в отношения ясность и поведать о его рамках. Возможно, Шала поймет, почему он не способен предложить большего. Но тут в голове, словно старая песня, зазвучали слова сводного брата: *«Что бы ни случилось, Скай, если эта женщина, Шала, тебе дорога, ни в коем случае ее не отпускай. Иначе пожалеешь»*.

Он тряхнул головой и произнес:

— Знаешь, прошлое — мое и, вероятно, твое — все усложняет.

— Усложняет?

— В плане отношений, — пролепетал Скай, сознавая, что только все портит.

— Да. — Шала протянула руку и коснулась его подбородка. — Я просто боюсь.

Груз с плеч свалился, и грудь затопило облегчение.

— Я тоже! Но, полагаю, мы можем жить сегодняшним днем, получать удовольствие.

Брать все возможное. Верно?

Шала кивнула:

— Рано или поздно мне придется вернуться домой.

Груз вернулся на место.

— Уедешь, когда будет безопасно. Не раньше.

— Но кто бы ни охотился за мной или камерой, он уже пару дней не предпринимал никаких попыток. Вы с Лукасом поджидали его, я видела, и очевидно никто не пришел. Возможно, он отступил.

Скай сжал пальцами ее подбородок:

— Ты чокнутая? Мы говорим о том самом парне, который, предположительно, вчера убил человека!

— Я знаю, но... Мы с Лукасом поговорили, и похоже, все так, как сказал Филлип. Чарли кого-то нанял, а теперь, когда Чарли мертв, у этого парня нет причин и дальше меня преследовать. И Лукас считает...

Придется сказать Лукасу, чтобы держал свои гребанные мысли при себе!

— Я об этом думал, Шала, и да, признаю, большинство фактов сходится, но есть кое-что, что не имеет смысла. У Чарли фиксированный доход. И я слабо представляю, как на такую сумму он мог нанять кого-то для грязной работенки. Мы проверили его счета — денег он не снимал. И все шаги преступника указывают на то, что нужна ему твоя камера. — Шала рухнула обратно на его грудь, и Скай погладил ее по обнаженной спине. — Знаю, это трудно, но дай мне немного времени, чтобы разобраться, прежде чем снова подвергнешь себя опасности. Пожалуйста.

Она привсталала, улыбаясь:

— Ух ты, на сей раз ты даже не грозишься меня арестовать.

— Нет. Но, вероятно, увяжусь следом, если попробуешь покинуть город.

Шала покачала головой:

— У тебя должность.

— Знаю. Это создало бы кое-какие трудности. — Скай коснулся ее лица. — Просто еще немного времени.

— Ладно, — вздохнула Шала. — Но пока я здесь, мне нужно работать.

— Работать?

— Ага, пообщаться с советом племени, встретиться с Марией по поводу художественных классов, рассказать мэру о необходимых изменениях. Раз уж я здесь, то должна работать. А то от сплошной игры в «Скрэбл» точно с ума сойду.

Скай рассмеялся:

— Я поговорю с Джонсоном, и мы все устроим.

Впервые за день его дыхание выровнялось.

Шала посмотрела вниз на свои ноги.

— Не думаю, что когда-нибудь занималась сексом в обуви.

— Я куплю тебе пару кожаных ботинок.

Когда они наконец проохотались, она вновь вздохнула.

— Может, пора уже собираться?

— Собираться? — удивился Скай. — Я думал, мы еще испытаем кресло.

Шала игриво шлепнула его по груди:

— Вставай.

Натянув джинсы, Скай наблюдал, как она одевается, и идея с креслом с каждой секундой казалась все привлекательнее. *«Не отпускай ее. Иначе пожалеешь»*.

— Эй. — Он застегнул молнию и поднял с пола блузку Шалы. — Когда ты уедешь... — боже, как же тяжело это сказать, — ...как часто тебе придется сюда возвращаться?

Она пожалала плечами и шагнула в юбку.

— Зависит от того, сколько поездок может позволить себе ваше руководство. Я привожу с собой других журналистов, и Совершенству придется все оплатить. Некоторым клиентам по карману такие визиты каждые пару месяцев, другим — раз в полгода.

«*Каждые пару месяцев?*» Слишком редко. Станет ли она приезжать чаще, если Скай попросит? Учитывая, что он на службе круглосуточно семь дней в неделю, самому сбежать на выходные не получится.

Шала вернется, если оно будет того стоить. И Скай дает ей то, что ей нужно прямо сейчас, но сохранится ли ценность позже? Черт, откуда ж знать наверняка? Разве он уже не признался себе, что Шала отличается от всех его прежних женщин? Невиннее, нежнее... Скай оглядел кабинет. Может, секс на столе — чересчур? Вспомнилось, как поначалу Шала заколебалась — и беспорядочные эмоции ринулись на поверхность. «*Я уже все испортил?*»

— Что? — спросил Скай, увидев ее протянутую руку.

— У тебя моя блузка.

«*А у тебя, боюсь, мое сердце*».

Он не знал, откуда взялась эта мысль, но задержаться ей не позволил. Быстро передал Шале блузку и схватил собственную рубашку.

Застегивая блузку, Шала поймала на себе взгляд Ская.

— Что?

Он потер рукой подбородок.

— У тебя ведь с этим нет проблем?

— С чем?

Он указал на стол:

— С тем, что мы делали.

Комплексы и неуверенность ринулись в бой, словно стая голодных пираний. Шала не занималась сексом слишком долго, да и когда занималась — муженек явно не был удовлетворен.

— Я сделала что-то не так?

— Не так? Почему ты?... О боже, нет! До меня просто дошло, что это вышло немного...

— Дико? — предположила она.

Скай кивнул:

— Да.

И как бы странно это ни звучало, выглядел он крайне неуверенным в себе. Хороший знак? Шикарный. Потому что люди не испытывают неуверенности, если им плевать. *«Значит, я важна для Ская Гомеса».*

Шала склонила голову на бок:

— Это было дико. — Тут же вспомнилось, как он смотрел на нее, растянувшуюся на столе, как от плескавшегося в его глазах желания ее трусики мгновенно стали влажными. — И немного безумно. — У Шалы в жизни не было спонтанного секса. Она поколебалась, затем добавила: — И я наслаждалась каждым мгновением. Теперь ты перестанешь меня уважать?

Скай рассмеялся и притянул ее к себе:

— Мы все еще можем испытать кресло.

Шала привстала на цыпочки и поцеловала его, не в силах вспомнить, чтобы когда-либо чувствовала себя счастливее.

* * *

— Рэдфута здесь нет. — Разговаривая по телефону со Скаем, Мария помешивала лук на сковородке. — Он позвонил и сказал, мол, у него какое-то срочное дело. Я волнуюсь.

— Не волнуйся. И когда он явится, передай, чтоб связался со мной. Ты сегодня видела Джесси?

— Да. Я полдня провела в больнице. Она поправляется. Уже снова сплетничает.

— Надеюсь, не обо мне, — вздохнул Скай.

— Нет, но знаешь, от твоей проблемы есть таблетки...

— Великолепно!

Мария рассмеялась:

— Глупый слух. Никто не поверит. В любом случае, думаю, завтра Джесси уже выпишут. Утром мне надо будет закончить с расчетами для клиента, а потом я пообещала Сэлу подъехать, пока он занят на работе.

— Дай знать, если нужна моя помощь. О, и не хочешь сегодня заглянуть к Лукасу на стейки?

— Нет. Я прямо сейчас готовлю курицу с испанским рисом. — Мария подкинула на сковороду перцев.

— Не добавляй слишком много чеснока.

— Клянусь, ты даже по телефону умудряешься торчать на моей кухне и висеть над душой, — беззлобно проворчала Мария.

— Прости, но ты всегда кладешь много чеснока.

— Мне он нравится.

— Знаю, — хохотнул Скай, и она не помнила, чтобы он когда-либо казался таким счастливым. — Хосе там?

— Нет. — Мария с улыбкой потянулась за чесночным порошком. — И без понятия, где он.

Но ей нужно было его увидеть. И сделать то, с чем следовало покончить еще два года назад.

— Мэтт больше не приходил?

Показалось, или брат замялся? Мария решила, что поняла, почему...

— Прости, что ударила его в участке

— Ага, кстати об этом. Думаю, вместо... ударов, тебе, возможно, стоит выслушать парня.

— У меня нет никакого желания выслушивать, что жена его не любит и...

— А если он хочет поговорить о другом?

— В смысле? — Мария хорошенько встряхнула бутылочку с чесночным порошком, и тут в голову пришла еще одна мысль. — А что он вообще делал в участке?

Вместо ответа Скай забормотал:

— Эм, кажется, мои стейки горят... и Шала опять жульничает в «Скрэбл». Мне пора.

— Скай?... Зараза! — буркнула Мария, когда он повесил трубку.

— Что-то не так? — спросили за спиной.

Оглянувшись, Мария увидела в дверях Хосе.

«Что-то? Все не так!»

— Нет. Просто Скай опять пытается учить меня готовить. — Сейчас не лучший момент упоминать Мэтта, особенно в свете того, о чем она собирается поговорить с Хосе. — Хочешь кофе?

— Нет! И никакой горчицы. — Он усмехнулся.

— Прости. — Добавив к рисовой смеси воду, Мария примостила сверху крышку и повернулась. — Нам надо поговорить.

Хосе внимательно изучал ее лицо:

— И почему твой тон напоминает мне мамин, когда она нашла «Плейбой» под моей кроватью?

Мария улыбнулась и села за стол. Хосе устроился напротив. Их взгляды встретились, и в груди все сжалось от чувства вины. Надо было сказать ему, признаться, прежде чем он уехал

в Нью-Йорк. Или потом, после выкидыша. И Мэтт тоже должен знать. Стоило рассказать ему о ребенке и о том, что она, возможно, больше не сможет зачать, еще когда они только начали встречаться... Стоп. Теперь это неважно. Мэтт — женатый ублюдок. Но Мария должна была припереть его к стенке насчет выходных в Далласе. Должна была. Должна. В ее жизни появилось слишком много обязанностей.

Мария попыталась придумать, как бы смягчить новость, но деликатность никогда не являлась ее сильной стороной, так что пришлось нырять в омут с головой.

— Когда ты уехал в Нью-Йорк, я была беременна.

Рот Хосе широко открылся.

— Ты... Я... У нас есть ребенок?

Несколько слезинок прорвалось сквозь ресницы.

— Нет. Я его потеряла.

Его? Мария так и не узнала, девочка это или мальчик. Она прижала пальцы к дрожащим губам и объяснила:

— Беременность протекала тяжело. Они убеждали, мол, это не моя вина, но я порой думаю, что, если бы старалась лучше, если бы...

— Почему ты мне не сказала?

— Сначала гордость выиграла. Дескать, если я тебе не нужна, то и ребенок тоже. Потом ты так ни разу и не позвонил, и я разозлилась. А через три недели после твоего отъезда, заболела. Пришлось делать операцию и... — Мария вытерла щеки тыльной стороной руки. Не стоит открывать ему все. — Я ошиблась. Прости.

Хосе спрятал лицо в ладонях. Услышав, что рис закипел, Мария пошла убавить огонь. А когда за спиной скрипнул, отодвигаясь, стул, решила, что Хосе сейчас уйдет. Она его не винила. Но вместо этого он вдруг оказался рядом.

— Какого черта ты просишь прощения, когда виноват только я? — Он коснулся ее плеча. — Мне не стоило уезжать.

Мария, сдерживая слезы, обернулась:

— Нет, Хосе. Ты должен был. Сейчас я это понимаю.

Хосе покачал головой:

— Я любил тебя. И думаю, до сих пор люблю. Если бы мы...

— Не надо. — Она прижала палец к его губам. — Слушай, я тоже тебя люблю. И всегда буду любить, но это не тот тип любви. Когда я только появилась здесь, то мечтала стать частью семьи. И тут ты, весь из себя... сексуальный. Я была молода и уверила себя, что если мы полюбим друг друга, то тогда я точно обрету семью. А когда Эстелла умерла... — Понадобилось время, чтобы сформулировать мысль. — Когда она умерла, я стала тем, кто понимал тебя так же, как она. Думаю, я воплощала собой все, что ты потерял, и потому ты наконец мне открылся.

Хосе моргнул.

— Мама просила держаться от тебя подальше. Дескать, поднимется шумиха...

— Она была умной женщиной, — усмехнулась Мария.

— А если она ошибалась? — Он прикоснулся к ее лицу.

— Нет. Ты принадлежишь Нью-Йорку. Я никогда не оставлю Совершенство. И прямо сейчас я ненавижу Мэтта, но то, что я испытывала к нему... Именно такой и должна быть любовь.

Хосе сжал пальцами ее подбородок:

— Чертов ублюдок. Если он не будет относиться к тебе как должно, я вырву его сердце.

— Между нами все кончено, — заверила Мария.

— Ты с ним поговорила?

Она тряхнула головой:

— Нет! И не собираюсь.

В дверь постучали. *«Явился — не запылится!»* Внутренности затряслись, точно желе.

Мария уставилась в сторону гостиной и, схватив Хосе за руку, попросила:

— Открой, пожалуйста. И если это Мэтт — гони его прочь.

Хосе ушел. Мария повернулась к плите и заставила себя не прислушиваться, опасаясь, что соблазнится голосом, если это и правда Мэтт. Она боялась, что захочет сказать, мол, ей плевать на его ложь, плевать на его жену, потому что она все еще любит его всем сердцем и, вероятно, будет любить вечно.

Но несмотря на все попытки, Мария услышала, как закрылась входная дверь. На кухню вернулся Хосе.

— Это был Мэтт?

— Да.

Это мало походило на глубокий тембр Хосе, зато на голос любимого мужчины Марии — очень даже. Зажмурившись, она вознесла молитву — Богу, Деве Марии, всем святым, что вспомнила, и на всякий случай, всем духам, в которых верил Рэдфут. Лишним точно не будет.

— Слушай, — начал Мэтт, сведя на нет все молитвы, — если собираешься мне врезать, давай побыстрее. Потому что нам надо поговорить.

* * *

Рэдфут шел к крыльцу Рамона Клауда, с тяжелым сердцем и благоухая виски. Перед уходом из «Напуганного цыпленка» он вылил на себя последнюю порцию, надеясь, что это поможет. О нетерпимости Рамона к пьяницам мало кто знал. А причина для нее, как подозревал Рэдфут, проста — покойный отец мальчика.

Достигнув цели, Рэдфут постучал в дверь. Все это казалось таким неправильным, но он сам поставил Веронику в неудобное положение, а значит, должен все исправить.

На пороге появился Рамон, и взгляд его был полон презрения — презрения сына, который считает любого мужчину недостойным своей матери. Рэдфут это уважал.

— Ты звал меня, чтобы... вместе пойти на совет, — протянул он. — И вот я здесь. — И нарочно наклонилась, дабы невыносимый запах виски точно учуяли.

Рамон отступил.

— Ты чертовски хорошо знаешь, что совет давно разошелся по домам!

Рэдфут уставился на часы:

— Вот блин. Должно быть, я потерял счет времени.

— Пойдем завтра.

— Звучит отлично. — Рамон попытался закрыть дверь, но он удержал ее рукой. — Знаешь, а ведь поначалу я взбесился. Ну кто захочет жениться на твоей плоскозадой

мамочке!

— Вали домой, пока я не сделал то, о чем пожалею, — вскипел Рамон.

— Да ты ж не дослушал! Я передумал. Сижу, значит, в «Напуганном цыпленке», и тут меня осеняет: она четверть века терпела твоего папашу, так что и меня чуток потерпит. Я не намного хуже твоего старика.

— Ах ты ублюдок! — Рамон вылетел на улицу и припечатал Рэдфута к стене дома.

— Я не ублюдок, — заметил тот. Чистая правда, хотя на этом она и заканчивалась. Рэдфут заставил себя продолжить: — Да, наверное, не стоило говорить, что она мне дорога и все такое, но ты же знаешь женщин. Пока лапши не навешаешь — ничего от них не получишь.

Рамон занес кулак. Рэдфут приготовился, но удара не последовало. Мальчишка опустил руку и оттолкнул его.

— Убирайся. И держись подальше от моей матери. Понял? Потому что, клянусь, старик, если хоть раз увижу тебя рядом с ней, я из тебя дух вышибу! Она терпела одного мудака и не будет мириться со вторым.

— А как же в-в-ст-треча с советом? — промямлил Рэдфут.

— Отменяется. — Рамон ринулся обратно в дом и захлопнул за собой дверь.

Рэдфут двинулся прочь, пошатываясь, на случай, если за ним наблюдают из окна, и пробормотал:

— Я все исправил.

Теперь Вероника должна быть счастлива. И неважно, что сам Рэдфут чувствовал себя несчастным как никогда.

* * *

— Я не женат.

От пронесшихся по кухне слов перехватило дыхание. Мария схватила чесночный порошок, еще раз хорошенько посыпала рисовую смесь и только потом повернулась.

— Я присяду? — Мэтт махнул в сторону стола. Мария кивнула, и он упал на стул. — Мы в разводе. И прежде, чем ты что-нибудь ответишь... да, знаю, я должен был тебе рассказать.

Озадаченная, она скрестила руки на груди.

— Но с бывшей ты по-прежнему общаешься?

— Нет. Не так, как ты думаешь.

— Ты позвонил ей, когда тебя арестовали.

— Только потому, что не смог связаться с бывшим тестем. Он адвокат и отличный парень. Я полагал, мне понадобится его помощь, чтобы выбраться из тюрьмы.

Мария секунду поразмыслила.

— Она живет в Далласе?

— Да.

— Значит, ты видишься с ней каждые выходные. — И вновь сомнения и подозрения.

— Да, но...

— Уходи! — Мария указала на дверь.

Мэтт вытащил что-то из кармана рубашки и протянул ей через стол:

— Вот зачем я с ней вижусь.

Мария перевела взгляд. Не в силах сдержаться, она шагнула ближе и уставилась на фото маленькой девочки примерно лет трех. Большие зеленые глаза, песочные волосы... без сомнения, ребенок Мэтта.

— Брэнда, моя бывшая... Мы познакомились в колледже. Я был от нее без ума, а она бегала за другим парнем. И когда этот придурок ее обижал, приходила плакаться ко мне. Обижал он ее часто. Потом он бросил ее, сбежал в Европу. Однажды ночью Брэнда явилась ко мне, мы напились, и она забеременела. Я уговорил ее выйти за меня и думал, что жизнь прекрасна. — Он зарылся пальцами в волосы. — Прекрасна... вот только через шесть недель после нашей свадьбы придурок вернулся. Если коротко: мы развелись, и она вышла замуж за другого. И все это еще до рождения Бренди.

Мария услышала боль в его голосе.

— Мне жаль.

— Поначалу я хотел просто уйти, но один взгляд на эту девчушку — и я познал настоящую любовь. Ничто не сравнится с тем, когда твой ребенок смотрит на тебя.

Мария сглотнула ком в горле. Сейчас она видела другую сторону Мэтта. Нет, не так. Она всегда это в нем видела. Прекрасные качества, что делали его идеальным семьянином. Верность, надежность, доброта.

— Почему ты мне не сказал?

— Сначала хотел защитить Бренди.

— Защитить... от меня?

— Да... В смысле, нет. Не только от тебя. Я не хотел пускать людей в ее жизнь, а потом наблюдать, как они уходят. Брэнда и придурок развелись. Я видел, насколько Бренди больно, и... — Он наклонился через стол. — Я собирался тебе рассказать, когда пойму, что все становится серьезно. Но все стало серьезно слишком быстро. Как-то ночью ты заметила, мол, как хорошо, что ни один из нас не был женат — дескать, только лишний багаж в отношениях. Я запаниковал. И убедил себя, что если ты в меня влюбишься, то поймешь.

Мария замерла, пытаясь разобраться в своих чувствах. Мэтт ее не обманывал. Он ее любит. Так почему же сердце не заходится от радости?

Он прижал руку к столешнице:

— Я все ждал подходящего момента, но он никак не наступал. — Затем поднялся и, обогнув стол, подошел к Марии. — Мысль, что я могу потерять тебя, слишком пугала. Но в следующие выходные я хотел отвезти тебя на встречу с Бренди. Помнишь, я спрашивал, поедешь ли ты со мной? Я целую речь заготовил. О том, как мечтаю, чтобы мы поженились, завели детей — сестренку или братика для Бренди.

Комок в горле увеличился, и все стало ясно. Мария вспомнила слова гинеколога: *«Вы потеряли одну из маточных труб. Я также обнаружил эндометриоз. Это означает, что у вас могут возникнуть большие трудности с зачатием»*.

Мэтт притянул ее в свои объятия. Мария вдохнула его запах и в ту же секунду осознала правду: он мечтал о том, чего она дать не в силах. Безумие, но ситуация с Хосе повторялась... как и ошибки. Любовь к Мэтту была настоящей, и в глубине души Мария понимала, что знает его достаточно хорошо, что он наверняка скажет, мол, все в порядке, ее бесплодие — не конец света. Но толку-то? В сердце эхом отдавались его слова: *«И я познал настоящую любовь»*. Мария такой любви будет лишена и никогда не пожелает подобной

боли Мэтту. Он хотел еще детей — и заслуживал их.

Отстранившись, она посмотрела ему в глаза:

— Мне жаль. Просто уйди.

— Черт. Я знаю, что зря тебе не сказал, но...

— Вот потому-то у нас ничего и не получится. — Наглая ложь, но Мэтту потребуется причина.

— Ты все еще любишь Хосе? — спросил он.

О таком Мария врать не решилась.

— Нет, но ты явно не доверяешь мне достаточно, чтобы говорить правду. А без доверия любые отношения бессмысленны.

Прошла неделя, и Шала погрязла в наведении лоска на Совершенство. Она встретила, наверное, с каждым представителем власти и со всеми, кто мог помочь превратить город в крупнейшее место отдыха в Техасе. Шала передала мэру свои рекомендации из «с-этим-необходимо-что-то-сделать» списка — черт, даже встреча в «Напуганном цыпленке» прошла успешно, хоть и пришлось снова танцевать с Бо в обмен на обещание исполнить все перечисленные пункты.

Просмотрев все свои фотографии, Шала решила, что другие ей и не нужны — разве что с пау-вау, но снимать там по-прежнему было запрещено. Однако завтра намечался большой день — заседание совета.

Не то чтобы Шала переживала. На волнение просто не оставалось времени, все силы отнимала работа. Ну, когда эти силы не уходили на поджигание пальцев ног и удары кроватью о стенку совместно с шефом полиции. Или секс в душе. На губах заиграла улыбка, стоило вспомнить утреннюю сцену. Кто ж знал, что секс может быть таким веселым?

В спальню, которую Шала со Скаем облюбовали в доме Лукаса, шагнула Мария с коробкой в руках.

— Я собрала снимки. Теперь скажи мне, для чего они.

— Супер!

Шала попросила ее выманить у жен мужчин из совета племени какие-нибудь отпускные фотографии.

Едва встретившись на прошлой неделе, чтобы обсудить создание художественного сообщества, Мария и Шала моментально сошлись, словно потерянные сестры. Мария даже решила обсудить Мэтта, хотя все равно оставалось ощущение, что раскрыла она далеко не всю историю. Но Шала ее не винила. Она и сама не хотела откровенничать о себе и Скае. Возможно, ее чувства не были такими уж безумными и запутанными, но по крайней мере казались именно таковыми.

— Ну так для чего? — вновь спросила Мария.

Шала посмотрела на коробку:

— Для моей презентации.

Мария озадаченно моргнула:

— Снимки семейного отдыха членов совета... Погоди-ка! Я поняла. Это способ убедить их позволить гостям фотографировать, да? А ты хороша.

— Конечно, она хороша. — В комнату вошел Скай. Уперся коленом в матрац и, наклонившись, поцеловал Шалу. По-настоящему поцеловал.

В последнее время он делал это все чаще. Да, поначалу казалось, что он не склонен к публичным проявлениям чувств, но все изменилось. Кроме секса. От него пальцы ног по-прежнему поджимались.

О, и еще в расследовании перемен не было. Они до сих пор топтались на месте. И с каждым днем склонялись к версии, что за всем стоял Чарли Рейнмейкер. Видимо, он нанял кого-то для грязной работенки, а потом произошла ссора, и, убив Чарли, неизвестный, естественно, покинул город. Не осталось никого, чтобы угрожать Шале, никого, чтобы оплатить ее убийство, а значит, опасность миновала. И можно вернуться в Хьюстон.

Однако когда она напомнила об этом Скаю, тот пришел в ярость. На какое-то

мгновение Шала даже подумала, что ей вновь начнут угрожать арестом. Неужели он просто не хотел, чтобы она уезжала? Шала и сама не хотела, но рано или поздно им придется столкнуться с тем, что живут они в сотнях километров друг от друга. Так что надо либо обсудить отношения на расстоянии, либо — еще лучше — хотя бы прояснить, что вообще между ними происходит.

А вот здесь эмоции зашкаливали, потому как про себя Шала уже все поняла. Если она еще и не влюбилась в Ская по уши, то точно стояла на пороге. Но в отношениях одностороннее осознание не работает. Чтобы все сложилось, двое должны желать одного и того же. А Скай вроде как о своих чувствах никогда не заикался. Считайте Шалу неуверенной в себе, но ей хотелось получить хотя бы намек на взаимность, прежде чем самой признаваться в любви.

Она взглянула на часы:

— Ты рано.

— Филип и остальные уши, и я подумал: какого черта? И прикрыл лавочку пораньше. Просто решил, что для полного счастья мне не хватает еще одного похода в душ. — Его глаза многообещающе сверкнули, и Шала покраснела, заметив улыбку Марии.

Скай оттолкнулся от кровати и посмотрела на сестру:

— Как там наша шайка поживает?

— Без изменений. Из дома словно всю радость выкачали. Рэдфут хандрит. Вчера даже не передел пижаму. Хосе не отрывается от ноутбука. Если ему так надо работать, почему просто не вернуться в Нью-Йорк?

— Дай им время, они справятся.

И Скай, и Мария рассказали Шале, что случилось. Если б они только знали, как она завидовала их семье — пусть и переживающей драму. Вчера Шала даже позвонила брату, надеясь получить от него частичку тепла, которое ощущала между Скаем и «шайкой» Рэдфута. Напрасно. Брат смог уделить разговору пару минут, а потом убежал по делам. Шала даже не успела упомянуть о грозившей ей опасности. О, она знала, что он ее любит, но его жизнь была слишком насыщенной, чтобы еще и о сестре беспокоиться.

— Я пытаюсь дать им время, — ответила Мария, — но это темное облако, нависшее над домом, просто невыносимо. И это одна из причин, почему я здесь. Может, после завтрашнего заседания совета заглянете к нам на ужин? Вдруг гости оживят атмосферу.

Брат и сестра уставились на Шалу и одновременно спросили:

— Что скажешь?

Сердце сжалось. Ее зовут на семейный междусобойчик!

— Звучит заманчиво. — Шала улыбнулась. — Последний мой визит к Рэдфуту прошел весьма интересно.

— Не переживай, — рассмеялась Мария. — Я прослежу, чтобы Хосе не забыл одеться.

— Я тоже, — проворчал Скай.

* * *

— Что мне нужно? Доказательства! — едва ли не кричал следующим утром Скай. —

Чарли здесь всю жизнь прожил. Где бы он нашел наемника? И как, черт возьми, собирался ему заплатить?

Филлип пожал плечами:

— Слушай, я понимаю, для тебя это личное, но мы сделали все, что могли. Пока обработают улики...

— У нас убийство и три покушения, а вы просто свалите?

Хуже того: узнав об отъезде рейнджеров, Шала тоже долго не задержится.

— След оборвался, — продолжал Филлип. — Целых шесть свидетелей подтверждают, что Чарли едва ли не признался в попытке вытравить Шалу из города. Теперь Чарли мертв, и у нас не осталось ничего, пшик! Если криминалисты что-то наруют, тогда и продолжим.

— Я уже нарыл, — прогремел голос от двери, и, обернувшись, они увидели Лукаса.

Скай много раз звал своего друга-затворника поиграть с ними в покер, но тот отказывался. На прошлой неделе эти двое встретились впервые. Вообще-то, за последнее время Лукас наверняка встретил больше людей, чем за последние лет пять. И как ни странно, он, кажется, не возражал.

Серьезное выражение на лице приятеля заставило Ская напрячься.

— Где Шала?

Неужели уже уехала?

— Там. — Лукас махнул в коридор и похлопал по ладони конвертом. — И я кое-что нашел.

— Что? — спросил Филлип.

— Вероятно, вашего убийцу. — Лукас посмотрел на Ская. — Я же говорил, что отправил несколько снимков своему знакомому. Они провели поиск по программе распознавания лиц и получили совпадение.

— Мы тоже отправляли фото, — в замешательстве пробормотал Филлип. — Но у них там очередь на несколько месяцев. — Он покачал головой. — К кому ты обращался?

Уважая желание друга, Скай не рассказал рейнджеру о его правительственных связях.

Лукас передернул плечами:

— К знакомому знакомого.

— Какого именно знакомого? — не унимался Филлип, явно раздосадованный чужим успехом, тогда как его парни до сих пор бились о стену.

— Неважно, — влез Скай. — Что у тебя?

— Нет, важно, — перебил Филлип. — Я не могу использовать...

— Ну так не используй, — сухо заметил Лукас.

— Твою мать, Филлип! Это не конкурс на самый большой член. Он пытается помочь. И держу пари, что бы он нам ни предоставил, все подтвердится, когда твои ребята закончат с экспертизой.

Лукас протянул конверт:

— Его зовут Брэдли Коннерс. Приводов больше, чем жалоб у дамочки с ПМС. Вышел полгода назад. Загрел за то, что чуть не прикончил парня в баре. Считалось, что это был заказ, но доказать не смогли. Он схлопотал семерку, отсидел только три. — Скай достал из конверта бумаги и теперь пробежал глазами по строчкам, пока друг продолжал: — И угадайте, с кем мистер Коннерс несколько месяцев делил камеру в Хантсвилле?

— С кем? — спросил Филлип, уже скорее с любопытством, чем раздраженно.

— С братом Рейнмейкера.

— Ну вот и связь.

Скай покачал головой:

— Но на кой черт этому Коннерсу понадобилась камера Шалы?

— Может, они знали, что она успела заснять Чарли, — предположил Лукас. — Может, Коннерс переживал, что и сам засветился.

— Логично, — согласился Филлип.

— Все равно не вяжется, — сказал Скай. — В смысле... я в курсе, Чарли хотел прогнать Шалу, но чтобы нанять киллера?

— Не обязательно нанять. Вдруг парень согласился в качестве одолжения. Блин, может, Рейнмейкер понял, что Коннерс зашел слишком далеко, и попытался от него отделаться. За что и поплатился жизнью.

— Нет. — Скай прижал ладони к столу. — Я на это не куплюсь.

— Допросим брата Рейнмейкера, — настаивал Филлип, — вероятно...

— А вот тут проблемка, — вставил Лукас. — Он скончался около месяца назад. Мои источники говорят, естественные причины, ничего подозрительного.

— Да кто ты нафиг такой, и что у тебя за источники?!

— Я просто знаком с нужными людьми.

— Все хуже и хуже, — вскипел Скай, игнорируя их перепалку.

— Хуже? — не понял Лукас. — Мы знаем, кто он. Мы нашли связь с Чарли. И после его смерти Коннерсу больше нет дела до Шалы. Она вне опасности. Я бы не назвал это «хуже». Наоборот, мы отлично продвинулись.

— Ты рассказал Шале? — Сердце Скай бешено забилося о ребра.

— Конечно. Она в восторге.

А значит, она возвращается в Хьюстон.

* * *

— У тебя настоящий талант, юная леди, — заметил Рэдфут, когда Шала и Скай зашли в его дом через полчаса после заседания совета племени. — Ты завладела всеобщим вниманием.

Его похвалу она ощутила всем своим существом.

— Спасибо. И спасибо за поддержку. Без вас я бы не справилась. — Шала обняла старика и провисела на нем пару минут, пока наконец не почувствовала себя счастливой. Боже, как же она скучала по бабушке и дедушке, по тому, как ее обхватывали их теплые, морщинистые руки...

— Еще одна обнимашка, — пробормотал Рэдфут.

— Привыкай. — В комнату влетела Мария и, как только отец отошел, сама обняла Шалу. — Поздравляю! Рэдфут сказал, что совет готов у тебя с рук есть.

— Правда? Вы правда думаете, что они на все согласятся?

Рэдфут повернулся к Скаю:

— Твоей женщине следовало стать юристом. Ты бы ее видел. Она их так очаровала, что у старых пердунов аж носки задымились.

— Я бы видел, если бы мне разрешили прийти.

Шала покосилась на него. Скай весь день казался крайне напряженным, и она подозревала, что дело в ее возвращении в Хьюстон. Она говорила Лукасу, что, вероятно, уедет в эти выходные, но Скай тему еще не поднимал.

— Ты знаешь правила. Только совет племени присутствует, когда...

— Но они не обязаны мне нравиться, — прервал Скай отца.

— Пахнет вкусно, — заметила Шала.

— Паэлья. Рецепт Эстеллы. — Мария зыркнула на брата. — И даже не заикайся, что я добавила много чеснока.

— Я заставлю его вести себя хорошо. — Шала взяла его за руку.

— Довольно громкое обещание, — прогремел с порога голос Лукаса.

Шала обернулась и чуть не рассмеялась, увидев, что у него в руках.

— Лукас! — Мария усмехнулась. — Рада, что ты передумал.

Шала наклонилась и прошептала ей на ухо:

— Что ты ему посулила? Игру в «Скрэбл»?

— Всего один раунд.

— Идемте, — позвал всех Рэдфут.

Когда мужчины скрылись в доме, Мария посмотрела на Шалу:

— Рэдфут сегодня повеселее. Спасибо, что согласились.

— Ни за что бы не пропустила такое. Могу я забежать в ванную? А потом помогу с ужином.

— Вторая дверь налево. Сразу после дыры в стене, которая сильно смахивает на лицо Хосе. — Мария рассмеялась.

Мочевой пузырь уже едва не лопался, и Шала ринулась в указанном направлении. Однако не успела повернуть ручку, как дверь сама распахнулась, и на пороге возник Хосе. Голый. Ну ладно, с белым полотенцем на бедрах.

— Твою мать! Скай меня убьет. — Он захлопнул дверь.

Сдерживая хохот, Шала вернулась в гостиную к Марии.

— А другая ванная у вас есть? Кажется, эта занята.

Очень хотелось рассказать подруге всю историю, но Хосе вряд ли оценит.

— В моей комнате. Первая дверь налево.

— Спасибо.

Несколько минут спустя, ошарашенная Шала вышла в коридор, и в тот же момент из соседней двери появился Хосе. *«Ну хоть на сей раз он одет».*

Он виновато пожал плечами и кивнул:

— Прости. Я не знал, что кто-то уже приехал. Как раз собирался выходить.

— Все нормально, — усмехнулась Шала. — Наверное, это мы рано заявили.

Хосе улыбнулся:

— Мы встречались, но так и не были представлены должным образом.

— Блин, без розового халата тебя и не узнать.

Он рассмеялся и в этот момент стал безумно похож на Рэдфута... Шала решила, что Хосе ей явно нравится.

Через полчаса после прихода Скай сидел в столовой с Хосе, Рэдфутом и Лукасом. Мужчины играли в «Скрэбл», а Шала помогала Марии на кухне.

— Нет такого слова, — возмутился Лукас.

— Есть. *Вакои*.

— И что это?

— Священное слово, — объяснил Рэдфут.

— Ты не захочешь подробностей, — пробормотал Скай себе под нос.

— Знаете, какое священное слово приходит мне на ум прямо сейчас? *Фигня!* Можно использовать только английский язык. Только английский, — настаивал Лукас.

Спорить с Рэдфутом по поводу лексикона коренных американцев... Скай рассмеялся. Пусть он и сходил с ума из-за скорого отъезда одной упрямыцы, но здесь было весело. Каждые несколько минут он заглядывал на кухню, и что-то в том, как Шала смотрелась в знакомой ему с детства обстановке, казалось очень правильным.

— Хосе, — позвал Лукас, — твоя очередь. И не притворяйся, будто читаешь газету, я в курсе, что ты выискиваешь слова.

Хосе усмехнулся:

— А этот парень принимает свой «Скрэбл» всерьез, да? — Затем уставился вниз на свою дощечку с буквами и начал составлять слово. — И я не притворялся, я читал. Статью о сенаторе Блэнтоне. Вы знали, что он учился в школе Бьюфорда? Здесь сказано, что он был квотербеком «Бьюфордских бульдогов». Черт, мы могли играть друг против друга, когда я был в школьной команде.

— Добавь ему восемь очков, — велел Лукас, подсчитав буквы Хосе.

Скай записал.

— Разве он не старше тебя?

Хосе оглянулся на газету, словно по фото пытался определить возраст сенатора.

— Ага. Но, блин, было бы приятно думать, что я пару раз надрал президенту задницу.

— Раз уж он баллотируется в президенты, и у него здесь корни, может, он как-нибудь подсобит Совершенству и другим местным городкам. — Рэдфут напряженно сверлил доску взглядом. — Я читал о нем много хорошего.

— Только Марии не говори. — Скай вновь повернулся к кухне, чтобы еще раз мельком увидеть Шалу. — Она Блэнтон не переваривает.

— У Марии хороший вкус, — заметил Лукас.

— Накопал на него что-то грязное?

— Не совсем. Мы играем или говорим о политике?

— Знаешь, кто бы сделал карьеру в политике? Твоя женщина. Сегодня она блистала. — Рэдфут посмотрел на Ская.

И тот вновь уставился в сторону кухни. Его женщина. Почему же то, что отец так ее называет, с каждым разом беспокоило Ская все меньше?

— Мэтт звонил? — спросила Шала, почувствовав, что Мария о чем-то задумалась.

— Нет. Слава богу.

— Это, конечно, не мое дело, но если вы и правда любите друг друга, то, может...

— Ничего не выйдет. — Подруга отвела глаза. И вновь это ощущение недосказанности. — Достанешь соус для салата?

То есть, заткнись уже. Шала уважала ее желание.

Из столовой донесся смех, и они обе повернулись в ту сторону.

— Не представляешь, как здорово вновь это слышать. Клянусь, в этом доме всю неделю никто не смеялся.

— Включая тебя?

Ответить Мария не успела — появился Скай и с порога поддразнил:

— Я чую запах чеснока.

Сестра замахнулась на него ложкой:

— Убирайся с моей кухни.

— Я просто пришел за чаем. — Скай наполнил стакан и, остановившись за спиной Шалы, наклонился к ней. — Я горд. Рэдфут не устает тебя нахваливать.

— Спасибо, — улыбнулась она.

Он поцеловал ее и выпалил:

— Нам сегодня нужно поговорить.

— О чем?

Хотелось верить, что Скай имеет в виду, мол, пора разобраться в их отношениях. Да, он вел себя так, будто без ума от нее. Но слова делали чувства несомненными. И Шала нуждалась в чем-то несомненном.

— Тебе еще опасно уезжать.

Она не стала спорить. Позже они поговорят. Вот только не о них. И это, оказывается, больно.

Когда Скай ушел, Шала вдруг обнаружила, что Рэдфут тоже уже на кухне. Он стоял у плиты и беседовал с дочерью. А через мгновение подошел к Шале и положил руку ей на плечо:

— Ты делаешь его счастливым, Голубые Глаза.

Она улыбнулась:

— Это взаимно.

А про себя добавила: *«Вот бы он еще немножко мне открылся»*.

Вскоре все собрались за обеденным столом. Разговор за едой в основном состоял из забавных историй о Хосе, Марии и Скае. То и дело звучал смех. Для Шалы это был лучший ужин за долгие годы. И дело не в еде — хотя и она оказалась прекрасна, — а в компании. Затем Рэдфут налил всем десертного вина, и только Лукас продолжал пить чай.

Шала чувствовала себя частью семьи и с трудом удерживалась от слез. Она поняла, что в шаге от безвозвратной влюбленности не только в Скаю, но и во всех его родных и друзей.

Рэдфут вновь наполнил бокалы и поднял свой.

— Тост за семью. За еще много таких совместных ужинов, — провозгласил он и посмотрел на младшего сына. В глазах Хосе мелькнула вспышка вины.

— За то, что все мы разные и принимаем друг друга таковыми, — высказалась Мария.

— За «Скрэбл», — сказал Лукас, и все рассмеялись.

— За еду, в которой не слишком много чеснока. — Скай подмигнул сестре.

Настал черед Шалы, и долго думать ей не пришлось.

— За семью.

Все взгляды устремились к последнему промолчавшему — Хосе. Он улыбнулся:

— За то, что Скай наконец признал в Шале свою вторую половинку, как и предсказывали духи Рэдфута.

Все руки замерли на весу, и звона бокалов не последовало. Шала уставилась на Хосе:
— Предсказывали?

И в этот момент поняла, что все смотрят на нее.

Скай опустил бокал и смерил брата тяжелым взглядом.

— Что? — удивился тот. — Только не говори, что она не в курсе!

— Не в курсе чего? — Шала оглядела собравшихся.

Все отводили глаза, кроме Ская.

— Ничего, — проворчал он.

Она нервно усмехнулась:

— А звучит иначе.

— Пирог и кофе готовы! — воскликнула Мария, привлекая к себе внимание. На сей раз она не стала отворачиваться от Шалы, но виновато пожала плечами, словно признавая, что какой-то секрет тут все же кроется.

— Я люблю пирог, — отозвался Лукас.

Интересно, а он знает, о чем тут речь? Судя по опущенному взгляду — знает.

Шала переключилась на Рэдфута. Он посмотрел на нее, но опять врубил режим деревянной статуи.

— А предупредить, чтобы я помалкивал, слабо? — прошипел Хосе.

— Просто закрой свой поганый рот, — рыкнул Скай. И, встав из-за стола, обратился к Шале: — Готова идти?

Бум. Радостное настроение испарилось под гнетом вины. И хотя Шала так и не поняла, в чем виновата, все же не смогла удержаться от извинений:

— Простите. — Она положила салфетку на тарелку. — Может, я сначала помогу с посудой...

— Нет, — прервала Мария. — Я справлюсь.

— Ладно. Ужин был великолепен.

Едва покинув комнату, Шала поняла, что больше не чувствует себя частью этой семьи. Как так вышло?

* * *

Рэдфут сидел за столом, пялясь на свой бокал. Воздух по-прежнему пронизывала неловкость. В следующее мгновение Лукас засобирался домой.

— Тебе здесь всегда рады, — сказал ему Рэдфут.

— Спасибо.

Мария пошла проводить гостя до двери.

Хосе, как ему и положено, смущенно ерзал напротив отца.

— Клянусь, никто не предупредил, что об этом нельзя говорить.

Рэдфут грустил из-за сына, но также сочувствовал Скаю, которому сейчас, несомненно,

предстояла самая трудная часть их совместного путешествия с Шалой Уинтерс. Прошлой ночью видение подсказало, что путь их будет тернист. Как и путь Марии с Мэттом. Так что еще неизвестно, куда приведут молодежь их дороги и сердца.

Насчет Вероники духи подсказок не дали. Рэдфут догадывался, что она разозлится на его ложь. Но менять ничего не собирался. Он не принудит любимую к браку, даже если придется пойти против себя.

— Кто-то должен был мне сказать, — не унимался Хосе.

Рэдфут допил последние капли вина из бокала.

— Я полагал, мы все понимаем, что никому не нравится, когда ему говорят о предрешенности его судьбы.

— Да ну? — Хосе подался вперед, упершись ладонями в стол. — Тогда почему ты без конца поступаешь так со мной?

— Как так? — Рэдфут откинулся на спинку стула.

— Неважно. — Сын махнул рукой. — Забудь.

Затем встал и вышел, оставив Рэдфута в одиночестве.

— Что неважно? — спросил старик у пустой комнаты. И в поисках ответа заглянул в собственное сердце.

* * *

Целых пять минут Шала безмолвно просидела в грузовике Ская, но потом разочарование словами выплеснулось наружу.

— Ты ведь не собираешься объяснять? Как ты можешь спокойно рулить и ничего не объяснять? Как мо...

— Стоп! — Скай поднял руку. — Господи, женщина, прошу, только не начинай болтать!

Его гнев, его тон бросились в лицо, точно осколки стекла.

— Болтать? То есть я... балаболка?

— Да, именно так! Когда нервничаешь, когда расстроена, и даже когда счастлива. У меня уши болят.

Шала понимала, что выходит из себя, но ей было плевать.

— Что ж, может, я и болтаю, но лишь потому, что прямо посреди комнаты присел слон, задрал хвост и, выставив свою маленькую розовую задницу, навалил огромную кучу, а ты и слова не сказал. Может, я болтаю, потому что пытаюсь выяснить, какие мысли о нас бродят в твоей голове. Может... — Она с силой откинулась на спинку сиденья. — Мою машину еще не починили?

Глухо зарывчав, Скай резко свернул к обочине и затормозил.

— Хочешь, чтобы я вышла? — Шала уставилась ему в глаза, чувствуя, как по венам несется адреналин.

— Нет! — Скай потянулся к ней, но она отшатнулась. — Это глупо.

— Что глупо? — К горлу подступали рыдания. — Моя болтовня или то, что ты и твоя семья что-то от меня скрываете и наверняка смеетесь за моей спиной?

— Никто не смеется.

— Ты сказал, что это глупо.

Скай потер лицо.

— Это глупо, но мы над тобой не смеемся. — Затем откинулся назад и уставился в потолок. — Ладно, как хочешь. Рэдфут верит, что духи посылают ему вещие сны. Верит, что эти сны поведали ему, будто ты и я созданы друг для друга.

Шала вытерла ладонь о юбку, вспоминая странности первой своей встречи со стариком.

— Ему приснилось, что я твоя вторая половинка?

— Да. Говорю же, глупость.

— Когда?

— Неважно.

— Когда у него было это видение?

— Где-то за три недели до твоего приезда.

Шала попыталась все осмыслить.

— Так вот почему ты грубил мне поначалу.

— Я не грубил, я...

— Ты за мной следил и отобрал камеру.

— Ты фотографировала.

— Я не фотографировала!

— Хорошо. Мне показалось, что ты сделала снимок. И следил я за тобой, потому что... — Скай стиснул пальцы на руле. — Ладно, возможно, я следил за тобой вместо того, чтобы нормально представиться, потому как не хотел потворствовать Рэдфуту в его вере в собственную чушь.

— И почему же передумал? Из-за преследователя?

— И да, и нет. Просто понял, насколько это глупо.

— Что именно?

— Черт, да все! Я в это не верю.

— Во что? В видения? В родственные души?

— Оба раза — да. Отношения просто плывут по течению. Столько, сколько им отведено. Я не чья-то вторая половинка. Просто не верю в эту хрень.

Не верит? Шала пыталась переварить скрытый в этих словах смысл.

— Ты не веришь в любовь.

Скай просто сидел и пялился на нее.

— Да ладно, Шала. Мы же это обсуждали.

— Правда?

— Да.

— Когда? А то я что-то не припомню...

— Днем в моем кабинете. Я сказал, что хочу просто жить сегодняшним днем, наслаждаться... Сказал, что все сложно.

От целого урагана эмоций сердце едва не взорвалось.

— Да, о сложностях ты сказал. И о том, что хочешь просто получать удовольствие. Но как-то забыл упомянуть об одной крошечной детали: о своей уверенности в том, что долго это не продлится и вообще никуда не приведет. Или тебе всегда было плевать...

— Мне не плевать!

— Ну да, пока «отношения плывут по течению», — пробормотала Шала. — Пока

новизна в сексе не пропадет.

Чувствуя себя использованной, она закрыла глаза. Теперь все произошедшее между ними выглядело иначе. Грязным. Несмотря на огромную дыру в груди, Шала умудрилась выдохнуть.

— Что ж, думаю, мы приплыли.

— Ничего подобного. Черт! Я же не имел в виду... Я не...

Она выпрямилась и посмотрела на Ская. Пора закруглять спор. Она — пройденный этап. Все кончено.

— Подбрось меня к моей машине. Стой... лучше к Лукасу, а он меня отвезет. — Шала закусил нижнюю губу, запрещая себе плакать. — Мне нужно забрать свои вещи.

— Уже поздно. Ты не можешь сейчас ехать домой...

— Не поеду. Сниму комнату в отеле.

Скай уставился на лобовое стекло:

— Отель все еще закрыт из-за Джесси.

— Тогда я доберусь до ближайшего города и...

— Черт, останься на ночь у Лукаса. Утром я подгоню твою машину и... — Он повернулся к Шале. — Если не хочешь, чтобы я спал рядом, я не буду.

Логика подсказывала, что он прав. И как бы ни было больно, рассудок терять не стоит. Логика — ключ к выживанию, и Шала все переживет, оправится от этой зияющей раны. И не такое проходили. Скай Гомес — ничто в сравнении с ее прошлыми потерями. *«К тому же, я его даже не люблю. Не успела еще влюбиться».*

Тогда почему же так больно?

Шала отвела взгляд и почувствовала, как по щеке скользит слеза, выпустить которую она так боялась.

— Отлично, уеду утром. Но ты прав: я не хочу, чтобы ты спал рядом.

* * *

Хосе не отрываясь смотрел на монитор — на кнопку «купить», что могла подарить ему обратный билет до Нью-Йорка.

Изначально он не планировал оставаться тут надолго. После первого дня в городе, Хосе позвонил в офис и попросил свои накопившиеся три недели отпуска. И неважно, что в последние дни он трудился. Черт, он любил свою работу! Любил жизнь в Нью-Йорке, так какого дьявола тогда торчал здесь? Хосе смирился с тем, что между ним и Марией все кончено. Признавать не хотелось, но она оказалась права насчет их отношений. Она была единственным человеком в Совершенстве, с кем он чувствовал связь.

Мысль о том, что Мария носила его ребенка — потеряла его ребенка, — прилипла к сердцу, точно жвачка к подошве в жаркий день. Хосе старался об этом не думать, но получалось плохо. Он не мог подобрать название для поселившейся в груди эмоции, но она очень походила на... горе. На боль, что он испытал, когда мама умерла.

Размышления о матери привели к осознанию, что у них с отцом, возможно, осталось мало времени. А это в свою очередь вернуло Хосе к причинам, по которым он до сих пор не

уехал. Свое возвращение в Совершенство насовсем он не представлял, но подозревал, что проблемы у них с Рэдфутом вовсе не из-за физического расстояния между ними.

Хосе закрыл ноутбук, так и не купив билет, и направился в гостиную. Старика там не оказалось. Хосе пошел в столовую и обнаружил отца за обеденным столом, где и оставил его больше часа назад. Он устроился напротив, не зная, что сказать, но понимая, что поговорить им надо.

Рэдфут прокашлялся:

— Ты похож на свою маму.

— Да? Мне всегда казалось, что она посимпатичнее.

Старик проигнорировал попытку пошутить.

— У нее были великие мечты и стремления. Столько, что одной жизни не хватит. — Голос Рэдфута чуть задрожал, и он ненадолго умолк. — Мне чертовски повезло: она решила, что я — часть ее мечты. Иногда я гадаю, не пожалела ли она об этом. Она могла добиться большего, уехав из Совершенства.

Сердце Хосе сжалось.

— Мама любила тебя и этот город.

— Надеюсь. А ты — нет?

Он задумался и наконец признал:

— Я не ненавижу его — не всегда. Я люблю живущих здесь людей. Мне дороги воспоминания. Но я никогда не чувствовал себя здесь своим.

Рэдфут кивнул:

— Вчера Мария напомнила мне историю, которую раньше часто рассказывала ваша мама. О том, что наши родители были против нашего брака.

— Я помню. Мама говорила, что вы встретились у ручья и сбежали.

— Она была моей судьбой. И мы верно взбунтовались против родителей. — Старик помолчал. — И ты прав, что стремишься осуществить свои мечты. Мне жаль, что из-за меня ты чувствовал, будто они неважны. Твоя судьба — только твоя, Хосе. Я могу лишь попросить тебя почаще приезжать и делиться со мной своими мечтами, как делала твоя мама.

В груди теснились эмоции.

— Обязательно. А ты будешь навещать меня в Нью-Йорке.

— Да, — согласился отец, — буду часто навещать.

Оба встали.

— Сын, мама гордилась бы тобой. Как я горжусь.

Воздух застыл в легких.

— Спасибо, — выдавил Хосе. И развернулся, чтобы уйти, но в последний миг передумал. — Кажется, я должен тебя обнять.

— Мы не обнимашки, — засмеялся Рэдфут.

— Я, возможно, как раз таки... — Хосе обхватил его руками. — Я люблю тебя, папа.

Рэдфут ответил крепким объятием:

— Я тоже люблю тебя, сынок. Тоже люблю тебя.

Скай сидел на крыльце Лукаса — на том самом месте, где как-то ночью Шала облила его молоком — и изо всех чертовых сил старался найти слова, которые не дадут ей покинуть город. Которые умерят ее злость. Но за несколько часов так ничего и не придумал.

Скай смотрел на ее машину, припаркованную перед домом. Лукас поднялся ни свет ни заря и свозил его за ней в отель. А Скай только и мог думать о том, как будет наблюдать за отъездом Шалы.

Дверь открылась, и сердце рвануло к горлу. Он вскочил, думая, что это она, но на пороге, протягивая чашку кофе, стоял Лукас.

— Спасибо. — Когда друг так и не отвел от него взгляда, Скай пожал плечами: — Вперед, говори.

— Что говорить?

— То, о чем думаешь. Ты аж зубы стиснул, сдерживаясь.

Лукас кивнул:

— Ты идиот, если позволишь ей уйти.

— Прекрасно. Теперь тебе осталось лишь подсказать мне, как ее остановить.

Друг вздохнул:

— Если сам не знаешь, то ты еще больший идиот, чем я полагал. — И скрылся в доме.

Через полчаса на крыльце появилась Шала. На Скаю она не смотрела, но это не помешало ему заметить темные круги под голубыми глазами.

— Точно сможешь вести?

— Я в норме.

Шала спустилась по ступенькам, и Скай увязался следом.

— Твоя камера и вещи из номера в машине.

— Спасибо. — Вот только в голосе благодарности не слышалось.

— Я тебе позвоню, — выдал Скай, не придумав ничего лучше.

— Буду признательна, если не станешь.

Шала села в машину и поехала. Он затаил дыхание, молясь, чтобы она остановилась, вернулась, кинулась в его объятия. Вдруг вспомнилась строчка из старой кантри-песни: «*Рад бы я немного сбавить скорость*». До сего момента Скай не признавал, какая сила в ней таится. Шала не сбавила скорость. Не оглянулась. Просто умчалась прочь, будто это не причиняло боли.

* * *

Через три дня после отъезда из Совершенства Шала сидела за столом на кухне своего брата. Его жена Бет разливала по кружкам кофе без кофеина. Шала прилетела во второй половине дня, сообщив родным о своем прибытии уже из Международного аэропорта Лос-Анджелеса. Они немного удивились.

Целых четыре великолепных часа она играла в настольные и компьютерные игры с

племянниками и отлично провела время. А спустя пять минут после того, как дети легли спать, заказала билет на утренний рейс обратно в Техас. Шала подозревала, что объяснить свой спонтанный и весьма краткий визит будет сложновато.

Бет расставила чашки и рухнула на стул.

— Итак, сестренка, — начал Кори, — может, пришла пора признаться?

— Признаться? — эхом повторила Шала.

— В чем проблема? Если в деньгах, я могу помочь.

Она покачала головой:

— Нет, мне не нужны...

— Ты беременна?

— Нет!

— Ох, твою ж... ты ведь не убила своего бывшего, как грозилась? — влезла Бет.

— Нет! — Из глаз ни с того, ни с сего хлынули слезы. — Мне просто нужно было увидеть вас, ребята... побыть с семьей.

Последние три дня Шала только и делала, что рыдала о Скае и его родных, утопая в жалости к себе — ведь у нее-то никого не было. А потом до нее дошло, что рядом никого нет из-за ею же выстроенных барьеров. Сдержанность близких — лишь статус-кво, который Шала собственноручно установила.

Прерывисто дыша, она вытерла щеки.

— Простите.

— Что случилось, сестренка? — Кори подался вперед, лоб его сморщился от беспокойства. Отчего рыдания Шалы стали только неистовой, сильнее, глубже.

— Не... — удалось ей выдавить, — ...не смотри на меня так.

— А как я на тебя смотрю?

— Простите, — повторила Шала. — Последние недели выдались тяжелыми.

Бет поднялась и достала для нее салфетки.

— В чем дело?

— Я поехала в Совершенство, и... кое-кто был мне не рад.

— Совершенство? — переспросил брат.

— Совершенство, Техас. — Шала икнула, и плотину прорвало. И пусть она балаболила, в чем и обвинял ее Скай, однако остановиться уже была не в силах. — Меня преследовали, а потом Скай решил, что я фотографировала, и украл мою камеру.

— Кто? Что? — не понял Кори, но прерваться и объяснить Шала не могла.

— Тогда я пошла в «Напуганного цыпленка», чтобы узнать...

— Куда ты пошла?

— Надо было узнать его адрес, но сначала пришлось танцевать диско с другим парнем. Когда я наконец выяснила, где живет Скай, то пошла туда. Я позвонила в полицию, но он сам полиция. Потом появился преступник, я схватила нож и порезалась. — Шала протянула ладонь, брат оглядел ее и нахмурился. — Скай заставил меня пойти в больницу... — Слезы катились по лицу градом. — ...А вы двое знаете, что я не выношу больницы. Но все прошло почти хорошо, потому что он был таким милым. Потом меня пытались задавить, а Скай спас, а в его знакомую стреляли. Приехали тexasские рейнджеры. И все перевернулось вверх тормашками, и у нас был секс на столе, и пальцы поджимались, и...

— Ты занималась сексом с тexasскими рейнджерами? — потрясенно уточнила Бет.

— Нет. — Шала высморкалась. — Со Скаем. Затем они нашли мертвого парня, а Рэдфут

сказал, что мы со Скаем — две половинки, но тот обвинил меня в болтливости, а хуже всего, что он не верит в любовь. — Она вытерла глаза. — Я думаю, что почти в него влюбилась. — И посмотрела на обалдевшие лица Бет и Кори. — Я... я балаболю, да?

Они промолчали, но синхронно качнули головами вверх и вниз.

— Простите. Это сложно переварить, да?

Головы снова качнулись.

Бет подняла палец:

— Кто-то пытался тебя раздавить?

— Ты занималась сексом на столе? — не отставал брат.

Жена ткнула его локтем в бок:

— Твою сестру пытались убить, а тебя волнует секс?

— Меня больше тревожит момент со столом.

Бет закатила глаза:

— Мы тоже занимались сексом на столе.

— Ты бы не стала, укради я твою камеру, — уверил Кори.

Внезапно Шала начала смеяться, следом развеселились и ее брат с невесткой. Они хохотали добрых пять минут, после чего Шала ответила на несколько вопросов. Ладно, на много вопросов — очевидно, рассказчик из нее получился ужасный.

Они все еще сидели за столом, когда зазвонил ее мобильник. Шала достала его из сумочки и, глянув на номер, бросила назад.

— Не подсказывай, — сказал Кори. — Это был фотоаппаратный вор, партнер по сексу на столе?

Она кивнула.

— Ты не отвечаешь на его звонки? — спросила Бет.

— Нет.

Невестка усмехнулась:

— Видимо, пальцы ног поджимались недостаточно.

— Я не могу снова рисковать остаться с разбитым сердцем, — вздохнула Шала.

— По-моему, уже слишком поздно. Если твое сердце еще не разбито, то не хотелось бы мне видеть тебя, когда это произойдет.

Она пропустила реплику мимо ушей.

— Должна признаться, что утром улетаю.

— Ты же только приехала! — одновременно возмутились Кори и Бет.

— Да. Но я несчастна...

— Мне казалось, страдание любит компанию, — заметил Кори.

Шала покачала головой:

— Я обещаю вернуться. Когда буду посчастливее.

* * *

Брат позвонил на следующий день, когда Шала в толпе хьюстонского аэропорта имени Буша ожидала свой багаж. Прежде чем ответить, она проверила номер.

— Привет.

— Добралась до Техаса?

— Прекрасный полет, — пробормотала Шала.

— Голос все еще несчастный.

— Я справлюсь.

— Угум-с. В общем, не знаю, хочешь ли ты об этом знать, но... утром на нашем автоответчике оставил пару сообщений некий Скай Гомес.

— Мне жаль.

— Парень со столом, да?

— Ага. — Шала уныло вздохнула.

— Что ж, лезть в твои дела я не собираюсь, но кажется, он волнуется.

— Не имеет права, — отрезала она. — Я ж ему не вторая половинка.

Через несколько минут разговора, Шала нажала отбой и все еще держала телефон в руке, когда он вновь зазвонил. На экране высветился номер. Не Ская, но хочет ли она говорить с Марией? Нет. Да. Нет...

— Да?

— Я так рада, что ты ответила! Скай очень переживает.

— Я летала в Калифорнию. К брату и его семье.

— Скай вчера ездил в Хьюстон, и если б один из соседей не видел, как ты выходишь из дома с чемоданом, тебя бы сейчас уже с собаками искали.

— Он все еще в Хьюстоне? — спросила Шала, едва не начав озираться.

— Нет, тем же вечером вернулся. Но... Знаю, меня это не касается, но тяжело видеть его в таком состоянии. Он страдает. Слоняется вокруг да рычит на всех. Он несчастен, Шала.

— Ты права. Тебя это не касается. — Она попыталась сгладить резкие слова мягким тоном. — Прямо сейчас я должна позаботиться о себе.

— Просто...

— Мария, я же не лезла к тебе с Мэттом.

— Верно. Умолкаю. — Подруга немного помолчала. — Как поживает семья брата?

— Прекрасно, спасибо.

Они проговорили несколько минут, прежде чем Мария спросила:

— Можно я хотя бы скажу Скаю, что звонила тебе и ты в порядке?

— Конечно.

— Еще кое-что... Ты же из-за этого не откажешься сотрудничать с городским советом?

Шала размышляла об этом весь полет. И в конце концов решила, что не позволит Скаю помешать ей делать свою работу. Надо просто подтянуть свои трусишки взрослой девочки — явно не стринги — и постараться не сталкиваться с ним на углах, пешеходных дорожках и светофорах.

— Нет, не откажусь.

Сказать это вслух — все равно что сделать официальное заявление. Мысленно опустив руку, Шала дернула повыше упомянутые трусики взрослой девочки. И, черт возьми, практически почувствовала, как гигантская полоска ткани врезалась промеж не менее мысленных ягодичек.

— На звонки Марии она отвечает, но не на мои, — бормотал Скай, сидя на крыльце и пялясь в темноту. — Как, блин, до этого дошло?

Он бросил мобильник рядом с ногой. Буч и Сандэнс вскинули головы и завыли.

— Тоже по ней скучаете, да?

Скай закрыл глаза. Боль стала его постоянной спутницей, змеей обхватив грудь. Куда ни взгляни — он везде видел Шалу. На своем столе, в доме Лукаса. А вчера даже узрел ее возле больницы, когда проезжал мимо: Шала стояла там и дразнила, дескать, Скай не похож на голливудского копа. Черт, сейчас она топотала по его крыльцу, требуя вернуть камеру.

Образ рассеялся, едва на подъездной дорожке появился грузовик Рэдфута. Через мгновение он сам выбрался из кабины, а вместе с ним... Мэтт? И у каждого в руках упаковка из шести банок пива. Добравшись до крыльца, Рэдфут выбрал качели, а Мэтт рухнул прямо на доски рядом со Скаем.

— Неужто я позвал всех на вечеринку со своим алкоголем и забыл? — Он определенно был не в настроении для компании.

Рэдфут открыл пиво и сделал глоток. Мэтт протянул банку Скаю, и тот — о, да какого черта! — ее взял.

— И чего? Напьемся и будем дуться?

— Нет, — сказал Рэдфут. — Напьемся и придумаем план.

— Какой план? — Скай от души глотнул холодного пива.

— По возвращению ваших женщин.

— А как насчет твоей? — уточнил он. Ни разу со времен смерти Эстеллы старик не впадал в такую депрессию.

Рэдфут посмотрел в ночное небо:

— Мой случай безнадежен. Кажется, я разозлил духов.

Ночью Шала лежала в кровати, притворяясь, будто смотрит телевизор, но на самом деле не сводила глаз с телефона. Скай опять звонил. И на сей раз оставил сообщение. Слушать его она не собиралась. Почему вообще не удалила?

— Ай, чтоб тебя...

Шала схватили мобильник, чтобы избавиться от записи, но рука отказывалась повиноваться и вместо этого ткнула в кнопку «прослушать». Ладно, в любом случае ей нужно было прореветься, ведь целых десять минут прошло с последнего приступа. Шала поднесла трубку к уху.

От звуков знакомого голоса сердце екнуло.

— Привет, Голубые Глаза. Знаю, ты не отвечаешь на мои звонки, и в этот раз ничего не ждал. Просто сегодня кое-что произошло. Кое-что хорошее. Мне захотелось с кем-нибудь поделиться, и я понял, что этот кто-нибудь — ты. Потому что... Не знаю, думаю, ты поймешь. — Скай замолчал, и Шала сильнее стиснул телефон. — Кэнди Питерсон — женщина, которую избивает муж... Она пришла сегодня и подписала бумаги, чтобы выдвинуть обвинения. А еще встречалась с адвокатом по разводам. До нее наконец дошло, о чем я ей талдычил, она сказала, мол, не хочет, чтобы, когда ее малютка вырастет, ее бил какой-то ублюдок. — Он прокашлялся. — Конечно, она может еще передумать, но... кажется, я все же кое-что изменил к лучшему. И это приятно, понимаешь? В общем, я просто хотел рассказать кому-то, кто...

Время вышло, и запись оборвалась.

Шала выронила мобильник, свернулась на подушке и плакала, пока не уснула.

* * *

Три дня спустя, в пятницу утром Скай взял отгул и пришел к Рэдфуту, чтобы помочь все подготовить. Мэр тоже счел целесообразным посодействовать их плану. В его задачу входило заманить Шалу в город на собрание и импровизированный вечерний пау-вау. Конечно, то, что Скай угрожал устроить отставку Джонсона, весьма повлияло на его услужливость.

Скай посмотрел на часы. Шала, наверное, уже в дороге. Сердце сжалось при мысли с скорой встрече. Оставалось надеяться, что план Рэдфута сработает. Хотя он уже вел Шалу сюда, что само по себе походило на чудо.

Зазвонил телефон. Решив, что это Мэтт хочет узнать, как все продвигается, Скай оглянулся в поисках Марии и только потом посмотрел на экран. Однако там высветился другой номер.

— Привет, Лукас.

За последние недели местный затворник очень изменился — он даже согласился помочь с организацией пау-вау.

— Где Шала? — Тон Лукаса был смертельно серьезным.

— На пути сюда. А что?

— Мы ошиблись. Не ты, но я и твой приятель Филлип. За покушениями стоял не Чарли Рейнмейкер.

— О чем ты?

— Она все еще в опасности, Скай.

— Твою мать! Кто?

— Я не должен говорить, так как расследование еще идет... ай, в задницу расследование. Это сенатор Блэнтон и его приспешники.

— Что? Почему? И как давно ты об этом знаешь, Лукас? — Внутренности сковал ужас.

— Только выяснил. Ну то есть я знал, что он кое в чем замешан. Скажем так, во время своих путешествий он не особо разборчив в выборе борделей. Любит молодых девчонок, и ему плевать, как они к нему попали и в каком состоянии остались после его забав. Парень откажется от своих попыток стать президентом и покинет сенат в течение пары недель. Он просто еще не в курсе.

Скаю от одного только рассказа стало тошно. А еще он растерялся.

— Как это связано с Шалой?

— Похоже, женатый сенатор провел выходные в арендованном домике близ Совершенства в компании очередной игрушки. В то самое время, когда Шала снимала окрестности. Я даже не уверен, что он попал в кадр, но... помнишь парочку, что она сфотала в машине? Думаю, это наш парень. Ребята сейчас проверяют снимки, чтобы знать наверняка.

— Дерьмо! Так все это потому, что какой-то урод не смог удержать член в штанах?

— Боюсь, тут нечто большее.

— В смысле? — Скай до боли в пальцах сжал трубку.

— Слышал о теле девушки, найденном в сотне километров к западу от Совершенства?

— Ага, но тогда ее вроде еще не опознали. Полагаю, ты хочешь сказать, что она и была той игрушкой.

— Именно. Это еще не просочилось, но когда проверяли ее жилище... В общем, девчонка оказалась не так осторожна, как бы того желал сенатор. Есть доказательства, что связывают и его, и девушку с одним старым делом. Однако... нет доказательств их встречи незадолго до ее смерти.

— Только снимки Шалы, — произнес Скай и стиснул зубы.

— Верно. И хотя сенатор та еще мразь, напрямую он с Коннерсом не связан. За его телохранителей — в основном просто идиоты с пушками — взялись всерьез, полагая, что кто-то из них мог помочь Блэнтону избавиться от «проблемы». Фэбээровцы наблюдали и ждали, когда кто-нибудь проколется.

— И?

— Им удалось записать разговор одного охранника с Брэдли Коннерсом. Точно они ничего сказать не могут — на записи сплошное бормотание. Но, как они поняли, телохранитель поначалу нанял Коннерса что-то украсть, а потом в связи с новым открытием ставки повысились. Вероятно, потому, что теперь ФБР могло связать сенатора с девушкой. И хотя ребята не уверены, звучало так, будто Коннерсу заказали убийство.

— Шала?

— Он назвал ее журналисткой. Но да, думаю, речь о ней.

Скай все еще пытался переварить услышанное.

— Откуда ты, черт возьми, все это знаешь?

— Когда фэбээровцы начали проверять Коннерса, то узнали, что мой друг их опередил. Они связались с ним, он рассказал обо мне, и меня подтянули на допрос.

Так, сейчас главное сосредоточиться.

— Ладно. Я выясню, где именно она находится, и отправлю на поиски патрульного.

— Какой дорогой она едет? Могу двинуть навстречу, — предложил Лукас.

— Наверное, по автостраде. Я ей позвоню.

С бешено колотящимся сердцем, Скай нажал отбой и начал набирать Шалу. И только потом вспомнил, что она не ответит. Пришлось пока позвонить торчавшему в офисе Питу и обрисовать ему ситуацию. Оставив разговор на удержании, Скай крикнул:

— Мария?

Сестра отозвалась, он последовал за ее голосом на кухню и потребовал:

— Дай мне свой телефон.

— Зачем? — нахмурилась она.

— Мне надо поговорить с Шалой, — проворчал Скай.

— Нет! Я ее так не подставляю.

— Дай сюда проклятый телефон! Она в опасности!

Округлив глаза, Мария ринулась к стойке и схватила мобильник. Но, едва начав протягивать его, передумала и спрятала за спиной.

— С условием. Когда она приедет, ты признаешься ей в любви.

— По рукам. — Получив телефон, Скай набрал номер. — И для справки: я и так собирался.

Слушая гудки и молясь, чтобы Шала ответила, он вышел из дома. А при звуке ее голоса едва не забыл, как дышать.

— Привет, Мария. Я где-то в часе от города. Хочешь, встретимся в кафе?

— Шала? Не вешай трубку. Мы только что узнали, Чарли Рейнмейкер не связан с охотой на тебя и камеру. Настоящий виновник уже известен, и он может по-прежнему преследовать тебя. — Она молчала, и Скай вновь повторил ее имя: — Шала?

Добравшись до машины, он прыгнул за руль.

— Я здесь. Но клянусь, если это уловка...

— Нет. — В трубке послышался тихий вздох. — Где ты сейчас? Какая дорога? И мне нужна отметка расстояния.

— Я... не вижу ни одного столбика. — Голос Шалы звучал напряженно, испуганно.

У Скай и самого внутренности узлом завязались от страха, когда он стартовал от отцовского дома.

— погоди, вот один, — позвала она. — Мне остановиться?

— Нет, езжай дальше. — Он двинулся к автостраде, подсчитывая, где будет Шала, когда они встретятся. — Можешь повисеть секунду... не отключайся, хорошо? У меня патрульный ждет на другом телефоне, надо сказать ему, где ты.

Дождавшись тихого «ладно», Скай быстро сообщил Питу, на каком Шала километре, и услышал, как патрульный дублирует информацию на полицейской волне. Затем приказал ему связаться с Лукасом и повторить все то же самое.

— Скай, — позвал Пит. — Недалеко от нее есть машина. Ее догонят и проводят сюда.

— Отлично! Я тоже уже в пути. Скажи парню, чтоб высматривал мой грузовик. И Лукаса.

— Нам не нужен целый кортеж, — пробормотал патрульный.

— Что ж, вы все равно его получите.

* * *

Шала слышала на линии голос Ская, и он одновременно причинял боль и успокаивал. Боль — потому что она уже перестала убеждать себя, будто не любит этого мужчину. Конечно, любит! Вот только он не хотел иметь ничего общего с обязательствами и пресловутым «долго и счастливо». А успокоение — потому что каким-то образом помогал Шале забыть, что в одном из четырех автомобилей за ней сидит человек с пистолетом, считающий ее голову прекрасной мишенью.

— Шала?

— Да?

— В паре километров от тебя есть патрульный. Он доберется до тебя с минуты на минуту. Я тоже в пути. И Лукас. Все будет отлично.

— Скай? — Даже просто произносить его имя было больно.

— Да?

— Кто и почему хочет меня убить?

Скай объяснил, но, кажется, рассказал далеко не все. Повисла тишина.

Вдруг к машине Шалы прижалась другая. Близко. Слишком близко.

— О боже.

— Что?

— Меня поджимают. Кажется, он хочет согнать меня с дороги.

— Это патрульная машина? — в панике спросил Скай.

— Нет. — Шала увидела, как водитель наклонился и поднял что-то... Приглядываться она не стала. Просто вдавила педаль газа и выронила трубку, перед этим услышав вопль Ская:

— Где твой долбаный парень?!

* * *

— Я спрашиваю, где твой долбаный парень?

— Уже там, — отозвался Пит. — Она от него убегает. Скажи, чтоб притормозила. Он пытается показать ей значок.

— Он что, не в патрульной машине?

Пит ответил не сразу — судя по всему, делал запрос по рации.

— Нет, он не на дежурстве. Едет на синем «Сатурне».

— Шала! — прокричал Скай в другой телефон. — Рядом с тобой синий «Сатурн»? Если да, то это коп, малышка. Поговори со мной, Шала. Ответь!

Появление знака «ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ В СОВЕРШЕНСТВО» должно бы ослабило жжение в желудке Скай, но не ослабило. Речь шла уже не о спасении жизни Шалы, а о том, как убедить ее разделить эту жизнь с ним. Но он все еще с удовольствием надрал бы задницу патрульному за то, что тот не сообщил Питу, на какой едет машине. Идиот только лишней паники добавил.

В мобильнике Шалы садилась батарея, так что, когда все успокоилось, и Скай до нее добрался, они разъединились. Затем он набрал Филлипа и договорился о встрече в участке через пару часов.

Скай то и дело смотрел в зеркало на едущую позади машину. Он дважды вылетал на обочину, пока пытался разглядеть за стеклом Шалу, но потом на связь вышел патрульный и отправил его вперед колонны, что стало наилучшим выходом.

Скай вновь позвонил Шале и сказал, что они направляются в участок.

— Я собиралась встретиться в кафе с Марией, — возразила она.

— Мы еще не знаем, безопасно ли это.

Он слышал ее вздох, но Шала все равно свернула с главной улицы в нужном направлении.

А Скай только и мог думать о том, как вытащить ее из машины и заполучить в свои объятия. В свою жизнь. Навсегда.

Едва припарковавшись, он вылетел на улицу и ринулся к Шале. От одного взгляда на нее сердце перевернулось. Джинсы в облипку и та самая красная блузка, что она когда-то медленно снимала перед Скаем в его кабинете... Охваченный благоговением, он даже не обратил внимания на появление Лукаса и все приближался к Шале, до боли желая к ней прикоснуться. А затем замер, наблюдая, как она бежит прямо в объятия его друга.

Скай сглотнул ком в горле, услышав шепот Лукаса:

— Все хорошо. Я держу тебя.

Адски больно сознавать, что Шала обратилась за поддержкой к другому, но Скай заслужил боль. И он готов был поставить свою правую руку, что друг никогда бы не заявил ей, мол, она лишь временная переменная в его жизни, и когда новизна исчезнет — прости-прощай. А сам Скай именно так и сказал... Возможно, другими словами, но, взвесив все аргументы, он начал понимать, как выглядели его клятые оправдания в глазах Шалы.

— Нужно завести ее внутрь, — выдавил он, надеясь, что ревность в голосе не слишком заметна, и осмотрелся в поисках опасности.

Но, видимо, плохо искал. В тот миг, когда он повернулся к двери, засвистели пули.

— Ложись! — закричал Скай и, сбив Шалу с ног, затащил ее за грузовик.

Прогредел еще один выстрел — судя по звуку, машина приняла удар на себя. По соседству за собственным грузовиком прятался Лукас. Они одновременно достали оружие.

Привстав, Скай выглянул из укрытия и увидел через дорогу стрелка, опиравшегося на крышу «Доджа Чарджера». Солнце отбрасывало блики на винтовку в его руках.

— Прикрой меня, — велел Скай другу.

— Нет! — Шала схватила его за руку.

От ее прикосновения дыхание перехватило и тело пронзил ток. Скай наклонился и быстро ее поцеловал.

— Я люблю тебя, — выдохнул он.

— Это, конечно, очень романтично, ребятки, — заметил Лукас, — но...

Скай выскочил из-за грузовика. Шала снова вскрикнула, а Лукас выдал серию выстрелов, стараясь хоть как-то его защитить.

Пуля просвистела рядом с ухом Ская. Он нырнул за «Кадиллак» Марты, но когда стрелок попал в его кузов, больше испугался реакции секретарши на повреждения, чем возможности подставиться самому. Матерясь как сапожник, Скай вновь выбежал из-за машины.

Горячий влажный воздух прорезало эхо от выстрелов Лукаса. Наемник спрятался за «Чарджером», что дало Скаю возможность приблизиться. Он бросился через стоянку. Еще чуть-чуть. Почти добрался. Оставалось только перебежать дорогу, когда он увидел, что убийца уже в машине.

— Нет! — Скай вскинул пистолет.

К сожалению, «Додж» уже сорвался с места, оглушая его ревом двигателя. И понесся прямо на Ская. Он подпрыгнул, приземлился на капот и, с трудом удержавшись на ногах, всадил в лобовое стекло всю обойму. Машину занесло, Ская тоже. Он знал, что сейчас треснет об асфальт. Сильно треснет. И он ненавидел быть правым.

Скай перевернулся в полете, надеясь защитить голову. От удара локтем о бетон воздух из легких вышибло. За локтем последовало плечо, а затем и все тело. Скай продолжал катиться, не чувствуя боли, и тут услышал грохот. Поглядев в сторону звука — и радуясь, что все еще может двигать шейю, — он увидел автомобиль стрелка, впечатавшийся в «Кадиллак». Марта будет...

А вот теперь Скай ощутил боль во всей красе.

— Сукин сын, — проворчал он.

И больше шевелиться не пытался. Даже не был уверен, что сможет. Лукас с пистолетом в руке направлялся к смятой машине. В голове всплыл образ преступника с изрешеченной грудью, и Скай не сомневался в том, что сейчас обнаружит друг. А в следующую секунду рядом с ним опустилась на колени Шала.

— О господи. — Она прижала пальцы к дрожащим губам.

— Всего лишь рука, — с трудом выдавил Скай, надеясь, что это правда, хоть и не мог точно определить, откуда берется вся эта боль.

Голубые глаза Шалы, полные слез, встретились с его. Боже, Скай любил эту женщину! И тогда вся боль — кроме руки — поблекла.

— Вот так ведут себя голливудские копы? — спросил он и попытался улыбнуться.

* * *

Рэдфут поправил головной убор Мэтта. День клонился к закату, и все немного подзадержалось из-за ранения Ская, но духи уберегли его. А судя по лицу Голубых Глаз, это даже помогло оставить в прошлом разделявшие их проблемы. По крайней мере, Рэдфут на это надеялся, ибо сомнительно, что Скай смог бы поучаствовать в вечерней части их плана. Ему, конечно, не до выступлений.

Теперь осталось только исправить все между Мэттом и Марией.

— А без этого совсем не обойтись? — Мэтт потрогал каскад перьев на своем плече.

Рэдфут нахмурился:

— Ты хочешь ее вернуть или нет?

— Хочу, — пробормотал бледнолицый.

— Тогда костюм нужен. И еще ты должен правильно танцевать. Ты тренировался, как я тебе показывал?

— Да, но у меня обе ноги левые.

Рэдфут глянул вниз и улыбнулся:

— К тому же еще и чуток кривые.

— Ой, да ладно! С такими-то тощими ногами, не вам меня критиковать.

— Но мои тощие ноги хотя бы не так бледные, волосатые и кривые. — Он похлопал Мэтта по плечу. — Ты справишься.

На прошлой неделе Рэдфут вдруг обнаружил, что у Марии хороший вкус. У белого парня имелся характер, причем весьма сильный.

— Я выставлю себя полным кретином, да? — уныло спросил Мэтт.

Рэдфут скрыл усмешку.

— Не попробуешь, не узнаешь.

Но он знал. В его видении духи аж подвывали от смеха, зато в глазах Марии светилась любовь.

— Лжец! — раздался за спиной голос Вероники. — Почему ты соврал?

Рэдфут развернулся. Она стояла, скрестив руки на груди, одетая в пестрое платье с бусами, идеально подчеркивавшее ее тело. От одного ее вида сердце сковало болью.

— Я сделал то, что должен был.

— Ты выставил себя в дурном свете, чтобы мой сын не заставлял нас жениться.

— Я пообещал, что все исправлю, и исправил.

— Но теперь мой сын думает о тебе плохо.

Рэдфут прямо встретил взгляд Вероники:

— Кому какое дело?

— Мне есть дело! — В ее глазах сверкнул гнев.

— Мне уйти? — спросил Мэтт.

— Нет! — рявкнул Рэдфут и снова посмотрел на Веронику. — Как же с тобой сложно, женщина. Я устроил так, что тебе не нужно выходить за меня, но теперь ты бесишься на то,

как я это устроил.

— Но почему? Ты ведь никогда не лжешь.

— Я так поступил по той же причине, по которой не переживал, что нас собираются поженить. Потому что люблю тебя.

— Ты самый упрямый старый пердун из всех, что я знаю, — пробормотала она.

— А ты самая упрямая старая карга!

У входа в палатку кто-то прокашлялся, и все трое обернулись.

— Ты упрямый пердун, она упрямая карга, — согласился Рамон. — По-моему, вы просто созданы друг для друга.

Рэдфут приветственно кивнул. Он оставил на телефоне мальчика сообщение, приглашая его принять участие в вечернем представлении, но Рамон не перезвонил, и Рэдфут сомневался, что он придет.

— Я бы этого хотел. Но твоя мать видит все иначе.

— Тебе-то откуда знать, что я вижу? — возмутилась Вероника.

— Сама сказала, — ответил Рэдфут.

— Это было на прошлой неделе. Женщина имеет право передумать.

— И передумала?

Поселившаяся в груди тяжесть начала ослабевать.

— Нам пора, — влез Рамон. — Можете обсудить свое будущее позже.

И под стук барабанов жестом позвал Мэтта за собой.

Рэдфут улыбнулся любимой:

— Да, обсудим все позже.

А проходя мимо, взял ее за руку и чуть сжал. Она не стала противиться, и внутри поселилась легкость. Затем Вероника еще и сладко улыбнулась, и по дороге из палатки Рэдфут мог думать только об одном: срочно надо забрать у Ская таблетки.

* * *

— Да где ты, черт возьми? — бормотала Шала, пытаясь через объектив камеры отыскать в толпе Ская.

Танцоры собрались на краю арены, но его там не было. Застучали барабаны, Рэдфут и старейшины направились в центр площадки.

— Кого-то потеряла? — раздался глубокий голос Ская, и его дыхание опалило шею.

Шала развернулась. На нем красовался костюм для пау-вау, разве что без головного убора. Взгляд скользнул по твердому мускулистому телу, но нигде толком не задержался, а сосредоточился на загипсованной руке.

— Это у тебя камера? — В глазах Ская вспыхнули насмешливые искорки.

— Я слышала, правила изменились, — заметила Шала.

— Ага. — Здоровой рукой он погладил ее по предплечью, и сердце болезненно екнуло. — В город явился голубоглазый ангел и все изменил.

Шала указала на гипс:

— Сломана?

Она поехала в больницу вместе со Скаем, но потом приперся Филлип и утащил ее, сопротивляющуюся и вопящую, в полицейский участок. Наверное, Скай его и попросил, помня, как она ненавидит больницы. Вот только он не знал, что находится вдали от него куда страшнее любых воспоминаний о прошлом. Где-то час назад Филлип отпустил Шалу к Лукасу, а тот привез сюда, сказав, мол, Скай скоро появится.

— Угу, сломана.

Она слегка подалась вперед:

— Вот что выходит, когда пытаешься вести себя как голливудский коп.

— Эй, если моя девочка просит Голливуд, она его получает. — Он сжал руку Шалы в своей. — Пойдем куда-нибудь, где можно поговорить.

— А как же съемка?

— А что с ней?

Скай потянул ее за собой, и Шала не колебалась. «Я люблю тебя». Весь день она проигрывала в голове слова, которые он сказал, прежде чем выпрыгнуть из укрытия. И уже начинала бояться, что все себе придумала.

* * *

Хосе наблюдал за отцом, что величаво стоял среди старейшин и рассуждал о культуре и вере своего народа. В груди разгоралось изумление. Сколько раз он бывал на таких вот представлениях и слушал обращение отца к толпе? Почему прежде не испытывал такой гордости и чувства принадлежности?

Хосе до сих пор помнил день, когда он впервые отказался участвовать в церемониях. Отцу было больно, он разозлился и потребовал, чтобы Хосе переделался и внес свой вклад. И лишь мать его поддержала, сказав, дескать, он должен найти собственный путь. Но теперь он засомневался, что выбранный путь оказался верным. Нет, Хосе не жалел о том, кем стал, что делал и во что верил, но сейчас он понял, что упустил нечто очень важное.

Старейшины двинулись прочь с арены, и Хосе повернулся к стоявшей рядом Марии. Проклятье! Ему дали одно паршивое задание на этот вечер: проследить, чтобы Мария увидела танец Мэтта. А она ушла. Хосе ринулся на поиски.

* * *

Общаясь по телефону с потенциальным клиентом, Мария присела у торговой палатки. Рэдфут рассердится, если узнает, что она протащила на пау-вау мобильник, но Мария не особо волновалась.

— Вот ты где!

Она услышала рев Хосе, и в ту же секунду он схватил ее за локоть и потянул в толпу зевак, явно над чем-то потешавшихся. Мария прикрыла трубку рукой:

— Стой. Это важный звонок.

Хосе поднял ладони, будто сдаваясь, а потом выхватил у нее мобильник, сбросил вызов и вновь потянул ее за собой.

— Шевелись!

Мария не успела даже подумать о том, как бы от него отделаться, когда до нее дошло: что-то не так. И только через минуту осознала, что дело в смехе зрителей. Пау-вау не славился веселыми номерами. И все же злость на грубость Хосе оказалась сильнее любопытства.

— На черта ты это сделал? — взвилась Мария.

— По-моему, весьма наглядное доказательство, а? — Он указал на арену.

— Доказательство чего?

— Что белые не умеют танцевать.

Мария повернулась и...

— Что, блин, он творит?

Мэтт. Это был Мэтт. Она смотрела, как его головной убор свалился, а когда горе-танцор наклонился, чтобы его поднять, набедренная повязка задралась, оголяя зад. Толпа вновь разразилась хохотом. Мария прикрыла рот, сдерживая смех.

Но стоило заметить в глазах Мэтта смущение, веселье испарилось.

— Зачем Рэдфут так поступил? — прошипела Мария.

— Это не Рэдфут. Мэтт сам захотел. Кажется, он готов на что угодно, лишь бы вернуть свою девушку.

Мэтт нашел ее взглядом, и она поняла, что Хосе говорит правду. Головной убор опять соскользнул — на сей раз на лицо танцора. Сердце Марии разрывалось.

— Останови это! — попросила она Хосе.

— Не могу. Но ты можешь. Вот только, если я правильно помню, когда женщина выходит на арену и уводит мужчину во время танца соблазнения родственной души, то это в некотором роде объявление о помолвке совету племени.

Повернувшись к Мэтту, Мария увидела, как головной убор опять летит на землю. Если он наклонится, то вновь сверкнет перед зрителями задом.

— Да чтоб вас всех!

Она перепрыгнула через ограждения и с высоко поднятой головой направилась прямо к центру арены. Затем схватила Мэтта за руку и потащила прочь, игнорируя разрывавшие толпу крики и свист.

— Куда мы идем? — поинтересовался Мэтт, когда шум немного стих.

Мария затолкнула его в женскую палатку и встала перед ним, уперев кулаки в бока.

— Зачем ты это сделал?

Мэтт скрестил руки на широкой груди. Несмотря на бледность кожи и нелепость наряда, выглядел он чертовски сексуально. Мария изо всех сил боролась с собой.

— А ты как думаешь? — Мэтт шагнул вперед. — Я люблю тебя.

Она сморгнула слезы и попыталась придумать, как бы упростить предстоящий разговор. Вот только способов не было. Придется просто поверить, что Мэтт действительно все поймет...

— Что, если я скажу... что, возможно, не смогу подарить тебе ребенка?

Он выглядел озадаченным.

— Ты к чему?

Вздохнув, Мария выпалила все сразу. О себе и Хосе, о ребенке, о словах врача после операции. На лице Мэтта отразилось потрясение.

— Прости, — вымолвила она.

Сердце Марии кричало, что он скажет, мол, это неважно. Но выражение его лица говорило о другом. Мэтту важно, еще как важно. Развернувшись, она пошла прочь.

Он схватил ее за руку, но Мария вырвалась.

— Не надо, Мэтт. Я знаю, ты отличный парень, но ты заслужи...

— Прекрати! — Мэтт прижал ладонь ко лбу. — Ты... ты не поняла. В шоке ли я? Да, черт возьми. Но больше я злюсь на тебя за то, что не рассказала о потере ребенка. Я не расстроен из-за твоей проблемы. Меня это не волнует. Но, блин, Мария... ты потеряла малыша — это же адски больно. Как можно скрывать подобное от того, кому ты дорога?

— Полагаю, так же, как скрывать наличие ребенка, м? — парировала Мария.

В его глазах сверкнуло понимание.

— Да, думаю, примерно так. — Мэтт вздохнул. — Ты потому меня оттолкнула?

Она сглотнула ком страха:

— Нет. Ты сказал, что хочешь еще детей. И несправедливо...

Он ущипнул себя за переносицу:

— Твою мать, Мария. Хочу ли я нашего совместного малыша? Да. Но если по каким-то причинам не получится... ну и что, блин? Есть программы усыновления. Взгляни на себя, на то, как сильно ты любишь Рэдфута. Мы можем точно так же помочь другому ребенку. Черт, может, даже двум.

Мария не понимала, что плачет, пока Мэтт не смахнул слезинку с ее щеки. Глядя ему в глаза, она озвучила еще один свой страх:

— А что, если я не понравлюсь твоей дочери?

Мэтт усмехнулся:

— Она полюбит тебя. Я забираю ее на следующие выходные, и хочу, чтобы вы встретились. — Он наклонился вперед. — Поэтому, прошу, скажи это.

— Что сказать?

— Что любишь меня. Я, кажется, уже трижды признался, а ты так и не ответила.

Мария улыбнулась и подтянула его лицо к своему.

— Я люблю тебя, Мэтт Гудсон. Полюбила уже на втором свидании, а сегодня, увидев, как ты на арене...

— Выставляю себя на посмешище?

— Да, полным дураком, — рассмеялась она. — Увидев тебя там, я поняла, что влюбляюсь снова. И снова...

— Полагаю, это все-таки правда.

— Что? Что белые не умеют танцевать?

Мэтт расхохотался, запрокинув голову.

— Нет, что любовь всех превращает в глупцов.

— Кажется, я не возражаю побыть такой вот дурочкой, — заметила Мария и поцеловала его.

Хосе наблюдал за продолжением пау-вау, чертовски гордый тем, что успешно выполнил задание и порадовал отца. Кажется, впервые в жизни. Внезапно отец очутился рядом.

— Думаю, мы справились, сынок. — Он положил руку на плечо Хосе.

— Да, справились, — согласился тот, не отрывая взгляда от женщин, шагающих к центру арены. — Когда следующий пау-вау?

— В октябре. Может, у тебя получится приехать.

— Да-а, может, получится.

Хосе вытер вспотевший лоб. Температура будто подскочила градусов на десять, барабаны сменили ритм. Хосе задрал голову. Солнце висело низко над горизонтом, окрашивая небо в розовые и фиолетовые оттенки. Затем вновь посмотрел на танцоров, которые как раз выстроились в линию — высокие и гордые.

Темп барабанов увеличился, и женщины, повинувшись звуку, начали двигаться. Сверху лился солнечный свет, отчего они словно светились, но одна выделялась. Хосе узнал ее: Понча Риверс. Девушка, с которой он ходил на выпускной, и официантка, что была так рада видеть его в закускойной.

Точно загипнотизированный, он следил за ее изящным танцем, за легким покачиванием груди и круговыми движениями бедер. Дыхание перехватило, и Хосе попытался вспомнить, добрались ли они с Пончей дальше второй базы. Черт, кажется, он был пьяный и голый, а дальше — пустота.

— Сын?

Хосе попытался отвести взгляд от арены, но не мог.

— Что?

— Ничего. — Рэдфут усмехнулся.

И ушел, оставив сына смотреть, как Понча заканчивает танец.

* * *

В нескольких шагах от себя Рэдфут обнаружил игрока в «Скрэбл» и направился к нему.

— Прошу, скажи, что бульдог арестован.

— Бульдог? — не понял Лукас.

— Сенатор.

— Он и его люди на допросе. Мы взяли их за задницы.

Рэдфут кинул:

— Прекрасно.

Лукас покачнулся на пятках.

— Как вы узнали, что Скай и Шала любят друг друга?

— Духи сказали мне во сне.

— Правда что ли?

— Правда. А в другую ночь вакои поведало мне о тебе.

— Вакои? — засмеялся Лукас. — Священное слово?

— Точно. И, может, когда-нибудь ты позволишь мне его озвучить.

— Как-то сомневаюсь. Что это вообще за вакои? Или все так священо, что объяснять нельзя?

Рэдфут похлопал его по плечу:

— Как и Скай, ты тоже найдешь свой путь.

— Эт как? — спросил Лукас. — Черт, нет, погодите. Если вы узрели мою вторую половинку в каком-то дурацком видении, то я могу точно сказать, что вы на всю голову тронулись.

Рэдфут только рассмеялся. А затем увидел Веронику и оставил игрока в «Скрэбл» наедине с собственной глупостью. Очень скоро этот мужчина, как только что Хосе, столкнется со своей судьбой.

* * *

— Куда мы идем? — спросила Шала, когда Скай наконец закончил телефонный разговор с мэром.

— В единственное место с кондиционером. В билетную кассу.

По его лбу струился пот.

— Тебе точно можно здесь находиться после случившегося?

— Я в норме, — буркнул Скай.

— Готова поспорить, что тебе велели идти домой и лечь спать.

— Возможно.

— Ну все! Я везу тебя домой. Где твой грузовик?

— Я не сам приехал, Филлип подбросил. — Он открыл дверь в кабинку кассира и жестом пригласил Шалу внутрь.

Она нахмурилась:

— Я найду Лукаса.

— Шала, пожалуйста, зайди и давай поговорим.

В глазах Ская горела решимость, и Шала подчинилась. Места здесь было не больше, чем в торговой палатке, зато в углу жужжал кондиционер, обдавая прохладой.

— Вот. — Шала выдвинула стул и взмахом руки велела Скаю сесть.

Он плюхнулся на сиденье и похлопал по соседнему стулу:

— Ты тоже садись.

— Зачем? У тебя плохие новости? На меня охотится еще один убийца?

— Нет. Это касается нас.

Шала вздохнула:

— Может, обсудим все, когда тебе станет лучше?

То, что Скай приперся сюда сразу из больницы, уже всерьез ее тревожило.

— Нет. Сядь, — приказал он.

— Ладно. Но затевать это сейчас нечестно, знаешь ли.

— С чего бы?

— С того, что я испытываю к тебе жалость и благодарность за спасение моей жизни в стиле голливудского копа, а потому не могу быть объективной.

— Тогда тем более сейчас самое подходящее время, — заметил Скай. — Мне понадобится любой доступный арсенал. А теперь сядь, пожалуйста, пока я не встал.

Шала опустилась на стул. Их взгляды встретились, и она увидела в глазах Скай Гомеса то, чего прежде там никогда не было. Страх.

— Знаю, Шала, я накосячил. Обвинил тебя в болтливости и ляпнул, будто не верю...

— Я болтлива, — перебила она.

— Да, но с моей стороны подло было так говорить. И еще... Я думал, что не верю в любовь, даже не предполагал, что найду кого-то, кто заставит меня чувствовать себя... цельным, настоящим, наполненным. Я...

Шала подняла руку:

— Ты на болеутоляющих?

— Да, а что? — Скай казался раздраженным, что его прервали.

— Тогда нам, наверное, лучше подождать, пока твой разум прояснится...

Он покачал головой:

— Мой разум чист, я прекрасно понимаю, что хочу сказать. Просто слушай. — Дождавшись кивка, он продолжил: — Я... не знаю, может, это потому, что твои родители тоже погибли, или... черт, может, дело во всей этой фигне с родственными душами. Кажется, я запал, едва увидев твое фото. Потом, когда ты приехала в Совершенство, начал следить и влюблялся все сильнее. А когда мы поцеловались, занялись любовью... ну, я погружался все глубже и глубже. Знаю, я уверил тебя, будто не думаю, что это долго продлится, но я лгал. И тебе, и себе. Блин, я лгал даже Бучу и Сандэнсу, которые, кстати, безумно по тебе скучают.

— Скай...

— Нет, дай мне закончить. Да, ты живешь в Хьюстоне. И я не в восторге от идеи переехать, но если тебе не нравится Совершенство, то я готов. Я последую за тобой куда угодно, потому что без тебя Совершенство совсем не совершенно. Я люблю тебя и...

— Скай...

— Еще не все, — проворчал он. — Мне нужно...

Шала наклонилась и прижала палец к его губам.

— Скай, я люблю Совершенство. Я люблю тебя. А теперь, пожалуйста... просто заткнись и поцелуй меня.

Два месяца спустя...

В среду утром в начале одиннадцатого Шала вошла в закусочную Совершенства. Рэдфут и Вероника приветственно замахали, и она направилась к их столику.

— Когда ты вернулась? — спросила Вероника.

— Только что. — Шала плюхнулась на стул. — Переезд — та еще морока.

Прошло чуть более четырех недель с ее поездки сюда на пау-вау, и просто удивительно, сколько всего может случиться за какой-то месяц. Шала согласилась выйти замуж за Ская. Ну ладно, она вроде как уже давала свое согласие, когда он просил разделить с ним жизнь, но теперь Скай сделал все официально, подарив невесте самое прекрасное в мире кольцо. С небольшим камнем и ни капельки не кричащее, но Шале понравилось. Это было старинное кольцо, и она с первого взгляда возжелала его со всей страстью — как и мужчину, который его преподнес.

Скай едва не потащил ее к мировому судье тем же вечером, но Шала настояла на отсрочке в пару месяцев, чтобы ее брат и невестка смогли присутствовать на свадьбе. Предполагалось, что церемония будет скромной — лишь самые близкие друзья. Вот только друзей у Ская оказалось много. Судя по всему, половина Совершенства, штат Техас, мечтала понаблюдать за их бракосочетанием. Не то чтобы Шала возражала. Они с Марией даже обговаривали возможность двойной свадьбы. Подруга пообещала обсудить все с Мэттом и вновь вернуться к этому вопросу в течение недели.

— Где Скай? — поинтересовался Рэдфут.

Шала откинулась на спинку стула:

— Он увидел, как много у меня пожитков, и решил отказаться от своего предложения.

— Неправда. — Старик улыбнулся. — Он любит тебя достаточно, чтобы смириться с твоими пожитками. К тому же, сомневаюсь, что у тебя может быть больше вещей, чем у... — он покосился на Веронику, — одной моей знакомой.

Та ткнула насмешника локтем в бок:

— Просто для мужчин вещи не так важны, как для женщин.

Эти двое поженились еще три недели назад. Простую индейскую церемонию провели прямо на арене. Это было захватывающе! Шале нравилось видеть Рэдфута и Веронику вместе, они дополняли друг друга, и любому с первого взгляда становилось понятно, насколько они влюблены. Легкий характер Вероники каким-то образом смягчал чуть сурового, но любящего Рэдфута. Шале хотелось верить, что они со Скаем точно так же дополняют друг друга.

— Скай уехал из Хьюстона где-то за час до меня, — сказала она. — Он звонил недавно, заверил, что Лукас встретит его у дома, поможет разгрузить вещи, а потом они прикатят сюда для позднего завтрака. — Шала глянула на часы. — А с Марией кто-нибудь говорил? В котором часу у нее прием?

— В девять. — Вероника прикусила губу. — Я молюсь, чтобы врач их порадовал. Я знаю, как она хочет ребенка.

— Ну сколько можно повторять: так и будет! — воскликнул Рэдфут. — И чего вы все вечно во мне сомневаетесь.

— Мэтт пошел с ней, — продолжила Вероника. — Я сказали им, что мы будем здесь, и

надеюсь, они забегут... С хорошими новостями.

— Привет, Шала. — Понча опустила на стол перед Шалой чашку, даже не спрашивая хочет ли она кофе. — Уже все вещи перевезла?

— В процессе.

Оставалось дожидаться вопросов о Хосе, которые официантка не стеснялась задавать при каждом удобном случае.

— Спасибо. — Шала пригубила горячий напиток. — Скоро подъедут Скай и Лукас, и мы сделаем заказ.

— Отлично. — Понча посмотрела на Рэдфута. — Эм, как там Хосе?

— В порядке, — отозвался тот. — Упрямый точно сорняк. Он никогда не изменится.

— Да уж, интересно, в кого он такой? — хмыкнул подошедший Рамон.

— *Mija!* — Вероника обняла сына, после чего они сдвинули два стола, дабы всем хватило места.

Понча отправилась за кофе для нового посетителя.

— Хосе лучше бы поумнеть, или он потеряет свою женщину, — заметил Рэдфут, глядя ей вслед.

— Эй, твой пацан не наложит на нее свои ручищи. — Рамон тоже смотрел на Пончу, но совсем не так, как старик.

— Я б не был столь уверен, — пробормотал Рэдфут. — Лучше поговори с Хосе.

Рамон уселся рядом с Шалой:

— Итак, как поживает самая прелестная блондинка в Совершенстве?

— Рамон, я же велел держаться подальше от моей женщины! — поддразнил откуда-то из-за спины голос Ская.

Шала обернулась к новоприбывшим, и ее взгляд, миновав Лукаса, тут же приклеился к Скаю. Черт, опять то же самое. Всякий раз, стоило его увидеть — даже когда они расставались всего на пару часов, — Шала чувствовала, как ее сердце буквально тает от любви. Скай Гомес ворвался в ее жизнь и все изменил, и каждую из этих перемен она тоже обожала. Больше не одиночка, окруженная семьей и друзьями... ну и не забываем про поджатые пальцы ног и удары кроватью о стенку.

— А я тебе ответил, что пока она не замужем — все по-честному, — возразил Рамон. — Лучше поторопись, а то я сам ее захомотаю.

— Не советую с ним связываться, — предупредил наглеца Лукас и подошел к Шале для объятий. — Просто обнимая эту женщину, я уже рискую жизнью.

— Еще как! — подтвердил Скай и прогнал Рамона, чтобы сесть рядом с Шалой.

Но еще даже не опустился на стул, а уже наклонялся и целовал ее.

— Я скучал, — прошептал Скай, когда их губы разъединились.

Рамон перебрался на другое место, а спустя пять минут все уже сделали заказ и, потягивая кофе и смеясь, обсуждали желание Шалы повесить в бывшей холостяцкой берлоге Ская кружевные занавески.

— Сдавайся, — посоветовал другу Лукас. — Ты исполнишь все, что она попросит, и знаешь об этом. Тебе крышка. Так же, как и твоему старику.

— Ты б так не веселился, — заметил Рэдфут. — Твое время грядет.

— Брехня! — Лукас нахмурился. — На сей раз ваши видения ошиблись.

— Я тоже так говорил, — пробормотал Скай, за что схлопотал тычок локтем от Шалы.

— Не хочется портить настроение, — вдруг начал Рэдфут, — но есть ли какие новости о

бульдого и предстоящем судебном процессе?

Лукас глотнул кофе.

— Хороший сенатор клянется, будто смерть была несчастным случаем, но сомневаюсь, что окружной прокурор на это купится. Судя по доказательствам, найденным в сейфе девушки, она пыталась шантажировать сенатора, а тот, когда узнал, вышел из себя. Фалькнер — тот, кто нанимал Коннерса — поет аки птичка, надеясь получить сделку повыгоднее. Он утверждает, мол, поначалу Коннерсу приказали просто достать камеру и компьютер Шалы, а когда сенатор принес плохие новости, они пытались связаться с наемником и велеть... — Лукас помедлил, — ...закончить работу. Но так и не дозвонились. Коннерс сам к ним явился, сказав, что кто-то в городе его узнал, потому ему-де надо решить эту проблемку и соскочить. Он не отказался выполнить заказ, но хотел, чтобы сначала все немного поутихло.

— Значит, Чарли и правда знал Коннерса? — спросил Рэдфут.

— По словам Фалькнера, да, Чарли узнал сокамерника брата, а когда заметил, что тот тоже следит за Шалой, подошел пообщаться.

— Что стало большой ошибкой, — резюмировал Скай, который уже слышал всю историю, пока они с другом разгружали вещи. — Но...

— Эй, — прервала Вероника, — вон Мария и Мэтт. Будьте милыми.

Скай наклонился к Шале:

— А еще неизвестно?...

— Нет, — прошептала она. — Кажется, они только от врача.

— Привет, — поздоровалась Мария, когда они с Мэттом подошли к столу.

Рамон тут же подскочил, подтаскивая еще стулья, чтобы все могли усесться. Мария явно плакала. Сердце Шалы болезненно сжалось.

Все устроились, и повисло зловещее молчание.

— Ребята, хотите кофе? Или, может, что-нибудь еще закажете? — спросила Понча, подлетев к затихшему столику. — Заказ остальных вот-вот будет готов.

— Мне только кофе без кофеина, — сказала Мария.

— Если вы еще подаете завтрак, то мне омлет с ветчиной и сыром, — добавил Мэтт. — И кофе.

Понча ушла, и все вновь умолкли.

— Это глупо, — заметил Рэдфут, разглядывая дочь. — Может, уже просто скажешь всем, что?...

Вероника ткнула его в бок.

— Это глупо, — влез Скай. — Она собирается сказать...

Теперь уже Шала вонзила локоть в любимого, но, видимо, перестаралась, потому что он аж крякнул.

Лукас повернулся к Рамону и усмехнулся:

— Теперь понимаешь, почему серьезные отношения с женщиной опасны для здоровья?

Вдруг Мэтт улыбнулся:

— Можно я им скажу?

В груди Шалы начала расцветать надежда. Неужели в глазах подруги стоят слезы счастья?

— Незачем, — отмахнулся Рэдфут. — Док уверил, что вы сможете иметь ребенка, так ведь? — И прикрылся рукой в ожидании очередного удара от Вероники.

— Нет, — покачала головой Мария. — Он не это сказал.

Затем посмотрела на Мэтта и кивнула.

— Завтрак, — возвестила Понча и водрузила перед Рамоном тарелку с яичницей-болтуньей.

Мария увидела яйца, застонала и, зажав рот рукой, ринулась в уборную.

— Что с ней? — спросил Рэдфут, переводя взгляд с убегающей дочери на Мэтта.

— О, я уверена, что с ней все прекрасно, — улыбнулась Вероника.

Шала изучала лицо Мэтта — одновременно восторженное и встревоженное состоянием Марии — и вдруг все поняла.

Мэтт бросился было вслед за невестой, но обернулся:

— Готово. — Он победно вскинул кулак. — Может, мои танцевальные навыки и не удовлетворили одного старика, но кое в чем я весьма хорош! В производстве младенцев.

Испустив торжественный вопль, он побежал к дамскому туалету.

Все засмеялись. Шала посмотрела на сидевших вокруг стола людей: Скай — мужчина, которого она любила всем сердцем и душой; Рэдфут, ставший ей вторым отцом; Вероника, Рамон и Лукас — ее друзья, а вскорости будут и семьей. Именно здесь ее место. Рядом со Скаем... в Совершенстве.

— Насчет твоих тычков локтем... — начал он, наклонившись.

Шала усмехнулась и прошептала:

— Я потом поцелую, где болит.

— Меня устраивает, — улыбнулся в ответ Скай.

Больше книг на сайте — Knigolub.net

Внимание!

Текст предназначен только для предварительного ознакомительного чтения. После ознакомления с содержанием данной книги Вам следует незамедлительно ее удалить. Сохраняя данный текст, Вы несете ответственность в соответствии с законодательством. Любое коммерческое и иное использование кроме предварительного ознакомления запрещено. Публикация данных материалов не преследует за собой никакой коммерческой выгоды. Эта книга способствует профессиональному росту читателей и является рекламой бумажных изданий. Все права на исходные материалы принадлежат соответствующим организациям и частным лицам.

---

notes

[1] Пау-вау (также row-wow, rowwow, row wow или rau wau) — собрание североамериканских индейцев. Название произошло из языка наррагансетт, от слова rowwaw, означающего «духовный лидер».

Современный пау-вау — специфическое мероприятие, на котором американцы и индейцы собираются танцевать, петь, общаться, обсуждать индейскую культуру. На пау-вау проходят танцевальные соревнования, зачастую с денежными призами. Пау-вау может длиться от нескольких часов до трех дней, а важнейшие пау-вау — и до недели.

[2] 10 января 1994 года, 24-летняя Лорена Боббит предстала перед судом штата

Вирджиния. Лорена обвинялась в том, что отрезала ножом пенис своему спящему мужу Джону Вейну Боббиту, после чего села в машину, выехала в поле, где и выбросила этот «отрезанный ломоть» через опущенное стекло автомобиля.